

Наринэ Абгарян
Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения
Серия «Манюня», книга 3

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3298465*

*Наринэ Абгарян. Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения: Астрель, Астрель-Спб; Спб; 2012
ISBN 978-5-271-42191-4, 978-5-9725-2263-7*

Аннотация

Вы держите в руках новую (и, по словам автора, точно последнюю) книгу о приключениях Манюни, Нарки и прочих замечательных жителей маленького городка Берд. Спешите видеть! И читать.

«Любая история имеет свое начало и свой конец.

Перед вами – третья, заключительная книга о девочке Манюне и прочих ее друзьях-родственниках.

Это большое счастье, когда история одной семьи находит отклик в сердцах стольких людей.

Мы хотим поблагодарить вас за то, что вы были с нами.

Спасибо за ваши улыбки и распахнутые сердца.

Мы этого не забудем никогда.

Герои „Манюни“».

Содержание

Действующие лица	4
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	73
Глава 9	84
Глава 10	94
Глава 11	108
Глава 12	120
Глава 13	134
Глава 14	144
Глава 15	153
Глава 16	161
Глава 17	173
Послесловие от автора	180

Наринэ Абгарян Манюня, юбилей Ба и прочие треволнения

Действующие лица

Семейство Шац:

БА. Иными словами – Роза Иосифовна Шац. Тут ставлю точку и трепещу.

Дядя Миша. Сын Ба и одновременно Манюнин папа. Одинокий и нестигаемый. Бабник с тонкой душевной организацией. Опять же однолюб. Умеет совместить несовместимое. Верный друг.

Манюня. Внучка Ба и Дядимишина дочка. Стихийное бедствие с боевым чубчиком на голове. Находчивая, смешливая, добрая. Если влюбляется – то вусмерть. Пока со свету не соживет – не успокоится.

Вася. Иногда Васидис. По сути своей – вездеходный «ГАЗ-69». По экстерьеру – курятник на колесах. Упрямый, своенравный. Домостроитель. Женщин откровенно считает рудиментарным явлением антропогенеза. Брезгливо игнорирует факт их существования.

Семейство Абгарян:

Папа Юра. Подпольная кличка «Мой зять золото». Муж мамы, отец четырех разнокалиберных дочек. Душа компании. Характер взрывоопасный. Преданный семьянин. Верный друг.

Мама Надя. Трепетная и любящая. Хорошо бегаем. Умеет метким подзатыльником загасить зарождающийся конфликт на корню. Неустанно совершенствуется.

Наринэ. Это я. Худая, высокая, носатая. Зато размер ноги большой. Мечта поэта (скромно).

Каринка. Отзывается на имена Чингисхан, Армагеддон, Апокалипсис Сегодня. Папа Юра и мама Надя до сих пор не вычислили, за какие такие чудовищные грехи им достался такой ребенок.

Гаянэ. Любительница всего, что можно засунуть в ноздри, а также сумочек через плечо. Наивный, очень добрый и отзывчивый ребенок. Предпочитает коверкать слова. Даже в шестилетнем возрасте говорит «аляпольт», «лясипед» и «шамашедший».

Сонечка. Всеобщая любимица. Невероятно упрямый ребенок. Хлебом не корми, дай заупрямиться. Из еды предпочитает вареную колбасу и перья зеленого лука, на дух не выносит красные надувные матрасы.

Генриетта. Вообще-то «копейка». Но по душевным качествам – золотой царский червонец как минимум. Вся из себя преданная, слова поперек не скажет. Усилиями обоих пап постоянно попадает в передряги. То в стадо коров въедет, то сальто-мортале в кювете крутит. И все это – без единого упрека. Не машина, а всепрощающий ангел на колесах.

Глава 1

Манюня – магистр наук, или Как банальный прострел может спасти от наказания

– Ба? А как умер Дарвин?

Ба схватилась за сердце. Резко села, нашарила очки. Спросонья нацепила их вверх тормашками и промычала что-то невразумительное в ответ.

– Чивой? – Манька приложила ладошку к уху и подалась вперед.

– Который час?

– Шесть часов утра, – звонко отрапортовала Манька, вытащила из-под мышки книгу, раскрыла на какой-то странице и требовательно уставилась на бабушку.

Ба с трудом разлепила глаза, глянула на часы.

– Мария, ты с ума сошла? Выходной на дворе, чего так рано проснулась?

Маня обиженно засопела:

– Так бы и сказала, что не знаешь, как умер Дарвин. Чего сразу про выходной говоришь?

Ба вздохнула, надела правильно очки, отобрала у Маньки книгу и уставилась на иллюстрацию. Со страницы на нее глядела толстая бородавчатая жаба.

– Это что такое?

– Это ядовитая жаба. Но я не про нее хотела. Просто здесь про эту историю картинки нет. Там написано, что одна оса ужалила паука. И паука парари... – Манька забулькала на «р», досадливо поморщилась, прочистила горло и по новой пошла на штурм сложного слова: – Палализовало!

– Парализовало?

– Вотэтовот! И лежал он такой, знаешь, совсем мертвый. Под кустиком. Но дышал!

– Ха-ха-ха!

– Ну чего ты смеешься? Ничего смешного тут нет! Наоборот, все страшно ужасно! И когда эта оса захотела утащить паука к себе в гнездо, деток кормить, Дарвин ее и поймал.

– Ложись рядом. – Ба подвинулась в сторону, отогнула край одеяла, похлопала рукой по простыне.

– Не буду я рядом ложиться! Ты снова начнешь меня тискать, а я поговорить хочу!

– Обещаю, тискать тебя я не буду.

– Поклянись!

– Клянусь! – Ба растопырила пальцы. – Видишь, я даже пальцы не скрещиваю.

Манюня с минуту сверлила бабушку испытывающим взглядом, потом кивнула, забралась под одеяло и громким шепотом продолжила:

– И чего я теперь думаю. Может, когда Дарвин привез эту осу к себе в... ну где он там жил, в домой...

– Домой.

– Ну да, в домой.

– Домой привез, а не в домой!!!

– Ба, ну чего ты! Домой привез эту осу! Так вот, жила она какое-то время в клетке, а потом Дарвин нечаянно просунул туда палец, ну поковыряться хотел, а она возьми и ужаль его? И он умер?

– Палализованный умер? – Ба, не выдержав Маниного наполненного трагизмом взгляда, зарылась лицом в подушку и разразилась своим фирменным смехом, периодически всхлипывая и причитая: «Ой, я больше не могу!» Манька раздраженно выдернула из рук бабушки книгу, сползла с кровати, нацепила тапки.

– Вот ты прямо как папа! Ему тоже скажешь чего научного, и он тут же начинает смеяться. И говорить «ой, я не могу», – передразнила она. – Не буду я вам больше ничего говорить! Я лучше Нарке буду рассказывать. Она, может, и сама не знает, от чего Дарвин умер, но хотя бы не смеется в ответ!

– А что же она делает, если не смеется? – взвизгнула между двумя приступами хохота Ба.

– Сидит рядом и молча смотрит. Понятно? Так что вот, пошла я к себе! А ты смейся дальше одна! – Манька шмыгнула носом, натянула высоко на грудь пижамные штаны, развернулась через плечо и, остервенело чеканя шаг, выдвинулась вон из комнаты.

– Ой-ой! Грудь моряка, попа индюка! – крикнула вслед Ба.

– Ни ой ни ой! Ни грудь ни моряка ни попа ни индюка! – не осталась в долгу Манька.

Ба утерла рукавом ночнушки выступившие слезы, полежала какое-то время, приходя в себя. Поднялась, затащила в короткий хвостик вьющиеся волосы. Подошла к окну и распахнула форточку. Комната мигом наполнилась холодным февральским утром – остро запахло талым снегом и влажной, разбухшей землей, промерзший рассвет робко золотил плечо дальнего холма, сварливо перекликались приподнявшиеся утренние петухи.

– День будет добрым, – решила Ба.

Она переделалась, привела в порядок постель, накрыла кровать тяжелым простеганным покрывалом. Сложила в стопку книги на тумбочке, поправила ажурную салфетку на трюмо.

Окинула довольным взглядом комнату – чистота! Тихо прикрыла за собой дверь и пошла вести переговоры с внучкой.

Манькина комната находилась между комнатами Ба и дяди Миши. Дядимишина спальня располагалась в самом конце коридора. Она замыкалась большой стеклянной лоджией, где дядя Миша хранил всякие свои инженерные штучки. Несколько проводов, металлических деталей и штепселей лежали в картонной коробке под столом. Ба каждую уборку сильно ругалась и вытаскивала коробку на лоджию, но через день-второй та волшебным образом снова оказывалась в комнате. Просто дядя Миша периодически делал какие-то открытия, увлеченно чертил схемы и собирал странные конструкции, на выходе смахивающие на покореженные после небольшого взрыва запчасти бензопилы «Дружба», поэтому коробка-выручалка должна была постоянно находиться под рукой. Мало ли, может, вдохновение обуяет тебя в три часа ночи, не идти же за проводами на морозный балкон! Ведь шаговая доступность запчастей – залог самых больших научных открытий!

Поэтому, чтобы уберечь нервы себе и окружающим, Ба отвела сыну дальнюю комнату. Так можно меньше раздражаться из-за бесконечного промышленного хлама, без которого сын не представляет своей жизни, да и не отвлекать его от разновсяких важных открытий. Дядя Миша самоотверженность Ба очень ценил, дома старался сдерживаться от безумных конструкторских порывов, а работу новоиспеченных устройств проверял на заднем дворе родного релейного завода. Сильно кручинился, что для экспериментов на предприятии не имеется бронированного помещения.

Но иногда его накрывал неконтролируемый творческий экстаз, в такие минуты дядя Миша забывал обо всем на свете и проверял действие своих устройств на дому. Два раза обошлось сущей ерундой – выбитыми пробками, один раз случился небольшой пожар, который наш неугомонный изобретатель потушил собственными новыми шерстяными брюками, а однажды включенная в розетку конструкция издала такой холодящий душу потусторонний вой, что от ужаса скрючило всю живность на многие сотни метров вокруг.

Манина комната была самой большой и светлой. Справа стояла широкая кровать темного дерева, в изголовье кровати – письменный стол. На стене висел большой бежевый ковер в шоколадный и темно-зеленый узор, в углу комнаты расположилось старое кресло. Слева от входной двери высился шкаф, где хранилась не только одежда, но периодически, когда нам хотелось напустить загадочного туману на нашу и без того богатую событиями жизнь, хранились мы. Хранились мы в шкафу с целью разобраться, можно ли распознать в темноте гримасу подруги или показать с лету, без унижительных ощупываний, где у кого нога, а где, наоборот, ухо.

К сожалению, или, может быть, к счастью, в шкафу мы обитали недолго, минут пятнадцать – двадцать, и всё потому, что существовать мирно в тесноте, да не в обиде категорически не умели. Поэтому чаще всего посиделки в темноте заканчивались тем, что мы с шумом вываливались на пол и устраивали сокрушительный мордобой, помогая себе вешалками и другими подручными средствами. На наши крики прилетала Ба, и следующие полчаса, угрюмо сопя и отсвечивая в пространство зудящими вывернутыми ушами, мы приводили в порядок Манин гардероб. Труд не только облагораживает, но и сближает, так что по ходу уборки мы обратно мирились, а к концу были готовы к новым, не менее захватывающим приключениям.

В течение дня Манька редко бывала у себя и даже домашнее задание норовила делать за кухонным столом – там ей было уютнее, да и Ба постоянно крутилась рядом и могла помочь в решении сложной задачи. В комнате моя подруга предпочитала спать и дуться. И если по какой-то причине ей хотелось высказать миру свое «фи», она прикрепляла магнитиками к металлической рамке на двери небольшой плакат с надписью «Вход запрещен» и закрывалась в комнате. Сегодняшнее утро явно заслуживало очередной Маниной протестной эска-

пады, поэтому, когда Ба пошла разговаривать с внучкой, она наткнулась на запертую дверь и плакат с грозным предупреждением.

– И чего? – спросила Ба в дверь. – Мне сюда совсем вход запрещен?

– Совсем! – мигом отозвалась Манька в замочную скважину.

– А если я извинюсь?

– Поздно извиняться! Надо было сразу!

– А если я оладьи сделаю?

– Все равно! – не дрогнула Манька.

– Не простые оладьи, а дрожжевые! Пышные-румяные!

За дверью сердито закопошились. Ба победно хмыкнула, встала руки в боки.

– Ладно, я пойду замешивать тесто, а ты пока думай.

– Мам, ну чего вы поспать не даете? – крикнул из своей комнаты дядя Миша.

– Да вот, твоя дочь чудит.

– И ничего я не чужу! – моментально огрызнулась Манька.

– Ну всё, я пошла. Как только надоест дуться – спускайся вниз. Я тебе расскажу, от чего умер Дарвин.

– А ты точно знаешь, от чего он умер?

– Точно знаю!

– Скажи? – Манькин любопытный глаз сканировал пространство через замочную скважину.

Ба наклонилась и поймала вороватый взгляд внучки за секунду до того, как та отпрянула от двери.

– А не скажу. Когда выйдешь – тогда и расскажу.

– Очень надо! – рассердилась Манька.

– Ну как хочешь, – засмеялась Ба и пошла вниз по лестнице.

На кухне она первым делом включила радио. Пока диктор, дребезжа лучом счастья в голосе, рассказывал, как пышно взошли озимые по всем полям нашей необъятной родины, Ба сердито ходила лицом и едко комментировала каждое его слово. Далее, под аккомпанемент трагических новостей о бедственном положении шахтеров боливийского департамента Оруро она распустила в теплом молоке дрожжи, чуть посолила, поставила миску с опарой на теплую батарею – чтобы быстрее расходилось. Пока дрожжи думали, Ба сбегала на задний двор, насыпала курам зерна, долила в поилку воды. Забрала четыре яйца, пятое трогать не стала – оставила в коробке. Потому что если забрать все яйца, то куры разбредутся по курятнику и будут нестись по углам вразброс.

Прибежала, морозная, домой, разбила в опару три желтка, добавила по столовой ложке сахара и растопленного сливочного масла, а также полчашки сметаны, замесила негустое тесто. Отдельно взбила в пышную пену белки, аккуратно ввела в тесто. Размешала деревянной лопаточкой, накрыла крышкой, завернула в теплое одеяло, поставила доходить. Растопила полпачки сливочного масла и взбила его со стаканом липового меда. Получился вкусный соус для оладий. Заварила в пузатом керамическом чайничке заварки, открыла банку клубничного варенья – дядя Миша не ел меда, из сладкого предпочитал только варенье. Довольная собой, села попить чаю. Прислушалась – наверху было тихо.

«Надо бы сходить посмотреть, что она там творит», – решила Ба, допила чай, ополоснула чашку и, стараясь не скрипеть деревянными ступеньками, поднялась на второй этаж. Первое, что бросилось ей в глаза, был густо исписанный неровными каракулями плакат. Ба поправила на переносице очки и подошла ближе, чтобы лучше разглядеть новые надписи. Манюня, конечно же, не ударила в грязь лицом и расцветила плакат очередными душевынимающего содержания воззваниями:

«ВХОД ЗАПРЕЩЁН ВСЕМ, КТО СМЕЁТЦА!»

КОМНАТА!
КАПИТАНА КАРОЛЕВСКОГО ФЛОТА МАРИИ ШАЦ!
МИХАЙЛОВНЫ!
МАГИТСРА НАУК. ЧЛЕНА КАРОЛЕВКОГО ОБЩЕСТВА 1845!
ГОД РОЖДЕНИЯ: 1970 ГОД 11 НОЯБРЯ!
ГОД СМЕРТИ: НЕ УМЫРЛА, ЖИВАЯ»

Ба прыснула.

– Смеешься? – мигом засварливилась замочная скважина.

– Ну что ты! – закашлялась Ба. – Мне совсем не до смеха.

– Нравится? – оттаяла скважина.

– Очень нравится. А что такое тысяча восемьсот сорок пять?

– Где?

– А вот на плакате. Ты написала «член королевского общества 1845».

– Я не знаю, переписала из книжки, просто добавила свое имя. Теперь я капитан королевского корабля. И вход тебе сюда все равно запрещен.

– А чего же ты, капитан королевского корабля и магистр наук, без ошибок переписать не смогла?

– Где?

– А вот тут и тут, – Ба ткнула пальцем в плакат. – И еще вот здесь. Я лично три ошибки насчитала. Выйди, я тебе покажу.

– Не выйду! Ты ругаться станешь!

– Не стану я ругаться.

– А я говорю, что станешь!

– А я говорю...

Ба не успела закончить фразу, потому что дверь соседней комнаты с шумом распахнулась, и оттуда высунулся всклокоченный дядя Миша.

– Я так понял, в законный выходной мне таки выспаться не дадут?

– Пока не научишься правильно застегивать пижаму, точно не дадут! – парировала Ба. – Надо же было аж на две пуговицы промахнуться!

– Это потому, что я приблизительно застегивался, уже в темноте. А что тут у вас происходит?

Ба кивнула в сторону плаката:

– Да вот, моя внучка сегодня с шести часов утра на ногах. Обрати внимание на ее регалии – любой нобелевский лауреат обзавидуется.

Дядя Миша прищурился, чтобы разобрать Манины каракули.

– Магистр наук! Ну надо же! А почему вход в комнату запрещен?

– Потому что Ба смеется надо мной! – пропыхла Манька.

– Ничего я не смеюсь! Я даже в полном восторге от твоей научной версии о смерти Дарвина.

За дверью воцарилась недоверчивая тишина.

– А что за научная версия? – шепнул дядя Миша.

– Пусть она сама тебе расскажет, – хихикнула Ба.

– Дочка, – постучался в дверь дядя Миша, – у тебя тут на плакате написано, что вход запрещен всем, кто смеется. Но я-то над тобой не смеюсь? Мне-то ты можешь открыть?

– Не могу, – прогудела Манька. – Ты будешь ругаться!

– Да не буду я ругаться!

– А я говорю, что будешь!

– А я говорю...

Ба какое-то время с благодушной улыбкой прислушивалась к перебранке родных, но вдруг всполошилась и напряглась:

– Одну минуточку! Мария, деточка, а ну-ка признавайся, что ты натворила? Ведь дело не в плакате, так? Ты зачем заперла дверь?

В комнате воцарилась гнетущая тишина, зато в замочной скважине с удвоенной скоростью заметался Манин глаз.

– Я же говорю, что будете ругаться, – заныла она.

Дядя Миша с Ба испуганно переглянулись.

– Не будем! Честное слово, – заверили они хором.

– Поклянитесь! – потребовала Манька. – Моим здоровьем!

– Клянемся твоим здоровьем!

– Я сейчас открою, только вы сразу не заходите, ладно?

– Ладно!

Сначала в двери закопошился ключ, потом послышался топот голых Маниных пяток. Когда дядя Миша с Ба заглянули в комнату, Манька уже летела к своей кровати. Она с разбега ввинтилась головой в подушку и притихла, выставив на всеобщее обозрение обтянутую в теплые пижамные штаны толстенькую попу.

– Чисто страус! – хмыкнула Ба и пошла штурмом на Маньку. Интерьер на предмет разрушений даже не просканировала – за годы жизни с Маней научилась безошибочно распознавать, в какой точке пространственно-временного континуума успела нашкодить ее неугомонная внучка. Сейчас интуиция подсказывала ей, что точка эта находится в том месте, где Маня прячет лицо.

– Показывай, что там у тебя, – потребовала Ба.

– Не буду! – прогудела Манька и сильнее зарылась лицом в подушку.

– Не зарывайся в подушку, дышать нечем, задохнешься!

– Ну и пусть!

– Сама напросилась! – Дядя Миша вцепился в пятки дочери и принялся их немилосердно щекотать. Манька взвизгнула, выгнулась дугой и выпустила подушку. Ба молниеносно выдернула подушку и одеяло. Зарываться лицом теперь было категорически не во что! Манька засопела, повздыхала, полежала еще какое-то время попой торчком, потом резко села и убрала ладошки с лица.

– Вот!

– Гхмптху, – громко сглотнули дядя Миша с Ба.

– Это я просто нарисовала, не пугайтесь, – успокаивающе замахала руками Маня.

– Как это не пугаться? – Ба наклонилась к внучке, чтобы внимательнее рассмотреть ей лицо. – Что ты с собой сделала, горе луковое?

Горе луковое виновато топорщилось в ответ густонакрашенными смоляными щеками.

– Я себе бороду нарисовала. Как у Дарвина. Фломастером.

– Чем???

– Фломастером. Черным. Чтобы быть похожей на капитана королевского флота. Ну чего вы так на меня смотрите?

Манька не зря беспокоилась. Папа с бабушкой глядели как два каменных изваяния. И если папа хотя бы иногда вздыхал и беспомощно моргал, то Ба совсем не двигалась. Она так и стояла, согнувшись пополам, прижимая к груди подушку с одеялом. Потом, спустя сотню лет, она моргнула, повернулась к сыну и, глядя ему куда-то в пупок, сдавленно простонала:

– Спину свело.

– Чего? – испугался дядя Миша.

– Спину, говорю, свело! – пророкотала Ба. – Сделай что-нибудь!

– Маня, принеси из аптечки тигровую мазь, – встрепенулся дядя Миша.

Пока Манюня летела на кухню за мазью, он помогал Ба улечься в кровать.

– Да что же это такое! – охала Ба, тщетно пытаясь растянуть хотя бы в тупой угол свое скрюченное буквой Г тело. – Что за напасть такая?

– Мария, – перевесился через перила лестницы дядя Миша, – нашла?

– Нет, – крикнула Манька, – в аптечке только бутадионовая мазь!

– Тигровую я в прошлый свой приступ извела, – простонала Ба.

– Могу сбегать к тете Вале, – предложила Маня.

– Одна нога там, другая тут, – крикнул дядя Миша.

Маня накинула на пижаму пальто, надела сапоги и выскочила из дому. Пока она бегала к соседям, дядя Миша принес с верхней полки антресолей специальную шаль из козьего меха. Эта шаль была неизменным спутником Ба во всех ее радикулитных делах. Ба пришила к одному концу шали пуговицу, а к другому – петлю, и в нелегкие дни, когда спину скрючивал приступ, обматывалась ею и торжественно застегивала на животе.

Когда дядя Миша примчался с шалью, Ба лежала на боку и мелко всхлипывала.

– Мам, ты чего, плачешь? – испугался дядя Миша.

– Ой-йе! – взвизгнула Ба. – Ой-йе, зиселе. Ты Маню к Вале послал, да?

– Ну да. А что?

– То-то Валя обрадуется ее бороде!

Конечно, не каждой соседке выпадает счастье наблюдать в раннее воскресное утро бородатого магистра наук и члена королевского общества 1845 Марию Шац Михайловну. Особенно если та врывается с воплем: «Тетя Валя, ой, тетя Мариам, здрассьти, а где у вас тигровая мазь?» – а у вас на руках, в это нелегкое для вашей психики время, спит маленький Петрос. Но по соседству с Ба слабохарактерные люди не выживают, поэтому закаленная тетя Мариам, не моргнув глазом, одной рукой выудила откуда-то из-за спины тюбик мази, а другой оперативно смочила в тутовке ватный шарик и протерла им Манино личико. Не сказать что борода от протирания сошла на нет, скорее подернулась акварельной дымкой, но зато прищпоренная спиртовым духом Манька покрыла обратное расстояние за считанные секунды.

Потом они на пару с дядей Мишей натерли Ба кусачей мазью, обмотали шалью и усадили на кухонный диванчик – руководить. И Ба, как заправский Кутузов, правда, с повязкой не на глазу, а на спине, командовала битвой под названием «Один шлимазл спалил все тесто, а вторая закапала пол сладким соусом». И пока она ворчала, запивая обугленные оладьи сладким чаем, а дядя Миша хватался обожженными пальцами за мочку то одного, то другого уха, Манька, довольная тем, что радикулит Ба спас ее от наказания, каждые пять минут бегала в ванную – смывать бороду хозяйственным мылом. Борода со скрипом поддавалась, но местами держалась просто намертво! Отчаявшись, Манька даже попыталась протереть лицо кусочком пемзы, но тут же бросила эту затею – пемза, может, и отчищала, но вместе с бородой сдирала ещё и кожу.

К десяти часам утра, поднятый Дядимишиным звонком, приехал папа. Конечно, с большим скандалом, но ему таки удалось сделать Ба укол.

– Юрик, ты меня через одежду коли, какая разница! – клокотала Ба.

– Роза, если ты думаешь, что это первый женский зад в моей врачебной практике, то очень ошибаешься! – хладнокровно набирал в шприц лекарство папа.

– Лучше бы мы сына Газаровых позвали, – огрызалась Ба. – Он хоть и ветеринар, но повежливее тебя будет!

– А тебе лишь бы молоденьким мужчинам глазки строить! – не остался в долгу папа.

– Ну ты когда-нибудь уже сделаешь укол, или мне в такой двусмысленной позе Судный день встречать?

– Да я уже всё!

– Как всё? Совсем всё?

– Ну да!

– Юрик-джан, я так и знала, что у тебя не руки, а золото.

Над Маниной бородой папа сначала долго подтрунивал, а потом велел собираться.

– Повезу ее к нам, уж Надя придумает, чем фломастер смыть.

Мама первым делом нанесла на Манино личико густой слой детского крема.

– Чтобы кожа отдохнула, – объяснила.

Манька уже стерла часть своей бороды, поэтому ходила по дому плешивая, но жутко довольная. Мы с Каринкой сначала хотели ее на смех поднять, но потом передумали и сами намазюкали кремом – страдать, так хором. Потом мама протерла Манину бороду огуречным лосьоном и повела умываться в ванную. Два часа остервенелых косметических процедур – и мы получили нашу любимую Маньку обратно – такую, к какой мы привыкли. Чтобы смешная улыбка, пухлые щечки и боевой чубчик. Правда, боевой чубчик от перенесенных Маней очистительных испытаний немного поник, но в целом все равно выглядел непокоренным.

Кто бы сомневался!

Глава 2

Манюня выступает на отчетном концерте, или Оригинальный способ лечения боязни высоты

Один отдельно взятый, может и небольшой, но вполне убедительный прыщик на носу – это целое событие. Знаете почему? Потому что есть что предьявить миру, а особенно – этой противной Ангелине, у которой неизвестно откуда посреди тела выросла грудь. Грудь реально одна, второй еще нет, Ангелина растет в одну сторону, не иначе, но кого это утешает? Никого это не утешает, а уж меня с Манькой – подавно. Потому что Ангелину мы не очень любим. Прямо-таки недолюбливаем. Да что уж душой кривить, терпеть мы эту Ангелину не можем!

Сегодня показательное выступление учеников музыкальной школы. Актальный зал забит до отказа. Вообще-то у нас не очень большой актальный зал, всего на сорок человек. Но сорок человек – это тоже серьезно, особенно когда они уже расселись по деревянным скрипучим стульям и, в ожидании культурных потрясений, с интересом рассматривают лепнину на потолке и темно-зеленые бархатные кулисы. Кулисы тяжелые, волнистые, когда раздвигаются – громко шелестят, а в темноте отдают серебристыми бликами. Лепнина на потолке вся из себя нарядная, обильная, в мелкий вьющийся завиток.

В первом ряду на самом почетном месте сидит директор Мария Робертовна, строгая тетечка с усами и даже немножко бородой, если принять во внимание щедро торчащие из круглой родинки на подбородке волоски. Мария Робертовна «преподает скрипку». Манька жалуется, что совершенно невозможно играть на скрипке, когда рядом маячат усы и немножко борода Марии Робертовны.

– Как увижу ее родинку, тут же все ноты вылетают из головы! – кручинится Манька и скорбно трясет непокорным чубчиком. Убедительно трясет, со всей силы. Будь чубчик хоть чуть-чуть накладным, он бы давно отлетел в сторону от такого немилосердного обращения. Но чубчик всамделишный, буйнорастущий, поэтому боевито развеивается над Манькиным лбом и отваливаться не собирается.

Ба Маньке не верит. Ба говорит, что Манька просто выдумывает всякие глупости, лишь бы не играть на скрипке. А ведь нормальному, уважающему себя ребенку из правильной еврейской семьи прямая дорога в Спиваковы!

– А кто такие Спиваковы? – пыхтит обиженная Манька. Манька не любит, когда ей кого-то ставят в пример, она тут же ошетиливается чубчиком и воинственно оттопыривается круглым пузом.

– Спиваков, а не Спиваковы! Уж не такое в детстве позорище, как ты! А талантливый скрипач, ясно?

Может, конечно, этот Спиваков и талантливый скрипач, мы его не знаем и спорить с Ба не хотим. Наверное, легко быть талантливым скрипачом, когда в далеком детстве с тобой занималась совсем другая, симпатичная преподавательница! А не Мария Робертовна, от одного вида волосатой родинки которой смычок прирастает к струнам, а природный талант сворачивается в кукиш! Опять же, небось у Спивакова была нормальная человеческая семья, которая подавала ему правильный пример. Я бы посмотрела, в кого бы он вырос, будь у него перед глазами такая девочка, как наша Каринка.

Когда упирающуюся Каринку мама с папой привели в музыкалку, у Марии Робертовны чуть родимчик не приключился от абсолютного слуха моей сестры.

– Только на скрипку! – заверещала она. – И только ко мне!

Мы с Манькой уже учились во втором классе музыкальной школы, я – по классу фортепиано, потому что слухом до скрипки не дотянула, а Манька по классу скрипки, потому что со слухом у нее все было в порядке. И тут в музыкалку приводят Каринку, которая, не моргнув глазом, угадывает с закрытыми глазами все ноты и на память выводит чуть ли не оперные рулады. В воображении Марии Робертовны рисуется триумфальное будущее – вот наша Каринка выступает с симфоническим оркестром в Москве и под овации восторженной публики, вырывая у ведущего микрофон, объявляет на всю страну: «За мою безупречную технику исполнения спасибо большое моей преподавательнице по скрипке Марии Робертовне Маркарьян!» Слезы, фанфары, цветы, занавес. Всесоюзный почет и уважение.

Мария Робертовна, конечно, не подозревала, какую девочку выбрала себе в ученицы, а мы малодушно не стали ее предупреждать. И даже когда вся неприглядная истина о моей сестре открылась нашей отважной директрисе, та сдаваться не стала и с воплем: «Я все равно сделаю из тебя человека», – взялась за дело. И вся музыкальная школа с замиранием сердца наблюдала, как моя сестра упирается играть на скрипке, а Мария Робертовна, злобно оцетинившись усами, пытается сделать из нее знаменитость государственного масштаба. Навроде Спивакова.

Ну и кончилось все тем, что одним дождливым ноябрьским днем, сразу после очередной битвы за звание человека, Каринка воровато прокралась в первый попавшийся по дороге двор и утопила в туалете системы «деревенский сортир» свой несчастный инструмент. Вернулась вся из себя довольная домой и объявила, что в музыкалку она больше ни ногой, хоть убей. А вот в художественную школу очень даже пойдет.

Сначала у нас в квартире случилось легкое светопреставление на тему «ну сколько можно, я спрашиваю, сколько можно!» Мама оттащила Каринку за уши, заперла в детской, тут же вытащила ее обратно и стала выпытывать, куда она подевала скрипку. Каринка какое-то время угрюмилась и выразительно сопела, потом призналась, что скрипка совершенно случайно утонула в выгребной яме.

– Как это утонула? – не поверила своим ушам мама.

– А вот так. Взяла и утонула. С концами! – пожалала плечами Каринка.

Мама какое-то время хватала ртом воздух, потом махнула рукой и побежала вести с папой переговоры о второй скрипке. Папа сразу предупредил, что на второй инструмент денег у него нет. И что нервы у него совсем тонкие, того и гляди порвутся, а без нервов он за себя не отвечает. Папа всегда так говорит, когда его склоняют к непредвиденным расходам.

Мама погоревала-погоревала, да и смирилась со своей участью. Потому что очень хорошо знала дочку и понимала, что если уж та уперлась – то это до победного. А что такое в Каринкином случае «до победного» – не надо никому объяснять. Какая-нибудь леденящая душу варварская выходка – вот что это такое. Поэтому родители решили пойти путем наименьшего сопротивления и перевели сестру в художку. Правда, им пришлось долго упрашивать нового директора, чтобы он согласился на такую ученицу. Ибо слава о проделках сестры опережала ее на многие километры. Как артиллерийский обстрел – наступление пехоты, например. Или как противная контрольная с инспекторами от районо – долгожданные летние каникулы.

Мы с Манькой шибко завидовали Каринке, но пойти по ее стопам позволить себе не могли. У меня была вообще беспросветная ситуация – пианино утопить в выгребной яме я при всем желании не смогла бы, а загоревшейся было Маньке Ба в два счета объяснила, что с ней сделает, если та попытается последовать Каринкиному примеру. И дело закончилось тем, что мы с Манькой остались в музыкалке и, проклиная все на свете, по два часа в день калечили мировую классику, а Каринка бодро малевала свои натюрморты и называла нас неудачницами.

Ладно, вернемся к концерту, а то я что-то увлеклась. Итак, актовый зал забит до отказа преподавателями и родителями, в третьем ряду, ближе к выходу, сидит дядя Миша, поправляет на переносице очки и ведет оживленную беседу с мамой девочки Лусинэ. Мама девочка Лусинэ вся из себя румяная, блестит глазами и изысканно смеется в ответ – откидывает голову, прикрывает ладонью рот и давай выводить «кы-кы-кы-кы-кы». Одним словом, кокетничает с дядей Мишей напропалую. Манька сердито сопит в занавес, я стою рядом, в платочке, повязанном аккуратным узлом под подбородком.

Потом начинается концерт. И вот Ангелина стоит посреди сцены, такая вся крахмальная-отутюженная, аккуратный, волосок к волоску, пробор, в длинные косы вплетены два больших, совершенно волшебных банта – почти прозрачные, они густо обсыпаны серебряной мушкой, и если прищуриться, то кажется, будто вокруг кос роятся блестящие светлячки. Юбка на Ангелине темная, в складку, сидит не набекрень, с вывернутым подолом или пуговицей на пузе (когда этой пуговице место на боку), а как надо сидит, правильно. И колготки на ней гладенькие, не пузырятся на коленях, как обычно бывает. И блузка на ней красивая, с рюшечками возле горла, в обтяжку. И из этой обтяжки торчит грудь! Маленькая такая, совсем даже крохотная, но грудь!

А я стою за сценой в платочке. То есть играть мне сейчас этюд Черни вот в таком позорном виде. И даже победно вылезший аккурат к концерту Манин прыщик на носу не утешает. Хотя за подругу я очень радуюсь, ага. Мы сегодня целый день этот прыщик изучали: и так

посмотрим, и эдак, и в профиль, и анфас. С какой стороны ни любуйся – получается невероятная красота. Но мне-то от этого не легче! Душа все равно ноет из-за такой несправедливости. Ангелине выступать с грудью, Маньке – с прыщиком, а мне – в косынке. Эх!

Вот вы меня спросите, чего это я так сумбурно рассказываю. Начала с Ангелининой груди, потом про скрипку в выгребной яме вспомнила, про триумфальный Манин прыщик. Намекнула про свою косыночку. Где логика, спросите вы! Логика нет, спорить не буду. Это я так просто разогреваюсь, чтобы наконец поведать вам, как все на самом деле случилось. Так сказать, набираюсь храбрости.

Ладно, не вилять же мне бесконечно хвостом. Начну еще раз, с самого начала.

В общем, так. Наступила весна, и как-то сразу стало тепло. Еще недавно народ кутался в пальто и ходил в сапогах, а сегодня уже все в куртках и ботинках. Вот и мы с Манькой, расфуфыренные, она в своей желтой курточке и вязаной красной шапке, а я в голубом легком пальто, солнечным практически вторником шли на занятие по сольфеджио. Вообще никого не трогали, просто шли по улице. Манька несла скрипку, потому что после сольфеджио у нее занятие по специальности, а я тащила папку с нашими нотными тетрадками и книгами. Культурно обсуждали Баха. Ну то есть как обсуждали, прямо-таки осуждали!

– Вот эти его фуги! – кривилась как от зубной боли я. – Как можно было такую скучную музыку сочинять? И нас еще заставляют ее играть!

– Да уж! – поддакивала Манька. – Даже не знаю, что может быть скучнее его фуг. Если только прелюдии?

В процессе оживленной беседы мы дошли до моста, ведущего к базару. Мост перекинут через небольшую речку – она разделяет наш городок ровно пополам и, весело журча, мчится в сторону старой крепости, где вливается в большую реку Тавуш. Мы какое-то время постояли на мосту, повздыхали, глядя вниз, в мутные по весне быстрые воды.

– В принципе, – задумчиво протянула я, – в принципе, твою скрипку можно было бы и здесь утопить.

– В принципе да, – согласилась Манька.

Выражение «в принципе» мы выучили совсем недавно, и оно нам очень нравилось. Поэтому мы его часто и увлеченно употребляли.

– Но тогда бы тебе пребольно влетело от Ба.

– Это да, в принципе, все так и есть. А знаешь, чего я думаю? – сосредоточенно засопела Манька. – Знаешь, почему музыки Баха называются фуги?

– Почему?

– Потому что от слова «фу». Понимаешь? Вот когда тебе что-то не нравится, ты говоришь «фу-у-у»! Вот и тут получается – фу-ги!

– В принципе, правильно, – важно повела бровями я. – А что тогда означает «ги»?

– Ги?

– Ну да! Ты же говоришь: «фу-ги». Что означает «ги»?

– Надо подумать! – Помпон Манькиной шапки свесился вниз, она качала головой туда-сюда, помпон качался в такт, и все это выглядело очень завлекательно. Жаль, у моей шапки нет помпона, а то я бы тоже так забавлялась. Но перевешиваться с моста вниз головой не стала бы. Я высоты боюсь.

– Ги, – повторяла Манька в такт помпону. – Ги-ги. Нарка, мы с тобой дуры.

– Это почему?

– Потому что не «ги», а «га», понятно? Фуга, а не фуги.

– Тогда понятно, – шмыгнула носом я.

– Это чего тебе понятно?

– Про «га» понятно. Кто говорит «га»? Гуси!

– Гуси, ага. Гуси-гуси, га-га-га!

– Ну вот и ясно. Фу-га. Идиотское слово для дурацкой музыки.

Манька резко вскинулась, помпон, пролетев круглой дугой, угнездился на своем законном месте. Помпон большой и пушистый, прикреплен к шапке длинной шелковой тесьмой, и, когда Манька бежит по улице, он весело подпрыгивает круглым мячиком.

– В принципе, все верно, Нарка. Идиотское слово для дурацкой музыки.

Потом мы с Манькой принялись обсуждать завтрашний показательный концерт. Наша музыкалка гордо именуется Бердской музыкальной школой № 1. Зачем кто-то взял и пронумеровал одну-единственную музыкальную школу, не очень понятно. Не иначе на вырост пронумеровали, в надежде, что вскорости в городке появится вторая музыкальная школа.

Но пока это вскорости не случилось, музыкалка в Берде одна, и раз в год, в марте, она организовывает концерты для родителей и других отчаянных людей. Хвастает умением своих учеников терзать инструменты.

Сначала мы оживленно обсудили завтрашний концерт. Можно сказать – по душам поговорили. Потом внезапно вспомнили про сольфеджио и припустили что было мочи – опаздывать на занятие никому не хотелось. Так здорово припустили, что влетели в кабинет аж за пять минут до начала занятия. И встали на пороге как вкопанные. Любой человек встал бы как вкопанный при виде сидящей за первой партой Ангелины.

Ангелина сидела невероятно гордая, в тонкой кофте. Чуть ли не выгнувшись дугой. И из этой выгнутой дуги торчала одинокая грудь. Мы даже не сразу поверили глазам своим. Потом стряхнули оцепенение и прошлись несколько раз вдоль первого ряда парт, впереди Манька, следом я, смотрели прямо, но отчаянно косились в сторону Ангелины. И чего? Наваждение не исчезало. Видимо, пока в зимние холода мы ходили в теплых кофтах, грудь выросла и аккурат к весеннему теплу выросла. А тут Ангелина надела тонкую кофту, и на тебе!

В классе наблюдалось лихорадочное оживление. Девочки жалась по углам и тихо шушукались, периодически оборачиваясь к Ангелине. Мальчики скакали по партам, устраивали потасовки, гикали и всяко выделялись. Приноравливались правильно реагировать на Ангелинины формы. Если можно было бы убивать взглядом, Ангелина давно бы уже была мертва. Или у нее счастливо отвалилась бы новоприобретенная грудь. Но так как взглядом убивать третий класс Бердской музыкальной школы № 1 не умел, то Ангелина так и восседала за первой партой с гордо вытарашенной грудью.

Мы с Манькой чуть не задохнулись от такой несправедливости. Эта Ангелина – прямо как бельмо на глазу! Мало того что она – лучшая ученица в классе, и диктанты по сольфеджио пишет на одни пятерки, мало того что она всегда выглядит очень опрятно, и прическа у нее какая надо прическа, а не как у нас – словно курица лапой в волосах ковырялась, так еще у нее выросла грудь! Слева!

Диктант по сольфеджио – наше больное место. Его мы пишем из рук вон плохо, обязательно запутываемся в пунктирном ритме. А если дело доходит до восьмушки с точкой или, там, шестнадцатых – то это полный провал. Серго Михайлович, когда наигрывает на фортепиано очередной отрывок произведения, оборачивается ко мне и Маньке и чуть ли не глазами своими разношерстными семафорит, намекая, где увеличивается доля такта, где большой мажорный септаккорд, а где вообще малый минорный. Но мы с Манькой все равно расписываем диктант так, что Серго Михайлович потом места себе не находит от чувства огорчения за таких тупых детей!

Занятие по сольфеджио мы с грехом пополам досидели. Закидали друг друга записками волнующего содержания.

«Я бы на ее месте пришла в свитире, – писала мне Манька, – ижь чего надумала, пришла в кофте тонкой!»

«Бистыжая она, эта Ангелина, – строчила я в ответ, – никогда не думала, что она такая бистыжая».

«Нарка, бистыжая пишется с двумя зз, кажется. Вот так – биззтыжая», – последовал укоризненный ответ.

«Значит биззтыжая», – не стала спорить я.

«В принципе биззтыжая и вонючка!»

«И в попе спичка!»

На этом интригующем месте налетел Серго Михайлович и отобрал у нас записку. Хорошо, что разворачивать не стал, просто выкинул в урну. Пригрозил двойкой по поведению, но в журнал ничего заносить не стал. Серго Михайлович вообще нас с Манькой очень любил, уж не знаю почему. Может, даже потому, что мы самые слабенькие по диктанту.

После занятий, кругом в смешанных чувствах, мы побрели домой. Чтобы усугубить себе страдания, пошли зловредно через базар. У Маньки в кармане нашлась копейка, на копейку ничего не купишь, если только коробок спичек. А кому нужен коробок спичек, когда кругом продается сладкая воздушная кукуруза, разноцветные карамельные петушки на палочке и всякая другая вкуснотень? Мы даже какое-то время постояли возле продавщицы карамели, жалобными стенаниями мозолили ей уши. Но она оказалась очень стойкой, на наши стенания не купилась, более того – с криками отогнала нас прочь, мол, идите отсюда, всех клиентов своими перекошенными лицами распугали.

– Тетенька, – сказала укоризненно Маня, – вот если бы мы были совсем без денег, то это другое дело. А у нас целая копейка, а вы ругаетесь!

Но тетенька не вняла укоризненному тону Мани и велела идти с нашей копейкой куда подальше, потому что карамельный петушок стоит ровно пятнадцать копеек и ни копейкой меньше!

– Вот когда раздобудете недостающие четырнадцать копеек, тогда и приходите! – сердито выкрикнула в наши удаляющиеся спины продавщица.

И мы пошли к нам домой. С визитом Маниной вежливости к моей семье.

– Посижу немного и пойду, на завтра много чего по математике задали, одних задач целых три штуки! – вздохнула Манька.

Первым делом мы пожаловались маме. На тетечку с рынка, на показательный концерт, на Серго Михайловича и вообще.

– А что вообще? – любопытствовала мама.

– Ну так, по мелочи, – не разжимая губ, промычала я.

– Про мелочи особенно люблю послушать, – напирала мама.

Пришлось сдаваться и рассказывать, что у Ангелины выросла грудь.

– Одна, но выросла, – прозудела Манька.

– Вот тут, – ткнула я себе пальцем в ребра. Ребра отозвались деревянным стуком.

Мама рассмеялась и объяснила, что всему свое время. И что у всех девочек по-разному бывает. У кого грудь в десять лет вырастает, а у кого вообще в тринадцать.

Мы тут же вытянулись лицами и заявили, что ждать до тринадцати лет не намерены. И подавайте нам грудь прямо сейчас. И желательно две, а не одну, как у Ангелины.

Мама была очень занята – готовила обед.

– Идите поиграйте в детской, я сейчас быстренько закончу, а потом мы поговорим с вами, – велела она.

И мы пошли к себе – горевать в библиотеку мировой литературы для детей. Но горевать у нас не получилось. Потому что, как только мы вошли в детскую, тут же столкнулись с Каринкой. И не просто с Каринкой, а с Каринкой со шваброй в руках!

– Ты чего это? – подозрительно прищурилась Манька.

– Да так! – Каринка сделала невинное лицо и открыла балконную дверь. – Я на минуточку.

– Чего это на минуточку? – припустили мы за ней.

– Да вот интересно, дотянусь я шваброй до потолка или нет?

– А зачем тебе это?

– Ну что вы ко мне пристали? Может, я проверяю, выросла я за зиму или нет! Осенью не дотягивалась, так?

– Так! – неуверенно мявкнули мы. Никто из нас не помнил, чтобы Каринка измеряла себе рост шваброй.

– А сейчас проверим, выросла или нет.

Сестра встала на цыпочки и попыталась дотянуться шваброй до потолка. Тщетно.

– Дай мне, – попросила я.

– Нет, мне! – вцепилась в швабру Манька.

– Ну куда тебе, ты ведь ростом чуть ниже Каринки, точно не дотянешься!

– Может, у меня руки длиннее, – пропыхтела Манька.

Видимо, руки у Маньки были совсем обычные, поэтому дотянуться до потолка она не смогла. А следом настал час моего триумфа. Потому что в высоком прыжке я все-таки дотягивалась шваброй до потолка, что я с радостью и продемонстрировала.

– Видали?

– Очень надо! – фыркнула Каринка. – А я могу перегнуться через перила и свеситься вниз головой! А ты фиг сможешь, ты высоты боишься!

И они на пару с Манькой стали дразнить меня дылдой.

Спорить с ними я не умела, поэтому решила действовать. А так как высоты я панически боялась, то действовать решила хитро: ринулась в другой конец балкона и с криком: «А слабо сделать так, как я?» – просунула голову в щель между металлическими прутьями перил. Голова с трудом, но протиснулась. Стоять, согнувшись пополам, было неудобно, я встала на колени, вцепилась руками в перила и победно глянула налево.

– Ну?

Девочки какое-то время издали с любопытством разглядывали меня.

– И что в этом такого интересного? – наконец отозвалась сестра.

– Ну как же, вот я и перевесилась, – фыркнула я и попыталась втянуть голову обратно.

По изменившемуся выражению моего лица девочки поняли – что-то тут не так.

– И чего? – на всякий случай поллюбопытствовала Манька.

– Это... – забегала я глазами. – Не могу вытащить голову!

– То есть как это не можешь?

– Застряла! – Я дернулась со всей силы и взвыла – прутья больно упирались в уши.

Девочки рьяно кинулись меня спасать. Сначала они вцепились мне в плечи и попытались силой втащить обратно.

– Ты только потерпи чуточку, – уговаривала меня Манька.

– А-а-а-а-а, – орала я, – не трогайте меня, бо-о-ольно!

– Надо ей на голову надавливать руками, – внесла рацпредложение Каринка, – Мань, ты тяни ее за плечи, а я буду надавливать.

И, свесившись через перила, сестра вцепилась пальцами мне в глаза.

– На счет «три» я надавливаю, а ты тянешь! – велела она Мане. – Раз! Два! Три-и-и-и!

– И-и-и-и-и, – забилась я в истерике, – вы мне уши поцарапали-и-и-и-и!!!

На мой крик прибежала мама. Тут же начала причитать про «ну сколько можно»! С нижнего этажа высунулась соседка тетя Маруся, с верхнего свесилась соседка тетя Бела.

– Надя, попытайся прижать ее уши к голове так, чтобы она пролезла! – инструктировала тетя Маруся.

– Да она не только ушами упирается! – Мама вертела моей головой во все стороны, пытаюсь помочь мне освободиться.

– Я знаю, что нужно делать! – Каринка просунула швабру в перила и навалилась всем телом, чтобы раздвинуть прутья. Маня перевесилась через перила, вцепилась в другой конец швабры, с силой потянула на себя.

«Хрясь!» Швабра сломалась пополам и, преобольно зацепив одним краем мое много-страдальное ухо, повисла хомутом на шее. Я опять взвыла.

Через несколько минут под нашими окнами собралась толпа зевак. Дети откровенно гоготали, мамы ахали и причитали. Я готова была сквозь землю провалиться. Тщетно пыталась сделать вид, что это вообще не моя голова из балконных перил торчит. А даже если и моя, то она вовсе не застряла, а так просто, высунулась подышать свежим воздухом. Взбодриться, так сказать, высунулась.

Тетя Бела ставила на своих балконных перилах эксперименты – пыталась раздвинуть их скалкой, потом притащила металлическую трубу от пылесоса.

– Надя, а что, если натереть ей голову чем-нибудь? – пропыхтела она сверху.

– Чем? – встрепенулась мама.

– Чем-нибудь скользким. Да хоть мылом!

– Сейчас принесем мыло! – ринулись в ванную Каринка с Маней.

– И в ковшике водички принесите, – крикнула им вслед тетя Бела.

– Вы что, мне голову тут мыть будете? – прокряхтела я.

– Нет, горе луковое. Намылим волосы, авось тогда голова легче проскочит.

К тому моменту, когда девочки приволокли мыло с водой, движение по улице Ленина было полностью парализовано – встали машины, а из продуктового магазина напротив высыпала огромная очередь и, сгрудившись за палисадником нашего дома, с любопытством наблюдала представление. Периодически фонтанировала суждениями.

Кто-то, например, предложил сбегать за пилой.

– Зачем за пилой?

– Отпилим прутья, вон они какие толстые, так просто не раздвинуть.

– Мам, не надо пилы! – зашипела я.

– Не будет никакой пилы, мы тебя так вытащим. Закрой глаза.

Под одобрительный гул толпы мама намочила мои волосы и тщательно намылила. Уши мигом защищало – видать, мы их здорово поцарапали, пока вырывали меня из балконного плена.

– Больно! – заныла я.

– Потерпи немножко, сейчас уже всё. – Мама взбила на волосах мыльную пену, натерла мылом перила.

– Пусть она смотрит не вниз, а прямо. Авось так легче голова протиснется! – крикнул кто-то из болельщиков.

– Не надо, – заверещала снизу тетя Маруся, – голова небось уже, когда вниз смотришь, а не когда прямо!

К сожалению, маневры ни к чему не приводили – моя несчастная черепушка в любом положении оказывалась шире, чем проем в перилах, и отказывалась пролезать обратно! Я уже откровенно рыдала на всю улицу – ноги-руки от неудобного положения ломило, шея затекла, да и стыдно было ужасно!

– Подсолнечное масло! – выступила с новым предложением толпа. – Надо ей голову подсолнечным маслом полить!

Мама ринулась на кухню за бутылку с маслом, щедро полила мне голову.

– А-а-а-а, – взвыла корабельной сиреной я, дернулась, вывернулась боком и внезапно вылезла в перила по пояс.

– Стой! – Мама схватила меня за шиворот.

– Все правильно! – заверещала толпа. – Голова пролезла – значит, и туловище пролезет.

Она же худющая, как жердь.

К счастью, тут прибежал старший сын тети Маруси, они на пару с мамой вцепились в меня что было сил, выволокли через перила и затащили на балкон.

– Ура! – заревела толпа.

– Ыа-а-а-а! – разрыдалась, теперь уже от счастья, я.

Первым делом мама помогла мне вымыться. Я выла и отбивалась – уши страшно зудели. Потом мама щедро обработала царапины йодом, еще и зеленкой обработала – балконные перила местами проржавели, и она боялась, что я подхвачу инфекцию.

Ночь я провела исключительно на спине. На боку лежать не получалось, болели уши. Попытка поспать на животе не увенчалась успехом – задышалась в подушку.

С утра уши раздулись и пульсировали так, что я дергала в такт головой. Мама дополнительно обработала царапины мазью Вишневского. В школу я не пошла, горевала дома. Периодически подходила к зеркалу и кручинилась на свое отражение. Наотрез отказалась выступать на концерте.

Но после школы прискакала Манька, долго демонстрировала мне вылезший на носу прыщик, мы его разглядывали и так и эдак, и перед окном, и в ванной, под большой белой лампой.

– Видишь, – волновалась Манька, – я тоже взрослою. Вон, у меня прыщи пошли. Будет чем сегодня дразнить эту препротивную Ангелину.

– Но я же в таком виде не пойду? – попыталась отбиться я.

– Ты чего? – разобиделась Манька. – Как это не пойдешь? Обязательно пойдешь, повяжем косыночку, и пойдешь.

Отказывать Маньке я не умела. Поэтому молча дала маме повязать мою многострадальную голову шелковым платочком. Мама предварительно обложила уши марлевыми тампонами и прикрепила их пластырем к туго сплетенным в косичку волосам.

– Потом аккуратно оторвем, главное, чтобы мазь не протекла, – объяснила она.

Я щедро оплакала свой попорченный экстерьер. Щедро, но недолго, потому что скоро за нами заехал дядя Миша, и мы с Манькой, торжественно загрузившись в Васю, поехали на концерт. Дядя Миша всю дорогу посмеивался надо мной и называл Чебургенем.

– Длинная, как крокодил Гена, и ушастая, как Чебурашка, – повторял он и так смешно передразнивал выражение моего лица, что мы с Манькой покатывались от хохота.

Концерт, вопреки нашим ожиданиям, очень даже удался. Сначала мы подразнили Ангелину Манькиным прыщиком, Ангелина немного сникла и сбавила градус своей выгнутой спины. Но на сцену все равно вышла победительницей.

– Очень надо! – фыркнули мы.

Потом настал черед Манькиного выступления. Она выплыла, торжественная, на сцену, подставила освещению украшенный прыщиком нос и сыграла фрагмент из «Крестьянской кантаты» Баха так, что у Марии Робертовны от гордости за ученицу залоснились усы.

А потом настал черед моего выступления.

Публика, наслышанная о моих вчерашних подвигах, встретила меня овациями. Дядя Миша вообще несколько раз вскакивал с места, хлопал громче всех и кричал «браво»!

Я победно повернулась к кулисам. Сладко улыбнулась вытянувшемуся лицу Ангелины. Села за фортепиано, поправила на голове косынку. Сыграла этюд на одном дыхании. Под одобрителный гул публики повторила на бис.

Ушла, гордо чеканя шаг.

Это было самое триумфальное наше выступление. Боюсь, что ни до, ни после мы с Манькой не играли так хорошо, как в тот день. Думаю, случись у нас по горячим следам диктант по сольфеджио, мы бы написали его на пятерку с плюсом.

Манькин прыщик Ба вечером с боем обработала мазью, и на второй день, к большому нашему сожалению, от него не осталось и следа. Больше прыщиков на Манькином пути не случилось.

Грудь Ангелине мы со скрипом, но простили. Решили, что всему свое время, и прекратили завидовать. Написали ей утешительную записку. Ангелина очень обрадовалась и призналась нам по секрету, что сильно переживала и иногда даже плакала по ночам.

– Почему?

– Боялась, что вы меня дразнить будете.

– Ну ты и дурочка! – всплеснули мы руками.

Но что самое удивительное – после эскапады с балконными перилами страх перед высотой у меня прошел. То есть улетучился насовсем.

Вот такой странный способ лечения боязни высоты.

Ба назвала это явление «феноменом чистой воды». Нам с Манькой так понравилось новое выражение, что мы теперь его часто употребляем. По делу и просто так, для удовольствия. Потому что уж больно красиво звучит!

Глава 3

Манюня, народные ремесла и прочие хлопотные дела

На дворе весна, самый разгар. На излете суматошный, изливающийся косыми снежными дождями март. В этом году он выдался особенно сумасшедшим – чистое утреннее небо к полудню застилало низкие облака, в воздухе кружились редкие, мелкие снежинки, и от этого как-то сразу становилось по-зимнему холодно и неудобно. Потом внезапно снова выглядывало солнышко, и затихшие птички заводили свой радостный щебет. А вечерами поднимался сильный ветер, гудел в водосточных трубах, кружил во дворах воровато подхваченными обрывками старых газет да всякой другой ненужной чепухой, громко стучал ставнями окон.

Мама ходила через день бледная, с туго обвязанным лбом, потому что она у нас очень чувствительная ко всяким погодным переменам. Как только дома заканчивались таблетки анальгина, или я, или Каринка мигмом подрывались в аптеку, иначе, если дело довести до мигрени – без скорой не обойтись. От мигрени мама делается совсем бледной, лежит пластом на диване, морщится от малейшего шума и тихо стонет. Приходится сразу же набирать 03, прибегает тетя Света, мамина подруга, делает ей укол, закрывает дверь в комнату и велит нам вести себя тихо, чтобы мама могла отоспаться. Насчет «прибегает» я не вру, тетя Света действительно прибегает, потому что от поликлиники до нас быстрым ходом минут пять, а пока разъезжающая по городу или ближайшим селам машина скорой помощи приедет – пройдет целая вечность. Вот тетя Света, услышав в трубке позывные «мигрень», тут же и мчится к нам на всех парах, со шприцем наперевес.

А потом строго-настрого велит не мешать маме отдыхать.

Чтобы мама смогла отоспаться, надо вести себя тише воды ниже травы. Поэтому мы запираемся в кабинете, это самая отдаленная от родительской спальни комната. Гаянэ вытаскивает свои игрушки и шепотом их муштрует, мы с Сонечкой увлеченно лепим пластилиновых уродцев, а Каринка сдерживается из последних сил, чтобы не отмузуть нас. В такие минуты, когда она строит из себя послушную девочку, в моей душе начинает теплиться робкая надежда, что не все еще потеряно, и настанет тот счастливый день, когда сестра вырастет в адыкв... адаква... ну, в общем, в нормального человека. Правда, в следующий миг эти робкие надежды разлетаются в прах, потому что доведенная пятиминутным прилежным поведением до отчаяния сестра сдергивает с подлокотника широкого кресла клетчатый плед и кидается в меня. Я метко лягаюсь в ответ, но пластилиновых уродцев лепить не прекращаю – если остановиться, Сонечка тут же вспомнит о маме и потопает к ней. А если ее удерживать, она поднимет такой ужасный вой, что у мамы снова приключится мигрень.

Наша Сонечка басит прямо с самого своего рождения. Такое с маленькими девочками чрезвычайно редко, но случается. Когда ее привезли из роддома, мы со всех сторон обступили крохотный сверток и долго умилялись, разглядывая нашу новую маленькую сестру. Она была ужасно хорошенькая, с круглыми васильковыми глазами и длинными темными ресничками. Мама хвасталась, что это редкое явление, когда у светленькой златокудрой и голубоглазой девочки случаются такие густые темные реснички, словно кто-то с рождения подвел их тушью. Вот мы и стояли вокруг Сонечки, ахали на ее неземную красоту, гладили крохотные пальчики. Сестре сначала такое обхождение нравилось, она чмокала губами и даже пыталась улыбаться нам, но потом ей это надоело, и она решила раз и навсегда показать, кто в доме хозяин. И завывла настоящим сигналом тревоги, которым в военное время зывают людей в бомбоубежища.

– Это что такое? – подскочил папа. – Это как понимать?

– Понимайте как хотите, только дайте мне ее покормить, пока она не выбила своим воем стекла в окнах, – расстегивая на груди кофту, перекричала новорожденную мама.

По этой причине дома все ходят перед Сонечкой на цырлах. А то не всякий в состоянии адык... адывак... тьфу ты! В общем, не всякий в состоянии нормально реагировать на пронзительный вой сирены, который каким-то удивительным образом извлекает из себя наша маленькая Сонечка. К счастью, она очень улыбчивый и добродушный ребенок и срывается на крик крайне редко. Но в те нечастые минуты, когда Сонечка срывается на крик, всё живое в округе начинает сучиваться в мелкие стаи, чтобы сняться с насиженных мест и переехать в другие, не столь громкие края, а дядя Миша грозит уйти с работы в неоплачиваемый отпуск и пустить его на конструирование специального глушителя для Сонечкиных голосовых связок.

Поэтому, когда у мамы случается приступ мигрени, задача у нас такая – продержаться по возможности тихо в кабинете до того момента, когда папа освободится от пациентов и увезет нас к Ба, чтобы мы побыли там до вечера, пока мама отсыпается. У Ба, конечно, очень здорово. Там Манька, там дядя Миша, там туговое дерево, по которому можно лазать вверх и вниз. Правда, в холодное время года особенно по нему не полазаешь, поэтому мы придумываем себе параллельные утешения. Например, если погода располагает, ходим на задний двор – кормить кур. Впереди вышагивает Манька, вся из себя важная, несет большой эмалированный тазик с кормом. Ба разное замешивает в этот корм, когда пшеницу с ячменем, когда просо с зернами кукурузы, когда вообще травы какой туда накрошит.

За Манькой, завистливо скривив рты, следуем мы с Каринкой – ведь каждой хочется понести этот тазик с кормом. Но Манька никому его не уступает, объясняя это тем, что только она умеет аккуратно ходить по заднему двору, потому что живет тут и вообще все знает.

– А то мы не знаем, – шмыгаем носом мы с Каринкой.

– Не знаете! – водит плечом Манька. – Вот, например, вы знаете, что папа вчера вытащил из погреба бочку? Знаете?

– Нет, – раздается наше нестройное мычание. – А чего это он ее вытащил?

– Ну, скоро дожди и все такое, и вообще огород поливать, вот он ее и поставил на старое место, прямо здесь, за углом, под водосточной трубой. То есть на заднем дворе каждый день что-то меняется, поэтому корм носить должен тот, кто живет в этом доме, ясно? – Манька оборачивается к нам и глядит строго, сведя к переносице бровки домиком.

Мы с Каринкой молчим. Сразу соглашаться с оппонентом последнее дело, надо сначала поупрямиться, изложить, в конце концов, свои аргументы. При желании можно изложить аргументы прямо здесь, не отходя от тазика с кормом, но драка – дело чреватое. Почему чреватое? Потому что если глянуть вверх, то в окне застекленного балкона можно увидеть три пары неотступно следящих за нами глаз. Глаза принадлежат Ба, Сонечке и Гаянэ. Гаянэ маячит внизу, еле выглядывая из-за высокого подоконника, а Сонечка с комфортом устроилась на руках у Ба. И все трое, затаив дыхание, смотрят, как мы гуськом идем к курятнику. Особенно зорко следит за нами Ба. Она вообще не умеет расслабляться, когда наша троица собирается вместе. Так и стоит, встопорщившись, грозно присборив морщинки вокруг рта, и глядит сурово нам вслед. Прямо-таки сверлит. В такой непростой ситуации приходится вести себя осмотрительно. Поэтому мы мирно топчемся за Манькой, а она шествует перед нами, чуть ли не тазиком с кормом победно размахивает.

Так и добираемся до курятника, мы с Каринкой несолоно хлебавши, а Манька вся довольная, хозяйка положения. При виде нас в курятнике начинается светопреставление. Хоть про кур и говорят, что мозгов у них нет и они вообще дуры, но эти куры очень даже мозговитые, и память у них какая надо память. Крепкая. Поэтому при виде нашей боевой троицы они с шумом взлетают на самые верхние жердочки и сидят тихо-тихо. Не высовы-

ваются. А петух так вообще прикидывается чучелом. Объясняется такое поведение очень просто. Однажды Манька по следам просмотренного фильма про королей и прочую знать загорелась желанием стать владелицей веера из страусовых перьев. Так как в обозримых окрестностях страусы не водились, чтобы из их хвостов повыдирать перья, Манька погоревала-погоревала и переключила свое внимание на петуха.

Ба строго предупредила, чтобы никто даже не смел прикасаться к нему хоть пальцем!

– Он периодически теряет перья из хвоста, вот ходи за ним и подбирай, понятно? – велела она внучке.

– Понятно, – кивнула Манька и принялась истово ходить за петухом.

Час ходила, два ходила. Целый вечер ходила! Назавтра было воскресенье, и к ней присоединились мы с Каринкой. Петух нагло нарезал круги по заднему двору, победно кукарекал с высокого забора и плевать хотел на нас оттуда же. Одним словом, линять перьями из хвоста категорически не желал. Каринка – девочка решительная, миндальничать не умеет. Выведенная из себя неуступчивым поведением петуха, она предложила огреть его чем-нибудь тяжелым. Можно крышкой от деревянной кадки, в которой Ба засаливает капусту.

– Главное, чтобы он грохнулся, но не умер, – рублила воздух ребром ладони сестра, – иначе Ба нас со свету сживет! А если ударить его умеючи, то он немножко упадет в обморок. И пока он будет лежать без сознания, мы повыдираем перья из хвоста. Сколько нам перьев надо?

Мы усталились на Маньку – решать ей. Манька повздыхала, возвела глаза к потолку, проделала какие-то расчеты, беззвучно шевеля губами.

– Штук десять перьев будет достаточно, – наконец изрекла она.

– Ну вот! – обрадовалась Каринка. – Штук десять – это всего ничего. Огреем, перья повыдергиваем – и всё!

– И всё? – эхом отозвались мы.

Нам с Манькой Каринкина идея не очень нравилась. То есть в целом она была какая надо идея, результативная, но уверенности, что петух счастливо переживет удар тяжелой кадкиной крышкой, у нас не было.

– А если мы его убьем?

– Да не убьем мы его! – Сестра принялась натягивать куртку. – Пойдем, хотя бы попробуем.

В деревянной кадке Ба засаливала белокочанную капусту – со свеклой, морковью, петрушкой, дольками чеснока, лавровым листом и горошинами черного перца. Такую капусту очень вкусно есть с отварной, жареной или печеной картошкой, а еще добавлять в тарелку с густым, щедро приправленным свежей зеленью супом из красной фасоли. А еще из нее получается очень полезный зимний салат. Ба тонко шинкует хрустящую, аппетитно пахнущую капусту с головкой репчатого лука, поливает подсолнечным маслом, заправляет обязательной свежей зеленью и зернами граната и выставляет на стол. Салат исчезает за считанные минуты – мы поглощаем его со щедро намазанными сливочным маслом ломтями черного хлеба и запиваем домашним компотом из алычи. А Ба, довольная, ходит кругами и налюбоваться на нас не может. Она вообще сильно радуется, когда мы с аппетитом едим. Особенно радуется, когда ем я.

– Может, прекратишь наконец костями греметь! – приговаривает она, подсовывая мне бутерброды и прочую снедь.

Напустив на себя фальшиво-беспечный вид, мы выскользнули за дверь и аккуратно, по стеночке, прокрались в погреб. Кадка стояла на своем законном месте, в дальнем углу. Каринка вцепилась обеими руками в крышку и потянула на себя. Крышка нехотя поддалась, а погреб мигом наполнился ядреным духом капустного рассола.

– Мы сейчас, мы недолго, – зачем-то объяснили мы кадке и потопали на задний двор.

Теперь дело было за малым – запулить крышкой в петуха так, чтобы он не окохурился от такого нежданно свалившегося на голову счастья, а сговорчиво грохнулся в непродолжительный обморок.

Петух, несколько всполошенный нашим пристальным вниманием, но уверенный в своей непотопляемости, ходил среди кур расфуфыренным восточным визирем, переливаясь роскошным, темно-зеленого окраса хвостом. Куры, преданно квохча, семенили окрест и ковырялись в земле. О грядущих переменах в своей жизни опрометчиво не подозревали.

Мы, затаившись за курятником, какое-то время наблюдали за ними.

– Ну чего ты медлишь? – поторопила Манька Каринку. – Кидай уже в него крышкой!

– Подожди, – шикнула Каринка, – надо умеючи кинуть, с подвывертом!

– С каким это подвывертом?

– Ну как камушки в воду кидаешь, по касательной, а они от воды отскакивают. Понимаешь?

– Тебе надо, чтобы крышка не только от петуха отскочила, но и от всех остальных кур? – вспотела Манька.

У Каринки затуманился взор. Она представила, как деревянная, пахнущая соленьями крышка, метко дубася по несчастным куриным гребешкам, низко летает по заднему двору. Воображение нарисовало ей такую прекрасную картину, что она сразу же решила воплотить ее в жизнь.

– Ага, – воинственно шмыгнула носом сестра, завертелась на месте, как заправский дискобол, и кинула свой снаряд в самую гущу пернатого царства. Какое-то время крышка летела красивой дугой, потом врезалась в неосмотрительно выросшую на ее пути антоновку, отскочила, прокатилась колесом по грядкам укропа, въехала в толпу кур и, прошив ее насквозь, с сокрушительным грохотом, медленно переваливаясь с одного бока на другой, успокоилась аккурат в ногах выскочившей на шум Ба.

Маневр, конечно же, закончился полным провалом – куры с шумом разлетелись кто куда, возмущенно клокотали и нервно закатывали глаза, петух орал с забора так, словно ему единым махом выдрали все перья и вставили обратно противоположным концом, а Ба отреагировала сами знаете как.

– Вы люди или кто? – кричала она, наматывая на кулак наши уши. – Я еще раз спрашиваю, вы люди или кто?

– А-а-а-а-а, – орали мы, – отпусти-и-и-и, мы больше не буде-е-е-ем!!!

– Еще раз прикоснетесь к петуху, вырву уши с потрохами, ясно?

– Яа-а-асно-о-о-о!

– Ба, а что такое «вырву с потрохами»? – потирая ладошками зудящие уши, спросила Манька.

– Вот вырву, тогда и будете знать. И ходите всю жизнь инвалидами! – дыхнула огнем Ба и пошла отмывать от налипшей земли кадкину крышку.

Ходить всю оставшуюся жизнь инвалидами нам не хотелось, поэтому мы решили больше не третировать петуха.

– Подождем, пока он сам станет линять, – вздохнула Манька.

И мы принялись ждать. А чтобы совсем не зачахнуть в томительном ожидании, стали дипломатично склонять петуха к процессу линьки, как то: заманивали корочкой хлеба и кидались в прыжке из укрытия, норовя сгруппироваться в полете так, чтобы: а) не испачкаться, б) выдернуть большой клочок перьев из хвоста и в) легонько собрать в щепоть его клюв, чтобы он не успел кукарекнуть. Потому что Ба всегда была начеку, и если даже не держала нас в поле зрения, то чутко схватывала малейшие изменения в тембре петуха. Уловив в его крике истеричные фальцетные нотки, она мигом вылетала из дому. Петух сразу кидался ей под ноги и начинал рьяно ябедничать и чуть ли не крылом показывать, кто только что пытался оставить его без роскошного хвоста. Только что имена наши не выкукарекивал! И Ба потом гоняла нас по заднему двору, словно гусей, а мы улепетывали изо всех сил. Потому что лучше скончаться в беге, чем дать вырвать себе уши с потрохами. А петух злорадно наблюдал за нами с высокого забора желтыми круглыми глазами, то одним, то другим, и возмущенно выкрикивал ругательства.

Упорство и труд всё перетрут, гласит народная пословица. Спустя неделю, сто двадцать прыжков и триста шестьдесят могучих поджопников на троих, мы победно выдрали нужное количество перьев и принялись за дело. Сначала вымыли их под проточной водой, потом долго полоскали. Перья пахли куриным пометом и чем-то жженым, мы брезгливо ворочали нос и обзывали петуха вонючкой. Потом разложили перья на подоконнике, чтобы они высохли под солнышком. Пока они высыхали, мы пытали Ба расспросами, как нужно правильно мастерить веер.

– Да я сама толком не знаю, как это сделать! Вот если найти такую штуковину, в которую можно было бы воткнуть перья... – Ба пошла по кухне, открывая все ящички и задумчиво перебирая содержимое. Мы шли следом и совались в каждый ящичек, который она

выдвигала. – Нужно такую штуквину, чтобы она была легкая и одновременно мягкая. Тогда можно было бы воткнуть в нее полукругом перья и обвязать у основания суровой нитью.

– Как это? – встрепенулись мы.

– Вот смотрите. – Ба вытащила веник и продемонстрировала нам замысловатую вязку у основания черенка, из которой расходились в разные стороны стебли. – Видите, как все придумано? Главное – зафиксировать перья, а дальше дело техники!

При слове «техника» я всполошилась:

– Может, дядю Мишу попросить?

– Чего попросить?

– Ну про технику. Ты же говоришь, что дело техники. А дядя Миша работает инженером. И этой техники у него навалом!

Ба прыснула и спрятала лицо в ладонях. Мы молча переглянулись, нам было не до смеха. Какой там смех, когда дела такие важные творятся – перья уже есть, а веера, совсем наоборот, нет! Отсмеявшись, Ба объяснила нам смысл выражения «дело техники». Мы хоть и не очень поняли, что она имеет в виду, но дружно закивали в ответ. Мы ж не глупые отвлекать Ба лишними расспросами, когда она пытается помочь смастерить веер.

– Может, веник разобрать? – заблестела глазами Каринка.

– Я тебе дам веник разобрать! – Ба открыла холодильник и какое-то время молча изучала содержимое полок, периодически повторяя себе под нос: – Таааактаааак-так.

Задумчиво уставилась на початую бутылку с вином. Вытащила корковую пробку, повертела ее в руках и восхищенно цокнула языком:

– Что бы вы без меня делали?

– Что бы делали? – дружно затрепетали мы.

– Вот я и спрашиваю – что?

– Умерли бы с горя? – снова подала голос я.

– Деточка, ты сегодня явно в ударе, – погладила меня по голове Ба.

– Ну да, – мигом отозвалась Каринка, – это от того, что я ее часто бью. Поэтому она в ударе. Постоянно.

– Чингисхан, ты снова за своё?

– Ну да!

– Ты у меня донудакаешься! – Ба хмыкнула, ушла в коридор, достала с нижней полки обувного шкафчика коробку с гвоздями и всякими другими строительно-ремонтными штуками.

– Маня, принеси из отцовской комнаты плоскогубцы. А ты, Чингисхан, за перьями сбегай. И смотри у меня, чтобы без разрушений!

Пока Каринка с Манькой бегали на второй этаж, я застелила кухонный стол газетой, чтобы мы ненароком не испачкали скатерть, а Ба включила газовую плиту.

Потом, затаив дыхание, мы наблюдали, как она, подхватив плоскогубцами гвоздь, накаливает его на огне и проделывает дырки в пробке.

– Без взрослых такие фокусы вытворять нельзя, ясно? – не забывала профилактически хмуриться Ба.

– Яа-а-а-а-асно! – нестройно гудели мы в ответ.

– Не слышу!

– ЯСНО!

– То-то!

Сначала мы дали пробке остыть. Далее обмакивали кончики перьев в клей и вставляли их в отверстия. А потом Ба аккуратно перевязала перья у основания суровой ниткой. Веер получился знатный – небольшой, но вполне себе пестрый, кудряво растопыренный во все стороны. Правда, перья держались на честном слове, поэтому мы не стали размахивать вее-

ром, а выставили его на Манином письменном столе и чинно-благородно ходили кругами. Любовались.

Любовались мы долго, минут тридцать. А потом нам это надоело, и мы порушили веер за считанные секунды, остервенело обмахиваясь направо и налево. Народное рукотворчество вообще не приспособлено к детскому обращению, чуть что – превращается в руины.

Курятник, конечно же, обиды не простил, поэтому каждый наш поход воспринимает как нашествие варваров. Жметя по жердочкам и прикидывается экспонатами какого-нибудь зоологического музея. Особенно прикидывается петух. Но мы относимся к такому поведению вполне с пониманием. Еще бы, мы бы тоже прикидывались экспонатами, если б на нас из-за угла крышками кидались да перья из хвоста в прыжке выдирали!

То есть совесть в целом у нас есть, вы не сомневайтесь. Но пользуемся мы ей нечасто. Наверное, бережем для более важных дел.

Ба с нами приходится совсем несладко. Пять девочек в одном доме – то еще испытание! Поэтому, если погода позволяет, мы возимся во дворе. Но март – очень капризный месяц, Ба вообще говорит, что у него семь пятниц на неделе. Поэтому чаще всего на улице непогода, и нам приходится проводить свой разрушительный досуг дома. Вот мы и носимся туда-сюда как угорелые. Ба периодически покрикивает на нас, но рассеянно покрикивает, потому что занята в основном Сонечкой. В Сонечке она души не чаёт. А всё почему? А всё потому, что подозревает в ней такие же черты характера, как у себя. Так и говорит: «Этот ребенок нам покажет еще, где раки зимуют». С нескрываемой гордостью говорит!

Наблюдать за ними очень забавно. Сонечка важно восседает на руках Ба, они ходят вместе по дому и ведут разные переговоры.

– Этого? – тычет Сонечка пальцем в желтенький кухонный абажур.

– Абажур, – мигом отзывается Ба. – Хочешь хлебушка?

– Неть.

– Скажи «абажур».

– Неть.

– Хмхм.

– Этого?

– Шторы. Хочешь попить?

– Неть.

– Скажи «шторы». «Што-о-оры».

– Забазюх!

– Чего-о-о-о?

– Забазюх! – Сонечка тычет пальцем в абажур.

– Ага. Хорошо. Только не забазюх, а абажур!

– Неть!

– Ну нет так нет, упрямое ты существо. Хочешь на горшок?

– Неть!

– Тогда еще раз скажи «абажур».

– Фто-о-о-оы!

– Чего-о-о-о-о?

– Фто-ы! – Сонечка показывает пальчиком на шторы и с укоризной смотрит на Ба. –

Фтоы!

– Деточка, мы с тобой разговариваем как даун с имбецилом.

– Дя!

– Не, ну тебе надо было именно сейчас со мной согласиться!

Часам к семи возвращаются с работы дядя Миша с папой, и, если на следующий день выходной, мы допоздна играем в лото и подкидного дурака, или же они садятся за шахматы,

а мы, обступив их со всех сторон, бурно и многословно переживаем за проигрывающего. Если же назавтра надо в школу, то приходится возвращаться домой, и, пока мы с Каринкой делаем уроки, папа укладывает в нашей комнате Сонечку. Сонечка басовито ругается на папу, потому что укладывать он ее толком не умеет, а колыбельную поет так, что хоть стой, хоть падай.

– Пой! – требует она.

– Си-ра-вор ло-рик, – послушно затягивает папа свою любимую песню Комитаса.

– Неть! Ису ядиясь пой!

– Что спеть?

– Ису ядиясь!

– Что-о-о-о?

– Ёюцка!

– Дети, – заглядывает в кабинет папа, – а что такое ёюцка?

– Это ёлочка! Она просит спеть «В лесу родилась ёлочка».

– А, ясно.

Какое-то время из детской доносятся его нестройные рулады про елочку.

– Хацю сёуньки вацьок! – неожиданно вклинивается беспардонным басом в папино душераздирающее исполнение Сонечка.

– Чего?

– Сёуньки вацьок! Ниязися!

– А что такое «сёуньки вацьок»? – снова заглядывает к нам папа.

– Серенький волчок. Придет серенький волчок и укусит за бочок, – подсказываем мы.

Папа стоит какое-то время в проеме двери, глядит несчастными глазами то на меня, то на Каринку. Вид у него растерянный.

– Уже заканчиваю, – делаю успокаивающие пассы руками я. – Скоро приду тебе помогать.

– Вот спасибо, дочка! – светлеет лицом папа.

Когда, разделавшись с уроками, я осторожно заглядываю в детскую, он спит, подложив под щеку локоть. Сонечка лежит рядышком и нежно гладит его по щеке.

– Пьидеть сёуньки вацьок и укусит зя бацьёк! – шепчет она, убаюкивая нашего папочку.

В одиннадцать часов, если не брать в расчет громкий храп Каринки, в доме воцаряется тишина. Сонечка тихо посапывает, уткнувшись носиком мне в плечо. По городу гуляет ветер – холодный, колючий. Гремит ставнями, метет прошлогодний мусор, вертится волчком по дворам.

Я лежу в постели и думаю о том, как это невыносимо грустно, когда болеет мама. Потому что никому, никому ее не заменить. Потому что она у нас самая любимая и единственная, и самая красивая, конечно же.

– Вырасту – обязательно придумаю лекарство от мигрени. Выпил таблетку – и голова мигом прошла, – твердо решаю я. – Главное, сильно поднапрячься и придумать хорошее лекарство. Качественное, и чтобы с адыкв... адакв... адекватным (во, наконец-то выговорила!) названием. Чтобы именовалось оно как-нибудь утешительно, типа «Таблетка от мигрени». А еще лучше – «Счастливая таблетка от мигрени». Или вообще – «Мама, не болей»! Вырасту – и придумаю, – твердо решаю я и, наконец, проваливаюсь в сон.

Глава 4

Манюня, ЧП районного масштаба и другие лихорадочные приготовления к юбилею Ба

Семью Ба постигла нелегкая участь многих граждан канувшей в Лету царской России: одни родственники бежали после революции за границу, другие загремели в сталинские лагеря. Так что остались у Ба только Фая, которая Жмайлик, да двоюродный брат Мотя, в миру Матвей Наумович. Мотя жил в азербайджанском городе Кировабад, вполне себе неплохо жил – к пятидесяти годам дослужился до заведующего одного из цехов городского молочного завода. С женой дяди Моти, Зиной, Ба находилась в состоянии необъявленной войны. В свое время, когда Ба затеяла строительство дома, она обратилась за помощью к брату. Мотя сначала с готовностью согласился ссудить сестре двести рублей, но потом почему-то отказался. В телефонном разговоре он что-то бубнил про метлахскую плитку, которой срочно надо обклеить потолок ванной, про раковину «тюльпан», про обои «в рубчик» и всякие другие ремонтные дела.

– Зина не дает денег выслать? – перебила его сбивчивые объяснения Ба.

– Не без этого, – вздохнул Мотя и, не дожидаясь ответа, положил трубку. Он был сыт по горло скандалом, учиненным женой, и второй скандал от двоюродной сестры просто бы не потянул. Не тот возраст, не те нервы. Опять же, камни в желчном пузыре, тахикардия и прочие неурядицы.

Обижаться на Мотю, родную кровиночку, Ба не стала – она за своих родственников всегда стояла горой. Деньги в итоге заняла у соседей и дом отстроила какой планировала, с тремя спальнями на втором этаже, с большой уютной кухней и гостиной – на первом. Но обиду на коварную Зину затаила большую.

Иногда Мотя приезжал к сестре в гости. Это был крупный и рыхлый мужчина с растерянным взглядом подслеповатых глаз, с кустистыми бровями и бакенбардами, с голым, тщательно замаскированным длинной прядью волос темечком. Прическу свою Мотя остервенело охранял. На случай внезапного порыва ветра держал наготове растопыренную пятерню – тут же принимался обратно укладывать волосы. Расслаблялся он лишь тогда, когда напиившись нашей самогонки. Причем предпочитал самый экстремальный ее вариант – «калоши арах», то есть «водку из калош». Так в нашем районе ласково называли самогонку из сборной солянки – некондиционных для варений, джемов и компотов фруктов – яблок, груш, слив и прочих отходов, которые оставались после сезона бешеной закрутки припасов. Накушавшись калошевки, Мотя терял бдительность, а заодно контроль над прической, и вечерний ветер терзал маскировочную прядь во всевозможных направлениях, оголяя бликующую на закатном солнце сокрушительную лысину.

– Ну зачем ты так себя уродуешь? – ругала Ба своего брата. – Постригись коротко, и дело с концом, на кой ляд тебе эти патлы? Аж от одного уха к другому зачесываешь!

– Не буду! – упрямылся Мотя, тщательно шпаклюя лысину остатками волос.

– Я понимаю, если бы у тебя была некрасивая форма головы. Но это ведь не так! С короткой стрижкой ты будешь смотреться выигрышнее, чем с этими тремя волосинами поперек физиономии!

– А мне так нравится! – упрямо гудел Мотя.

– Вот шлимазл! – раздраженно пожимала плечами Ба.

Зина в гости к золовке малодушно не ездила, мотивируя это тем, что не удастся отпроситься с работы. Но обязательно передавала какой-нибудь презент. Ба, чтобы не обижать

брата, гостинец благосклонно принимала, а потом, дождавшись его отъезда, вытаскивала на всеобщее обозрение и переливчато комментировала.

Поводы для комментариев, если честно, находились всегда – Зина была мастером бессмысленных подарков: то уродливую, в жуткие алые розочки пластиковую скатерть передаст, то надувного осетра в натуральную величину, с дурацкой надписью на боку: «Бакинский зоопарк ждет своих посетителей», то вообще букет искусственных цветов бешеного колера.

– Надя, это она мне на могилку, что ли, передала? – вертела в руках кислотно-малиновые розы Ба.

– Вы бы лучше выкинули этот пылесборник, – морщилась мама.

– Нет, я тебя спрашиваю! Я понимаю, что Моте в свое время приспичило жениться на этой идиотке с чайной ложечкой мозгов в копчике. Я даже понимаю, что мужчине вообще не важно, где у женщины находится мозг и находится ли он где-то вообще. Но добивается-то она чего?

– Тетя Роза, вы только не расстраивайтесь.

– Да какое там «расстраивайтесь»! Ты меня, Надя, расстроенной не видела. А вот Зина меня расстроенной увидит. И это будет последнее, что она увидит в своей жизни! Я тебе говорю!

Правда, дальше угроз Ба никогда не шла – берегла нервную систему брата. Зато периодически звонила в Кировабад и сквозь шум и треск междугородней связи вела с Зиной разговоры «за жизнь». Мстила точно, умеючи. Например – новыми открытиями дяди Миши. Или Маниными успехами в школе. К сожалению, дети у Моти с Зиной получились так себе – сын Жорик вырос в идейного балбеса, а дочь Инга вышла замуж за горского еврея, уехала в Дербент и благополучно забыла о родителях. Поэтому Зине ничего не оставалось, как, давясь собственным кураре, поддакивать золовке.

Фаю, двоюродную сестру Ба, все называли «которая Жмайлик». Не потому, что Фай в семействе Шац было штук сто и их как-то надо было друг от друга отличать. Совсем наоборот, Фая была одна, и звали ее на самом деле Факира. По случаю своего необычного имени она неприкрыто горевала, но менять его на другое принципиально не собиралась.

– Единственная память о моем сумасбродном отце! – объясняла она.

Того, что отец Фаи, Самуил Шац, был человеком, мягко говоря, сумасбродным, не отрицала даже Ба. Всю свою юность Самуил мечтал стать жонглером и выступать по всему миру со смертельным номером «летающие факелы». Преданно тренировался на заднем дворе доходного дома, принадлежащего его семье. Набив руку на непростом деле жонглирования яблоками и мячиками, перешел на тренировки «летающими факелами», сиречь горящими сучьями. Не раз становился причиной точечных мелких пожаров. Ходил с обожженными, забинтованными руками. В те счастливые дни, когда удавалось не обжечь руки, бывал нещадно бит отцом.

– Ты когда-нибудь возьмешься за ум или как? – орал отец, охаживая розгами непутевого сына.

Самуил побои стоически терпел, дневных тренировок не прекращал, а по ночам штудировал труды Елены Блаватской. Мечтал о поездке в далекую и таинственную Индию, медитировал по углам, доводя до нервного тика мать и сестер. В свободное от репетиций время пытался читать мысли и трактовать сны. Так как жильцы при виде хозяйского сына бросались врассыпную, теософические опыты ставил на детворе.

Расстался Самуил со своими мечтами лишь после того, как спалил западный флигель дома. Как отреагировал на пожар отец, история умалчивает. Видимо, достаточно гуманно, раз Самуил выжил, а через пять лет вообще женился на старшей дочери ребе Шломо Саре.

Но свою дочь, в память о навсегда нереализованных юношеских мечтах, назвал Факирой. Чтобы как-то смягчить последствия эксцентричной выходки отца, девочку все называли Фаей, а после ее замужества, с подачи Ба – «которой Жмайлик».

Фая была асом писем весьма обрывчатого содержания. Жила она в Новороссийске и очень скучала по своим родственникам. По межгороду не наобщаешься – связь отвратительная, соединения иногда приходится по несколько часов ждать, да и операторы телефонной станции особой вежливостью и расторопностью не отличаются. Поэтому Фая строчила брату и сестре длинные письма.

Ба эти послания чуть ли не сквозь лупу изучала. Мало того что почерк был не ахти, так еще стиль письма отличался своеобразием – Фая игнорировала все знаки препинания, кроме восклицательного, а последовательное изложение мысли считала чем-то совершенно излишним.

«Здравствуй дорогая моя Розочка и вся твоя прекрасная семья Миша и Мария и ваши замечательные друзья и соседи Роза передай большой привет Наде и скажи что кофта села как влитая моя Лина носит ее не снимая!!! Картошка гнилая по двадцать копеек за килограмм колбасы вареной грамм триста если выстоять очередь и килька иногда в банках тоже попадает а рыбы вообще нет и вопрос как при таком раскладе прокормить семью чтобы не авитаминоз! Ромочке в поликлинике ставят диатез и рахит и какает он плохо раз в три дня а то и четыре говорили внук это счастье но вот проблем со здоровьем вроде немного но переживаю а уж Лина вообще!!! Достать анальгин! А он парень работающий ты не думай хоть и не наш а вообще татарин но и среди татар оказывается попадают тоже хорошие люди главное не пьет и работает денег приносит Ромочка его папой называет а он радуется на руках его носит! Роза колени обязательно обертывай молодой весенней крапивой говорят помогает от артрита и не сильно кусается обложила колени крапивой обмотала тряпочкой и сиди себе перебирай гречку или рис как рукой снимает!»

Вот приблизительно такого содержания письма приходили из Новороссийска с регулярностью раз в неделю, а то и чаще.

– Фая! – кричала потом в трубку Ба. – Может, тебе какие еще лекарства кроме анальгина выслать?

– Какого анальгина? – надрывалась на том конце провода Фая.

– Ну ты тут мне в письме пишешь «достать анальгин», вот я и спрашиваю!

– Это я себе заметку сделала, чтобы не забыть его купить.

– Фая, ты меня в гроб своими письмами вгонишь! Что это за татарин, который тоже человек?

– Это Линка сошлась с парнем, зовут Равиль, хороший, работающий, к Ромочке как к родному относится! Ты обмотала колени крапивой? Я тут разузнавала, можно еще нашатырным спиртом натирать. Эффект молодильных яблочек гарантирован!

– Да уймись ты со своими молодильными яблочками, Фая! У меня не колени, у меня варикоз!

– А у кого тогда колени?

– А откуда мне знать?!

В общем, родственники у Ба были самые что ни на есть колоритные, под стать ей. И если с дядей Мотей мы уже виделись, то тетю Фаю, которая Жмайлик, знали исключительно по фотографиям. Она была очень похожа на Ба – такая же высокая, крупная, с вьющимися волосами и светло-кариими глазами. Правда, про масть глаз нам Ба рассказала, потому что по черно-белым снимкам, которые высылала Фая, определить цвет было практически невозможно.

1981 год выдался богатым на юбилеи – в январе мне стукнуло десять, в мае маме должно было исполниться тридцать пять, а аккурат между нами, седьмого апреля, у Ба слу-

чилась круглая дата – аж целых шестьдесят лет. Юбилею предшествовало очередное дивное послание от Фаи, которая Жмайлик.

«Роза, – как бы между делом строчила Фая, – купила гипюр цвета слоновой кости два метра и шелка тоже два метра больше ничего нет думаю что бы такое можно было сшить чтобы нам по возрасту на выход или в гости и не выглядеть клоуном! Или может духи какие взять хотя можно у перекупщиков поискать а может посуды тебе сервиз не нужен на будущее Мане в приданое или просто выставить в сервант для красоты! Но! Обещали люстры так и не завезли зачем обещать и коробку конфет брать если обманут я не пойму! Пучок укропа стоит как килограмм картошки а витаминный салат Ромочке приготовить надо рахит почти прошел слава богу ноги стали какие надо не кривые а то раньше мяч бы проскочил и ни за что не зацепился бы! Ты главное просто намекни что тебе надо не хочу ехать с пустыми руками!!!»

– Миша! – прогрохотала Ба вверх – письмо она читала на кухне, а дядя Миша в своей комнате колдовал над очередными проводами.

– Что случилось? – свесился вниз дядя Миша.

– Фая приезжает!!!

– Ну и славно, чего ты кричишь? Я подумал, что-то случилось.

– Мойше! Фая приезжает, а я не готова! Или это не повод покричать?

– Когда она приезжает, завтра?

– Нет, к моему дню рождения.

– Мам, ну до твоего дня рождения еще три недели!

– Да разве три недели – это срок? – заклокотала Ба. – Надо успеть генеральную уборку сделать, да продуктов закупить, да стол накрыть!

– Но мы в ресторан собирались!

– Не пойдем мы в ресторан! Ко мне сестра не затем приезжает, чтобы я ее ресторанной едой кормила. Отмечать будем дома.

Через несколько дней пришла телеграмма от Моти: «Жди юбилею тчк Привезу осетрины тчк Фиников коробку вскл знк».

– Главное, чтобы не надувного осетра привез, – засмеялся дядя Миша.

Ба на шутку сына не обратила внимания, зато очень порадовалась рыбе – она который день ходила со списком и составляла меню, и осетрина к столу пришлось бы очень даже кстати.

– Надя, – периодически звонила она маме, – а что ты скажешь насчет песочного печенья?

– Давайте посчитаем. – Мама прижимала трубку к уху плечом и принималась загибать пальцы. – Бисквитный торт с бее испечем – это раз. Ореховый рулет сделаем – это два. Чараз¹ будет? Будет. Это уже три. Конфеты будут. Мотя обещал финики привезти. То есть сладкого достаточно, я думаю, что песочное печенье – это перебор.

– Но они не на один день приезжают, верно? Верно! – напирала Ба. – Песочное печенье хранится долго, испек и с глаз убрал, а потом к кофе подал. И не надо метаться, все уже готово.

– Ну давайте еще и печенье испечем, – с легкостью соглашалась мама.

– Теперь насчет уток, – разворачивала список вверх ногами Ба.

– А что, еще и утки будут?

– Обязательно! Одной рыбой и мясом сыт не будешь!

¹ Чараз – смесь из разных сортов орехов с изюмом.

К первому апреля приготовления к юбилею затянули в свой сокрушительный водоворот не только нашу семью, но и соседку тетю Валю с дочкой Мариам и внуком Петросом, а также водителей рейсовых автобусов «Ереван – Берд».

– Роза, – звонил внук рябого Смбата Гарик, – я вам посылку из города привез. Пусть Миша вечером заберет.

– Кто передал?

– Сказали – Роберт.

– Какой Роберт? А что передали?

– Не знаю, что передали, но коробка тяжеленная. Пахнет бастурмой.

– Бастурма – это хорошо! – И, напевая себе под нос, Ба набирала наш номер. – Надя, здравствуй, дорогая, а кто такой Роберт из Еревана? У нас таких знакомых нет.

– Это друг Юры, прошлым летом он прооперировал жену директора коньячного завода, так что теперь у него там связи. Вот и обещал коньяк выслать, а заодно и закуски какой.

– Пришла посылка, внук рябого Смбата привез. Говорит – пахнет бастурмой!

– Бастурма – это хорошо, – радовалась мама.

Радоваться действительно было чему – апрель достаточно «постный» месяц, закатанные осенней порой припасы практически закончились, в магазинах традиционно хоть шаром покати, а на базарных прилавках лишь свежая зелень, прошлогодняя картошка с морковкой, орехи с сухофруктами да соленья, которые привозят молокане. Приходилось поднимать на уши всех знакомых, чтобы сообща, теребя связи на продуктовых базах и прочих складах, переплачивая и разоряясь на бесконечных магарычах, наскрести какое-то количество приличной еды для праздничного стола.

Поэтому, когда дядя Миша привез вечером посылку, радости Ба не было предела. Из коробки, со счастливыми ахами и охами, она извлекла две бутылки знаменитого коньяка «Ахтамар», по три килограмма бастурмы и суджуха и два килограмма настоящего «хорац панира».

«Хорац панир» – это «закопанный сыр». Правильный «хорац панир» получается из зрелой овечьей брынзы. Ее перетирают со строго отобранным букетом сушеных горных трав, плотно забивают массой глиняные горшочки и закапывают в землю. Сыр созревает несколько месяцев и на выходе получается густо пахнущим, невероятно ядреным и очень вкусным. Некоторые хозяйки, дабы сбить умопомрачительный аромат сыра, перемешивали его пополам с домашним творогом или сливочным маслом, а также с обычной малосольной брынзой. Но Ба с мамой на такие оскорбительные для благородного «хорац панира» эксперименты не шли и подавали его только в натуральном виде, обязательно в глиняных плошках, обложив со всех сторон краснобокой хрусткой редиской.

На излете последней предъюбилейной недели все наконец-то вздохнули с облегчением – набор продуктов для праздничного стола был счастливо укомплектован, дом, выстоявший цунами тотальной генеральной уборки Ба, сиял и переливался хрустальным елочным шаром, наши дневники пестрели только хорошими оценками, куры в курятнике неслись исключительно отборными яйцами, петух кукарекал в строго отведенные под его кукареканье минуты и больше никогда, свежеекрашенная деревянная калитка забора отливала лазурной синевой, а Тетивалин внук сказал свое первое слово – зёзя.

– Вуй, – размахивая во все стороны толстощеки Петросом, прибежала тетя Валя. – Роза! Мне кажется, он твое имя выговорил.

– Как это? – встрепелась Ба.

– Петросик, сладенький, – засюсюкала тетя Валя, – а ну-ка скажи еще раз «Роза»!

– Зёзя! – дрогнул щеками Петрос.

– Ыхыхы-ы-ы-ы-ы! – зашлась в смехе довольная Ба. – Ты ж мой умничка!

К сожалению, это был не единственный сюрприз, уготованный баловницей судьбой. Второй нагрнул, как оно водится, когда его совсем не ждали, – в ночь с четвертого на пятое апреля случилась авария на газопроводе, и весь наш район остался без отопления. То есть планируемая на пятое число выпечка бисквитных коржей, беже и прочих сладостей

стала практически невозможна – плиты у всех были газовые, а об электрических переносных духовках если кто и слышал, то в глаза никогда не видел.

Дурная весть застала нас в самую рань, когда петухи только-только заводили свою самодовольную утреннюю переключку.

– Надя! – подняла телефонным звонком дом на уши Ба. – Все пропало, Надя!

– Что пропало? – Мама спросонья плохо соображала, поэтому тщетно пыталась нашарить пояс на наспех надетом шиворот-навыворот халате.

– У вас на кухне газ есть? – протрубила раненым зубром Ба.

– Газ? Сейчас проверю. – Мама сбегала на кухню, открыла вентиль. Не дождавшись привычного шипения, зажгла спичку и повела ею вокруг конфорки. Конфорка предательски молчала. Прибежала обратно к телефону, на ходу переодевая халат.

– Нет! – трагически выдохнула в трубку.

– И у нас нет. И у соседей нет, я уже обегала всех. И у Раи с Речного квартала тоже нет!

Речной квартал был самой отдаленной от нас частью городка, и добежать до Раиноного дома резвым галопом можно было самое меньшее за полчаса. Мама на миг представила утренний спринт Ба, нашарила рукой стул, придвинула к себе и села.

– Тетя Роза, вы туда бегом бежали?

– Куда?

– К Рае.

– Зачем бегом бежала? Я просто позвонила ей.

– А! – обрадовалась мама. – Я-то подумала...

– Надя, тут не думать надо, а действовать!

– Тетя Роза, давайте мы просто подождем немного. Наверное, газ отключили ненадолго из каких-нибудь профилактических соображений.

– В два часа ночи уже не было! – возмутилась Ба.

– Тем более. Значит, скоро его снова дадут.

– Надя, сегодня воскресенье!

– Ну и что? Не оставят же целый город без отопления?

– Можно подумать, ты не в курсе, в какой стране живешь! – пробухтела Ба.

– Главное – не паниковать, – как можно спокойнее сказала мама, попрощалась с Ба, положила трубку и тут же начала паниковать. Потому что воскресенье – единственный выходной и, соответственно, день обязательной уборки, стирки и бешеной готовки. Как развернуть такой фронт работ без отопления, мама не очень себе представляла.

Спустя несколько минут Ба отзвонилась еще раз и зловещим полупшепотом сообщила, что газа нет во всем районе.

– Я только что говорила с диспетчером Зиной из села Айгепар.

– Зачем? – громко сглотнула мама.

– Чтобы готовить на ее плите. Она бы мне не отказала. Но у них тоже нет газа!

Потом позвонила Манька и, конспиративно понизив голос, сообщила, что Ба затопила дровяную печку и раздумывает, можно ли на ней испечь песочное печенье.

Когда и к десяти часам утра газа не случилось, мама сама набрала Ба, чтобы провести летучку на тему «как же будем выкручиваться».

– А Ба ушла, – звонко отрапортовала в трубку Манька.

– Куда? – напрыглась мама.

– Ушла скандалить в дом к дядечке, не помню, как его зовут, который отвечает за наш район.

– К какому дядечке?

– Ну, к этому, как его... Вспомнила! К первому секретарю райкома.

Мама не успела толком испугаться за судьбу Арменака Николаевича, как в дверь позвонили. Мы побежали открывать. На пороге стояла взмыленная Ба.

– Газа не будет до среды, – выпалила она.

– Как это до среды? Почему?

– Серьезная авария на трубопроводе. Я только что от первого секретаря райкома.

Мама поперхнулась.

– Тетя Роза, вы там случайно не скандалили?

– Что значит «случайно»? Хотела поскандалить, да не смогла! – Ба вытащила из обувного шкафчика тапки, переобулась. – Николаича дома не было, он с раннего утра уехал на место аварии. А жена его – вареный веник, слова поперек сказать не может. Разве с такой поскандалишь? В общем, плюнула я им на порог и прибежала к вам. Надо придумать выход!

Первым делом наши дамы решили бросить вызов судьбе и сварить кофе. Потому что проводить консилиум всухомятку не получалось, мозги отказывались работать. И пока Ба варила кофе над тремя зажженными свечами, отгоняя нас грозными окриками от незабываемого зрелища, а смотреть, поверьте, было на что, ибо когда она слишком низко опускала турку, то свечи гасли, а если поднимала чуть выше, чем нужно, огонь не разогревал воду, так вот, пока Ба воевала со свечами, кофе и нами, мама, в надежде, что вдруг у кого-нибудь найдутся знакомые обладатели электрических плит, обзванивала своих подруг.

Настойчивый опрос не принес желаемых результатов – ближайшая электрическая плита обнаружилась в пятидесяти километрах от Берда, в городе Иджеван.

– Ну не ездить же туда! – кручинились мама с Ба, запивая горе недозаваренным кофе.

К счастью, вскорости с дежурства вернулся папа. Он сначала выслушал всполошенный доклад о ЧП на газопроводе, а потом осторожно поинтересовался:

– А спросить у Миши, что делать, вы не пробовали?

– Миша не ночевал дома! – вздыбилась Ба. – Мало того что не ночевал, так до сих пор еще и не вернулся! Юрик, ты не знаешь, с кем он сейчас шашни крутит?

– Роза, я тебе ничего не скажу!

– Не, ну мало ли, может, у тебя совесть проснулась!

– Она у меня практически не дремлет. Поэтому Мишу я тебе и не сдаю.

– Оба-два шлимазла!

– Может, и шлимазла, не спорю. Зато эти шлимазлы, в отличие от вас, умеют соображать! – победно хмыкнул папа. – А ведь решение проблемы лежит на поверхности – нужно просто раздобыть газовый баллон.

– Юрик, сынок! – подскочила Ба. – Золото ты мое ненаглядное!

– Спокойно, Роза! Без сантиментов! Нам сначала надо баллон достать. Что уже проблематично, учитывая, что город на три дня остался без газа.

К счастью, искать пришлось совсем недолго – у папиной медсестры тети Киры на даче стояла газовая плита со съёмным баллоном.

– Часов на шесть хватит точно! – напутствовала тетя Кира, пока папа с дядей Мишей загружали баллон в Васю – пришлось папе отрывать своего друга от амурных дел, ибо в нашу «копейку» баллон влезать решительно отказывался. – Поэтому пусть они сначала испекут коржи и ореховый рулет, а под самый конец оставят безе. Газа в баллоне на исходе останется совсем мало, и огонек будет очень маленький. А для безе это самое оно!

Вторую половину воскресенья мы колобродили на нашей квартире. Пока Ба с мамой пребывали в аффективном состоянии безудержной готовки – взбивали бисквитное тесто, месили тесто для рулета, жарили орехи, делали молочную основу для заварного крема, пекли песочное печенье и безе, дядя Миша с папой отвлекали нас викторинами и прочими играми

в лото и шашки. Особенно усердствовал дядя Миша – ведь увлеченная готовкой Ба даже не устроила ему традиционной выволочки за то, что он не ночевал дома. Оказывается, и на фирменный скандал от Розы Иосифовны бывает управа. Единственное, что для этого нужно, – выдающееся ЧП районного масштаба. Всего-то!

Газовый баллон держался молодцом и издох, когда удостоверился, что выпечка полностью готова. Мама с Ба успели даже пожарить омлет по-персидски с луком и мятой и заварить чаю. Так что ужин у нас получился знатный – крепкий чай, бутерброды с поджаристой, ароматной яичницей и песочное печенье с фундуком.

– Завтра поведу девочек в баню, – громко отхлебывая из большой чашки, возвестила Ба.

– В какую баню? – наострили мы уши.

– В городскую баню.

– Зачем?

– Как зачем? Мыться. Газ только через три дня дадут, не ходить же вам невымытыми?

– Ничего, мы потерпим!

– Я вам дам «потерпим», ясно? Послезавтра мой день рождения, и я желаю видеть вас исключительно чистыми.

– А почему нельзя дома помыться? Вскипятили бы воду на дровяной печке.

– Времени на всех воду кипятить не хватит, нам с Надей завтра на печке горячее готовить. Так что дома помоются только Гаянэ с Сонечкой. Все остальные сходят в баню.

Мы с Каринкой и Манькой недовольно переглянулись. Идти в городскую баню совсем не хотелось.

– Разве это нормально – мыться на виду у голых тетенок? – промычала я.

– Очень даже нормально! И нечего кривить рот! Можно подумать, вы потом не в тетенок вырастаете!

– Не хотим мы быть тетеньками!

– Не хотите тетеньками, значит, будете дяденьками!

– Ба-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

– Нечего ныть. Вернетесь со школы, и сходим в баню, ясно?

– ...

– Ясно?!

– Ды.

– Вот и славно!

Глава 5

Манюня, или Банный день и прочие треволнения

В понедельник почти весь город вышел на работу с невымытыми шеями. Помыться смогли только те редкие бердцы, в домах которых сохранились старые, еще военных времен, дровяные печки для протапливания бань. Экстерьеру такие печки были дивного – длинный трехметровый чугунный цилиндр с торчащей с верхнего краю монументальной лейкой. В нижней части находилась «растопка», там, весело гудя, горели дрова. Растопка запиралась на неожиданно кокетливый для такой сокрушительной конструкции крючок. Чтобы подкинуть в огонь дров, приходилось поддевать крючок и распаивать жаркую дверцу деревяшкой. В верхнюю часть печки подавалась вода. Она нагревалась быстро, но лилась неравномерно – то кипятком обдаст, то ледяной струей окатит. Обязательным условием было наличие распихнутого настежь окна – чтобы не угореть от обратно задуваемого ветром дыма печи. Особенно бодрили такие банные процедуры зимой – один бок горит жаром, другой продувается на сквозняке, от дыма слезятся глаза и першит в горле, а лейка плюется контрастными струями. Не мытье, а мучение.

Поэтому, когда газопровод, наконец, дотянулся и до нашего высокогорного района, люди первым делом выволокли из домов чугунных монстров и заменили их компактными газовыми колонками. Чугунные монстры какое-то время пылились на задних дворах, а потом были счастливо разобраны на запчасти и пущены на другие насущные хозяйственные нужды. Сосед Ба дядя Гор, например, распилил свою печку пополам – вдоль, залатал дверцу растопки и использовал получившиеся лохани для сбора дождевой воды. Как и чем он пилил эту зубодробительную конструкцию, мы не знали, а спросить стеснялись – дядя Гор был человеком немногословным и на любой прямо поставленный вопрос отвечал уклончивым «хм». А узнать, чем он пилил печку, нам ой как хотелось, ведь это очень полезная информация для любознательных и всегда готовых к подвигу советских детей!

Манька часто совершала дипломатические подходы к молчаливому соседу – пыталась обаять его всеми возможными способами. То вишневым косточкой в окно стрельнет, то под коп под забор организует, то изолентой ручку входной двери обмотает, то какую еще кокетливую проделку выкинет. Жена дяди Гора, тетя Мелина, в Маньке души не чаяла, поэтому все ее выходки комментировала смехом. А дядя Гор молчал-молчал, а потом выдавал свое фирменное «хм». Ба поползновения внучки не одобряла, боролась с ними накатанными способами – и в угол Маньку поставит, и без сладкого оставит, и высечь грозит. Манюня бабушкиных угроз исправно пугалась, но попыток обаять молчаливого соседа не бросала.

В свободное от работы и Манькиных ухаживаний время дядя Гор ваял. Он был очень рукастым и не лишенным чувства прекрасного человеком, поэтому постоянно совершенствовал свой быт. При этом работал с какой-то космической скоростью. Проснулся с утра – а во дворе дяди Гора красуется новый гаджет – небольшая деревянная беседка. К вечеру она обзаводится гладко отшлифованным столом, а к завтрашнему утру – стульями. Еще через день беседка покрыта ровным слоем специального лака, а от дома к ней тянется узкая, аккуратная тропа из речной гальки.

Проигнорировать такую беседку может только какой-нибудь каменный истукан. Похвастать качествами каменного истукана Манька не могла – Манька была сверхлюбопытным ребенком с воинственно развевающимся чубчиком на голове и с шилом в одном месте. Поэтому при виде беседки она не придумала ничего лучше, чем тотчас явиться с визитом вежливости, вся встревоженная, в пижаме и сандалиях на босу ногу. Да и как можно не нарисоваться с визитом в самую рань, если на соседском дворе творятся такие чудесные

дела – дядя Гор, по брови в опилках и прочей деревянной лузге, шлифует бок беседки, а тетя Мелина ходит кругами и восторженно ахает!

На звонкое приветствие Мани дядя Гор коротким жестом показал, чтобы она не подходила близко, а то кругом мусорно, а тетя Мелина побежала в дом – за пирожками с яблочным повидлом. И пока всполошенная отсутствием шкодливой внучки Ба бегала по дому, раненой белугой взывая к ее совести и заглядывая во все укромные места, Манька, по-царски расположившись на заботливо подстеленном пледе, элегантно пожирала Тетимелинины фирменные сладкие пирожки, запивая их второй чашкой густого какао. И неустанно сыпала искрометными вопросами:

– Дядя Гор, а вы потом в этом домике жить будете, да? Это будет ваша конура?

– ...

– А чего это вы шпак... шпаклюете? Это ведь шпаклевать называется, да? Стены шпаклюете, чтобы мухи спотыкались?

– ???

– Ну когда стена гладенькая, небось мухи ходить по ней не могут, спотыкаются и падают вниз. Хорошо, что ночью они не летают. А то будут падать гурьбой, а вы на полу спите. С открытым ртом. Проснулись – а мух во рту видимо-невидимо. Буэ.

– Хм.

– Вот и я думаю, что на вкус они не очень, – вещала Манька, уплетая за обе щеки пирожки и качая туда-сюда пухленькой ножкой в красной истоптанной сандали.

На этом месте ее непринужденную светскую беседу оборвали самым бесцеремонным образом – выбежавшая из дома Ба зацепила краем глаза соседскую беседку, подошла к забору и среди прочих Дядигоровых нововведений обнаружила свою внучку.

– Мария! – протрубила иерихонской трубой она. – У тебя совесть есть?

Дядя Гор, пронзенный в самое исподнее воплем соседки, выронил рубанок, а Манька спешно спряталась за спину тети Мелины.

– Ну чего ты, Роза, – вызвала огонь на себя тетя Мелина, – девочка просто прибежала к нам беседкой любоваться. Это я во всем виновата, задержала ее, вот, завтраком кормлю.

– А предупредить она меня не могла? Я чуть инфаркт не заработала, пока ее искала, аж весь дом облазила!

– В большую дождевую бочку заглядывала? – высунулась из-за спины тети Мелины Манька.

– Я тебе дам большую дождевую бочку!

– Спросить, что ли, нельзя?

– Нельзя! – И, решив, что воспитательная часть на этом закончена, Ба переключилась на беседку и принялась нахваливать ее на все лады.

Единственным человеком, с которым дядя Гор разговаривал не жестами, а словами, была Роза Иосифовна. В ее присутствии он становился таким разговорчивым, что даже расщедрился на сложноподчиненные предложения. Правда, чудеса такие случались крайне редко, где-то раз в квартал, но ведь случались! Поэтому, чтобы выудить у мужа какую-нибудь информацию, тетя Мелина прибегала к Ба:

– Роза, я тебя очень прошу, спроси у него!

– Чего спросить-то надо? – вытирая руки о подол большого розового фартука, готовилась к очередному лингвистическому штурму Ба.

– Спроси, куда это он собрался. А то вытащил чемодан, показал жестами, что надо в дорогу вещи собрать, а куда едет – не говорит.

– Ты только под ногами у меня не путайся!

– Не буду, не буду! Я у тебя на кухне посижу, даже в окно выглядывать не стану.

Через пятнадцать минут Ба возвращалась с победой:

– Уезжает на три дня в Дилижан – проведать сестру.

– Роза-джан, спасибо тебе большое, что бы я без тебя делала! – радовалась тетя Мелина. – Никто, кроме тебя, моего чурбана разговорить не может! Как оно у тебя получается?

– А черт его знает! Я спрашиваю, а он отвечает.

– Чудеса! – всплескивала руками тетя Мелина. – Он даже на свадьбе нашей Арпинэ тост выдать не смог. Все ждут, что отец сейчас скажет какие-то напутственные слова молодоженам, а он постоял-постоял, крикнул, опрокинул стопочку да Арпинэ в обе щеки расцеловал.

– Золото он у тебя, Мелина. Мало говорит, зато много делает.

– Это да. Но иногда и поговорить хочется, не с роботом же я живу!

К моменту нашего с Маней знакомства двор дяди Гора представлял собой объект страстных мечтаний любого охочего до развлечений ребенка. Слева от входа, завешанная трепетными ветвями плакучей ивы, стояла деревянная уютная беседка. В такой беседке очень вкусно чай со слоеными пирожными гонять или мороженое маленькими кусочками поедать. Откусил кусочек мороженого и смотришь, много осталось или мало. По закону подлости мороженое всегда заканчивается быстрее, чем успеваешь им насладиться. А вот тушеные овощи – наоборот. Наедаешься с первой ложки, а дальше просто заставляешь себя есть. Что особенно обидно, овощей в тарелке от этого не убавляется, а наоборот, словно прибавляется и прибавляется! Но не будем о грустном, вернемся к достоинствам дяди Гора.

Итак, слева от дома стояла беседка. А справа раскинулась нетрадиционная для наших дворов лужайка, там и сям инкрустированная цветочными клумбами, низенькими скамейками и двумя самодельными фонтанчиками. Когда у живущей в Кировакане Арпинэ родились дочки-близняшки, дядя Гор смастерил качели и даже карусель, чтобы приехавшим в гости внукам было где поиграть. Карусель была предметом зависти детей всего нашего городка. Она представляла собой круглую деревянную платформу с четырьмя лавочками. Перед каждой лавочкой по ходу движения был прибит невысокий шест. Нужно было, вцепившись в шест руками и стоя левой ногой на платформе, правой разгонять ее, отталкиваясь от земли. Когда карусель раскручивалась до достаточной скорости, следовало плюхнуться на лавочки и какое-то время с визгом крутиться, а потом по новой «поддавать газу». Мы с Манькой и Каринкой часто прибегали к дяде Гору – покататься на карусели или посидеть в беседке. Правда, Ба в таких случаях всегда нас сопровождала и строго следила, чтобы мы не испортили чужое имущество. Или чужие нервы.

– У нас, – приговаривала Ба, – из-за ваших проделок нервы уже луженые, а вот за нервы Гора с Мелиной я не поручусь!

– А что такое луженые? – любопытствовали мы.

– Многострадальные, но непотопляемые, ясно?

– Ясно!

Решение Ба сводить нас в городскую баню мы встретили в штыки. Но миндальничать с нами взрослые не собирались – сегодня поздно вечером приезжает дядя Мотя, завтра с утра – тетя Фая, а далее мы всем миром будем отмечать юбилей Ба. Так что дорога каждая минута.

Препирались мы с Ба до последнего, но из чистого упрямства. Потому что смысл качать права, когда ты, образно говоря, одной ногой стоишь на пороге бани, а в руках пестуешь авоську со сменным бельем, шлепками, полотенцем и мылом!

– Как раз помоемся и на обратном пути заберем из садика Гаянэ с Сонечкой. А Надя к нашему возвращению накрутит фарш для толмы и замаринует уток. Что с утками делать – ума не приложу. Хотели запечь, но в дровяной печке-то не запечешь! Придется просто

потушить, – бубнила себе под нос Ба. Мы хмуρο шли следом. Прохожие с любопытством разглядывали наши постные мины.

– Она взяла натуральную мочалку, – шепнула Манька.

– И нам мама натуральную положила! – вздохнула Каринка.

До чего же мы не любили эти изуверские натуральные мочалки! Вернешься домой практически безгрешный, ну, может, ноги по самые подмышки намочил по лужам бегаючи, или сажай вымазался до бровей, можно подумать! Попытаешься незаметно в квартиру просочиться, а на пороге мама наперевес с натуральной мочалкой стоит. Главное, даже слова в свое оправдание сказать не дает, подцепит за лопатку и волочет в ванную. И устраивает тебе такое шкурораспустительное мытье, что ты потом ходишь словно густо накрахмаленный – тело скрипит и не гнется. А если и гнется, то с таким напрягом, словно с тебя сейчас отвалится большой кусок чего-то важного, какого-нибудь луженого нерва например, и шмякнется на пол.

– Ба, – заныла я. – И чего? Теперь ты перед всем голыми тетеньками будешь голая ходить? И перед нами тоже?

– Перед вами уж точно не стану голая ходить! Мы возьмем билеты в отдельный номер. Я прослежу, чтобы вы быстренько искупались, выпровожу в холл, вы подождете, пока я тоже вымоюсь. Думаю, за час точно управимся. – И, толкнув тяжелую дверь, Ба всплыла в холл бани. Следом просочились мы.

Городская баня представляла собой небольшое одноэтажное здание из розового туфа. Обычно она пустовала, потому что, кому охота ходить куда-то мыться, когда дома своя ванная под боком. Тем более что русского обычая париться до изнеможения и выбивать из себя отчаянно не желающую отдаваться богу душу дубовым или каким другим березовым веником у нас не водилось. Правда, некоторые впечатленные «Иронией судьбы» граждане загорелись идеей повторить подвиг героев фильма и помыться, так сказать, на брудершафт. Но попытки совместить приятное с полезным терпели сокрушительное поражение, ибо пить без обильной закуски и многокилометровых тостов народ категорически не умел, а растягивать на многие часы процесс мытья без питья не желал.

Поэтому клиенты в бане случались редко, в экстренных, навроде ЧП с газопроводом, случаях. Штат сотрудников бани был небольшим, если не сказать крохотным. Руководила баней тетя Ашхен, уборщицей работала шаш Тамар, а за регулярную топку и техническое состояние помещений отвечал колченогий дед Леван. Деду Левану было так много лет, что, когда он, пыхтя трубкой под пожелтевшими от табака усами, начинал рассказывать о присоединении Восточной Армении к Российской империи, все слушали его как непосредственного очевидца событий.

Полусумасшедшая шаш Тамар («шаш» в переводе с армянского означает «дурак, сумасшедший») была весьма харизматической личностью. В свои глубокие семьдесят она строила из себя тридцатилетнюю красотку – носила броский макияж и прозрачные платья, из-под которых кокетливо выглядывало кружево комбинации. Пахла шаш Тамар розовой водой – густой шлейф сладкого аромата сопровождал ее всюду. Из-под тщательно взбитых кудрей выглядывали длинные морщинистые уши. Когда мы встречались с шаш Тамар на улице, то первым делом пялились не на свисающую с левого плеча всклокоченную лису и даже не на выглядывающую из-под платья комбинацию, а на ее мочки. Мочки у шаш Тамар были страшные – с продольной дырой, разорванные пополам. Люди поговаривали, что в голодные послевоенные годы Тамар ограбили, накинудись на нее сзади, ударили чем-то тяжелым и вырвали из ушей золотые сережки. Правда, никто поручиться за это не мог, а спросить боялся – в ответ шаш Тамар поднимала такой визгливый хай, что хоть стой, хоть падай. Она

упрямо проколола свои «вторые» мочки и ходила по городку в золотых сережках, нагоняя на детей священный ужас своими обезображенными ушами.

Ба ее сильно жалела. Всегда здоровалась и расспрашивала про жизнь. Шаш Тамар отвечала невпопад, но обстоятельно. Ба терпеливо выслушивала сбивчивые рассказы, поддакивала. Если шла с покупками с базара, обязательно вытаскивала из авоськи персики или гроздь винограда и протягивала ей. Тамар с достоинством принимала фрукты, от денег всегда отказывалась. Как-то Ба поколотила несколько подростков, которые шли за шаш Тамар по улице и отпускали в ее адрес скабрзные шутки. Роза Иосифовна догнала их и выдрала каждому уши.

– Вы чего? – обиженно пыхтели подростки, пытаясь вырваться из цепких рук Ба.

– Ничего! – прогрохотала Ба. – Идите отсюда, еще раз поймаю, на одну ногу наступлю, за другую потяну и разорву пополам, ясно? Щщщщценки! Такие шуточки в адрес своих матерей будете отпускать, они-то хамское отношение точно заслужили, раз таких идиотов себе на голову воспитали!

Очередь из хозяйек у продуктового напротив проводила убегающих подростков улюлюканьем и умелым свистом, Ба пошла дальше по своим делам, а шаш Тамар даже на шум не обернулась. Ибо ничего из случившегося она просто не слышала.

Третья труженица бани звалась тетя Ашхен. Тетя Ашхен работала начальницей, бухгалтером и кассиршей. Женщиной она была грозной и неуступчивой, глядела испуганно и улыбалась крайне редко, только по государственным праздникам. На Первомай, например, или в очередную годовщину Великой Октябрьской революции. Правда, от улыбки у нее делалось такое изуверское выражение лица, что уж лучше бы она всегда хмурилась. В бане у тети Ашхен имелся собственный «кабинет» – крохотный закут с занавешенными от любопытных глаз окнами. Так как тетя Ашхен была женщиной гренадерского роста и весьма обильного телосложения, она смотрелась в своем закуте так, словно ее туда запихивали изо всех сил и, счастливо запихнув, запечатали намертво дверь, чтобы она, не дай бог, не вывалилась наружу. Поэтому каждый, кто заходил в баню, первым делом натыкался на торчащие между штор в цветочек вытарашенные глаза и поджатые в недовольстве челюсти тети Ашхен.

Этими недовольными челюстями она и лязгнула Ба, что все билеты в отдельные номера раскуплены на многие часы вперед.

– То есть как это? – недоверчиво скособочилась Ба.

– Роза, неужели ты думаешь, что я бы стала тебе врать? – заколыхалась тетя Ашхен. Закут опасно заскрежетал и попытался треснуть по швам. – Посмотри, что кругом творится!

Кругом действительно творилось несусветное – холл забился почти до отказа. Стоящие вдоль стен деревянные скамьи были заняты ждущими своей очереди на помывку людьми.

– Лучше сходите в общую залу, там сейчас мало народу, а вот вечером, после работы, яблоку негде будет упасть, – шепнула тетя Ашхен.

Под наше нытье Ба взяла билеты в общее отделение. Пока мы стыдливо раздевались, прикрываясь дверцей шкафчика, она переделалась в ночнушку, а потом погнала нас под душ. Не зря мы, конечно, сопротивлялись походу в «общую залу», словно чувствовали, что среди других голых тетенок столкнемся со Скелетиной – женой ненавистного физрука Мартына Сергеича. Скелетина преподавала в нашей школе историю. При виде нас она попыталась сделать вид, что это не она, но подыграть ей мы не догадались.

– Здравствуйте, Маргарита Карапетовна! – радостно отрапортовали мы.

Маргарита Карапетовна пробормотала что-то невнятное, прикрылась мочалкой и повернулась к нам спиной. Спина у Скелетины была такая, что легко могла сойти за стиральную доску – вся в ребрах, торчащих позвонках и копчике. Груды при всем старании на Скелетине мы не разглядели, если только какие-то чахлые зачатки! Наш созерцательный процесс самым бесцеремонным образом оборвала Ба – она подцепила нас за шкирки и поволокла в дальний конец помещения.

– Чтоб не отвлекались! – рявкнула грозно.

Впрочем, с нового места дислокации открылся такой исчерпывающий вид на голых тетенок, что мы моментально потеряли дар речи и даже не сопротивлялись, когда Ба немилосердно натирала нас натуральными мочалками.

Голых тетенок было штук восемь. Одни намыливались, другие обливались водой, а одна тетенька устроила самую настоящую стирку. На лавочке рядом возвышалась гора перестиранного белья, а его хозяйка тем временем увлеченно полоскала под душем то ли наволочку, то ли кухонное полотенце – в густом паре разглядеть точно, что тетенька полощет под упругой струей воды, было категорически невозможно.

По центру зала хилой конструкцией возвышалась Скелетина. Справа от нее мылась какая-то невероятно рыхлая и густоволосатая женщина.

– Я подумала, что она мужчина, – шепнула мне краем рта Манька, пока Ба сдирала мочалкой с Каринки кожу, – она даже волосатее моего папы!

– И моего! Я тоже испугалась, что она мужчина. Но титьки-то у нее во! – повела я руками перед собой, намекая на огромный размер тетенькиных грудей.

Груды были действительно какого-то катастрофического размера. Скелетина на их фоне выглядела ожившей гиперактивной жердью. Гиперактивности, думаю, ей придали наши пристальные взгляды – прищипоренная таким вниманием, она мылась с прямо-таки космической скоростью.

Впрочем, от нее не отставала Ба. Поэтому через полчаса наша доведенная до стерильной чистоты троица вывалилась в холл.

– Посидите тихо, сейчас я быстренько искупаюсь и выйду к вам, – велела Ба, выпроваживая нас из душной раздевалки.

Пока мы отходили от бешеного мытья, Манька выдвигала разные версии о причинах волосатости тетеньки.

Сначала она предположила, что эта тетенька – тяжелобольной человек, и болезнь эта называется «мужская волосатость для женщин». Мы с Каринкой фыркнули – было очень сложно представить, что в природе существует такое заболевание. Манька тоже посмеялась с нами, а потом выдвинула новую версию, что эта тетенька когда-то была волосатым дяденькой, а потом у него выросла грудь и он превратился в тетеньку.

– А куда тогда его писюн делся? – полюбопытствовала Каринка.

– Отвалился.

– Вот так прямо взял и отвалился? – похолодели мы.

– Угум. Как хвост ящерицы.

Мы своими глазами видели, как это бывает, – однажды Каринка погналась за ящерицей, нечаянно наступила ей на хвост, и тот мигом отвалился, и, пока мы, остолбенев от изумления, наблюдали корчащийся в конвульсиях обрубок хвоста, ящерицы и след простыл... Так как мы не понаслышке знали, каким образом отваливаются хвосты у ящериц, то живо представили эту душещипательную картину. И, покамест мы с Каринкой, глаза враспор, фантазировали, как писюн этого внезапно превратившегося в тетеньку дяденьки корчится на полу, наша неугомонная подруга придумала еще одну версию волосатости.

– А может... – загоревшись новой идеей, стартовала она, но мысль свою продолжать не смогла, просто замерла с открытым ртом.

– Чего может? – спросили мы, повернулись в ту сторону, куда глядела Манька, и тоже окаменели – поправляя на плече побитую молью лису, к нам приближалась шаш Тамар.

– В девятнадцать ноль-ноль ровно, – заговорщицки подмигнула она густо подведенным глазом. В ушах покачивались золотые, с кроваво-красным рубиновым камнем, сережки.

Мы громко сглотнули, не в силах отвести взгляд от ее обезображенных мочек.

– Говорю – в девятнадцать ноль-ноль! – требовательно повторила шаш Тамар и завертелась в каком-то танцевальном движении – вокруг тощих ног затрепетал кружевной подол комбинации, большие каблук старомодных туфель пробили на кафельном полу чечетку.

– Чего в девятнадцать ноль-ноль? – каркнула Каринка. Мы с Манькой, не в силах выдать из себя ни звука, просто кивнули головой.

– В девятнадцать ноль-ноль ровно! И ни минутой позже! Ясно? – повторила шаш Тамар и, наклонившись к нам, шепотом зачестила: – Спутник никого ждать не будет! Он летает туда-сюда, фотографирует и набирает желающих. А потом фьють – и ты уже дышишь не носом, а жабрами! Компрене²?

Еще бы не компрене! Знать бы хотя бы, что это таинственное «компрене» означает! Мы дружно вспотели и забегали глазами. А шаш Тамар увлеченно исполняла разные танцевальные па, вихляя тощими бедрами и драной рыжей лисой на плече.

К счастью, скоро освободился отдельный номер, и она, прервав свои пляски, накинула на плечи халат и побежала готовить помещение к новым посетителям.

Пока шаш Тамар отвлеклась на уборку, мы бесшумно просочились в общее отделение – уж лучше сидеть в жаркой раздевалке, чем слушать бредни и пялиться на обезображенные уши городской сумасшедшей. Ба ничего рассказывать не стали, чтобы не нарваться на нравоучения.

Сонечку и Гаянэ мы пришли забирать до полдника, и по этому случаю наша младшая сестра подняла такой вселенский вой, что нам пришлось зарулить на детсадовскую кухню и попросить у повара стакан кефира и печенье. Потом Ба взяла довольную Сонечку на руки, и мы дружной компанией потопали домой. На подступах к улице Ленина услышали какой-то странный шум. Сначала не очень поняли, что происходит, но потом сообразили, что странный шум – это чьи-то выкрики в рупор. Притом рупор, видимо, странным образом перемещался по городку, потому что выкрики слышались то справа, то слева, то вообще с Речного квартала. Разобрать слова не получалось – рупор изливался шипением и прочим нечленораздельным шумом.

– Что еще могло приключиться? – разволновалась Ба.

Мы прибавили шагу. Выскочили на перекресток улицы Ленина очень даже вовремя – в следующий миг мимо нас на бешеной скорости промчалась тархтящая «Победа». Какой-то дядечка, высунувшись по пояс в окно, выкрикивал в рупор бессвязное. Через три минуты он промчался в обратном направлении, захлебываясь в громкоговоритель. Народ проводил «Победу» недоуменными взглядами, а потом терпеливо принялся ждать, пока она, сделав круг, вернется обратно.

«Победа» не заставила себя долго ждать и, напустив страху в противоположном конце городка, снова вылетела на Ленина. Собравшийся по тротуарам народ начал волноваться. Некоторые нетерпеливые граждане предложили позвать милиционера Рафика, чтобы он выстрелил в колеса машины и тем самым остановил ее хаотичную езду. К счастью, до Рафика дело не дошло. На очередном вираже таинственный дядечка умиротворил воинственное шипение рупора, и мы наконец смогли разобрать его исполощенные крики:

² Понимаете? (Фр.)

– Внимание-внимание! Сегодня, шестого апреля, в девятнадцать часов ноль-ноль минут возобновится подача газа! Большая просьба проследить, чтобы конфорки были выключены. Или пеняйте на себя! Внимание-внимание! Сегодня, шестого апреля... – Тут дядечка чуть не вывалился из окна, потому что «Победа», резко дернувшись, прибавила газу и покатила в сторону автовокзала. – В девятнадцать часов ноль-ноль минут, – долетело до нас из-за поворота.

– Какого черта мы тогда в баню сходили? – развела руками Ба.

– Зато Скелетину голый увидели! – расплылась в довольной улыбке Каринка.

– Чингисхан, ты опять за свое?

– Так вот о чем нам шаш Тамар говорила! – встрепенулась я.

– А что она вам говорила?

И мы стали наперебой рассказывать Ба про девятнадцать ноль-ноль, жабры и спутники. Ба молча нас выслушала и покачала головой.

– Бедная женщина!

– А почему она такая сумасшедшая?

– Уж не от хорошей жизни! – отрезала Ба. – Ладно, поторапливайтесь. Вам еще уроки делать, а нам с Надей готовить.

И, поминутно подгоняя нас окриками, Ба припустила к дому.

До волнительного юбилея оставались какие-то сутки!

Глава 6

Ба справляет юбилей, или Визит Фаи, которая Жмайлик

Утро седьмого апреля ознаменовалось сокрушительной грозой. Вообще гроза в апреле – большая редкость, если не аномалия. И было бы, наверное, странно, если бы такая природная аномалия не приключилась в день рождения Розы Иосифовны.

Дождь стоял густой холодной стеной, на дворе было непролазно темно, и эту непролазную темень разрывали длинные, слепящие молнии. Грохот, которым отзывались небеса, был воистину катастрофическим. Хотелось забиться куда-нибудь в угол, желательно в шкаф и, зарывшись головой в ворох белья, тихонечко переждать погодную свистопляску.

Манька с детства боялась грозы. Завидев на небе темные низкие тучи, она сразу же прибежала домой, под крылышко Ба. Далее начинались лихорадочные приготовления – Манька затыкала уши ватой, запасалась какой-нибудь книжкой, обязательно с картинками, и затаивалась на полу самой, по ее мнению, безопасной комнаты в доме – гостиной.

Если гроза была слабенькая и бурчала так себе, Манька могла даже забыть о ней, увлекшись чтением. Если гроза случалась громкая, Манька переключалась с чтения на рассматривание картинок и подробно в крик рассказывала, что именно художник изобразил на странице семнадцать книги «Оцеола, вождь семинолов».

– Тут изображен индеец, – орала Манька, пытаясь перекричать себя, – этот индеец весь в перьях и головном уборе. Копье торчит сбоку. Но он не ранен, нет! – Тут Манька, испуганная очередным всполохом молнии, зарывалась лицом в книжку и вещала оттуда: – Чтобы ранить такого индейца, нужен полк бледнолицых. Хотя, думаю, и полк бледнолицых с ним не справится!

Если же гроза случалась нечеловеческой силы – а такие грозы в нашей высокогорной местности были нередки, Манька забивалась под диван в гостиной и орала оттуда песни. Выкурить ее из укрытия было практически невыполнимой задачей – Манька вцеплялась мертвой хваткой в ножки дивана и, лежа на животе в позе морской звезды, орала в паркетный пол «Бухенвальдский набат», чередуя его с гимном Советского Союза. Ничего другого в состоянии аффекта Манька орать не умела, а плакать от страха считала ниже своего достоинства.

Ба с дядей Мишей в минуты Манюниного смятения вели себя крайне непедагогично – чуть ли не по полу катались, корчась от смеха.

– Дочка, – рыдал в торчащие из-под дивана кругленькие Манькины пятки дядя Миша, – ты можешь мне объяснить, зачем гимн орешь?!

– Я еще понимаю «Бухенвальдский набат», – всхлипывая, вторила сыну Ба, – этим набатом они уже замучили весь район, исполняя его на всех торжественных мероприятиях. Но гимн?

– Ничего они в песнях не понимают, – рассказывала мне потом Манька. – Нарка, когда ты слышишь гимн нашей страны, что сразу представляешь?

– Красную площадь.

– Вот! А кто по Красной площади марширует?

– Войска.

– Ну! Я прямо вижу, как наши войска маршируют и идут сражаться с грозой. И боюсь меньше!

– А «Бухенвальдский набат» зачем поешь?

– Он громкий. И там про «люди мира, на минуту встаньте».

– Ага, – соглашалась я. Теперь Манькина логика мне была очень даже понятна. Люди мира, на минуту встаньте и набейте морду грозе. Вот чего моя подруга орет из-под дивана!

И надо же было такому приключиться, чтобы седьмое апреля, день шестидесятилетия Ба, ознаменовался грандиозной грозой! Видимо, небеса решили по-своему поздравить Розу Иосифовну с юбилеем и в шесть ноль-ноль утра организовали в ее честь салют. Первый же праздничный раскат поднял на уши весь городок – рык получился таким оглушительным, словно наверху опрокинули огромный воз с алюминиевыми кастрюлями. И кастрюли, перекатываясь с боку на бок, рассыпались от горизонта к горизонту, наводя своим немилосердным грохотом священный ужас на все живое.

Похрапывающий на диване гостиной дядя Мотя подскочил от этого грохота, как ужаленный.

– Что такое? – пробормотал он, нашарил тапки и побрел на ощупь к окну – разобраться с источником шума. Следующий грандиозный раскат загнал его обратно в постель – видать, встречать апокалипсис в желтых семейниках, густо подсиненной майке и тапках на вскоченную ногу дядя Мотя был не готов. Он лихорадочно подоткнул со всех сторон одеяло, зарылся головой в подушку и притих.

Вчерашний день дядя Мотя провел в рейсовом автобусе – ехал с двумя пересадками в Берд. Вез сестре три килограмма осетрины, ящик фиников, два длиннющих парниковых огурца и букет завернутых во влажное кухонное полотенце ирисов. Всю дорогу дядя Мотя опрыскивал полотенце водичкой, чтобы цветы не завяли. Довез букет в целости и сохранности, а потом еще помогал сестре готовить рыбу. Часть осетрины они отварили и, полив соусом из белого вина напополам с уксусом, замариновали на холоде, а другую часть запекли в духовке. А потом до поздней ночи, чаевничая вприкуску, вспоминали детство, листали семейный альбом и рассматривали пожелтевшие старые фотографии.

Утренняя гроза оказалась совсем некстати – дядя Мотя очень хотел выспаться после вчерашнего утомительного дня. Но выспаться под такую природную истерику было просто невозможно – мало того что грохотало в небесах, так еще в городке было беспокойно – испуганно кукарекали петухи, кричала другая впечатлительная домашняя птица, орали коты и лаяли собаки. «В-в-в-в!» – выл взволнованный колючий ветер. «Клац-клац-клац», – стучались в окно тонкими ветвями испуганные яблони.

– Спать! – сделал себе внушение дядя Мотя, засунул голову под подушку и накинул сверху одеяло. Стало значительно тише. – Ну вот и славно, – обрадовавшись относительной тишине, он подтянул к себе ноги, поелозил по дивану боком, высунул из-под подушки нос, глубоко вздохнул и прикрыл глаза.

– Союз не-ру-ши-мый респуб-лик свобод-ных, – неожиданно взвыло откуда-то из-под земли.

«Гр-р-ра-а-аххх!» опрокинулся в небесах еще один шкаф с медной посудой.

– Сплоти-ла наве-ки Вели-кая Русь! – перешел в протяжный визг потусторонний вой.

Дядя Мотя сначала решил, что сошел с ума. Но потом быстро очухался и свесился вниз головой с дивана. Кругом было темно, хоть глаз выколи. Из крошечной темноты в лицо ему вырвался горячий призыв:

– Да здравст-вует соз-данный во-лей наро-дов...

– Мария, это ты чудишь? – попытался перекричать Манино остервенелое пение дядя Мотя.

– Единый, могучий Советский Союз! – с готовностью отозвалась Манька.

Прибежавшая Ба застала в гостиной дивную картину: на диване, вверх попой в желтых семейниках, возвышался дядя Мотя. Из-под дивана, в минуты грозových раскатов срываясь в отчаянный визг, лился торжественный гимн.

– Деточка, ты только не волнуйся, – увещевал Мотя, тщетно пытаясь отцепить надрывающуюся в непостижимом певческом угаре Маньку от диванных ножек.

– Сквозь гро-зы сия-ло нам солн-це свобо-ды, – отбрыкивалась Манька.

– Да что же это такое! – причитал дядя Мотя.

– И Ле-нин вели-кий нам путь оза-рил!

Какое-то время Ба молча наблюдала выступающий из полумрака встопорщенный арьергард брата. Потом не вытерпела:

– Мотя, ну и чемодан ты себе отъел, – перекричала грозу, петухов и Манино пение она.

– Чего? – вынырнул из-под дивана дядя Мотя. – Доброе утро, Роза, с днем рождения тебя!

– Ты решил меня в такой завлекательной позе поздравить? Пушкой, так сказать, вперед?

– Какой пушкой? – не понял Мотя. – Роза, ради бога, что с ребенком?

«Гр-р-р-ра-а-а-а-ахххх!» протрубили небеса.

– Люди мира, на минуту встаньте! – выдала из-под дивана хоровое разноголосье Манька.

– Мотя, дорогой, – Ба присела на краешек дивана, вывернула подол ночнушки и от души высморкалась, – оставь девочку в покое, она грозы боится!

– А поет зачем?

– Не могу знать. Поет – и на том спасибо. Хорошо, что дом не разносит!

Мотя нервно сглотнул:

– Ну хорошо. А почему она ко мне петь прибежала?

– В грозовую погоду Манька предпочитает прятаться под диван в гостиной. Я ж не знала, что в апреле может грянуть такая свистопляска! Знала бы, постелила бы тебе в комнате Миши. А он бы на диване переночевал. Ему к выкрутасам дочери не привыкать.

Гроза бушевала часа два и утихомирилась только ближе к девяти утра. За это время дядя Миша успел уехать на работу, Мотя с Ба – позавтракать и настрогать тазик оливье, а Манька – охрипнуть от громогласного пения.

Когда погода успокоилась, Ба пришла вызволять изпод дивана внучку. Манька выдернула из ушей затычки, вручила бабушке и убежала к себе наверх. Надела новое платье, тщательно причесалась, обильно намочила и прищипила боевой чубчик и, вся из себя торжественная, ссыпалась вниз по лестнице. Винтилась с разбега в живот бабушки.

– Ба, – прогудела оттуда, – я желаю тебе быть счастливой, и всегда радоваться, и чтобы ты была здоровая, и чтобы глаза всегда были румяные! С днем рождения тебя!

– Вот за румяные глаза отдельное спасибо.

– А это тебе подарок. – Манька вытащила из кармана крохотный сверток и вручила бабушке.

Ба развернула подарок. В свертке лежала простенькая стеклянная брошь.

– Ах! – всплеснула руками именинница и тотчас прищипила к груди украшение. Брошь брызнула во все стороны фальшивым блеском желтых бус.

– Нравится?

– А то!

– Там еще другая была, красная, мы с Наркой долго спорили, кто какую возьмет. В общем, победила дружба. Я взяла желтую, как и хотела, а Нарка – красную.

– А Нарка какую брошь хотела взять? – любопытствовал дядя Мотя.

– Тоже желтую.

Взрослые прыснули.

– А как же тогда победила дружба, если Нарка взяла брошь, которую не хотела?

– Да какая разница? Ведь красную брошь она для Ба покупала, только это секрет. Ой!

- Ахаха-а-а-а!
- Не выдавайте меня, пожалуйста! А то Нарка обидится.
- Не будем!
- Обещаете?
- Обещаем.
- Вот спасибо!

К трем часам дня, вся расфуфыренная, явилась на торжество наша семья. Ну, кроме папы, конечно. Папа должен был приехать сразу после работы.

Первым делом, прямо с порога, мы исполнили «К сожаленью, день рожденья только раз в году». Дядя Мотя на нашу песню отреагировал странно – часто моргал и контуженно дергал головой.

Следом настала пора подарков.

– Вот это да-а-а-а! – Ба пришила рядом с желтой брошью красную. – Теперь я дважды медалистка. Одну медаль буду носить по четным дням, а другую – по нечетным.

Каринка преподнесла юбилярше натюрморт собственной работы, Гаянэ спела песенку. Сонечка упрямо сопела, но таки уступила нашим увещаниям и прочла стишок Агнии Барто: «Это Масёнка пьянуясь, с боку на бок повейнойась».

Дядя Мотя на «Масёнку» отреагировал весьма предсказуемо – сорвался в тонкий визг. Мы даже удивляться не стали, потому что привыкли к такой странной реакции взрослых – они всегда всхлипывали по углам от Сонечкиного оригинального исполнения «Машеньки».

В конце торжественной церемонии, со словами: «Любимой Розе Иосифовне от всей нашей семьи», – мама вручила имениннице жемчужный комплект – кольцо и сережки. Ба долго ахала и отказывалась принимать дорогой подарок, а потом даже немного поплакала от счастья, потому что давно мечтала о таком комплекте.

А потом мы дружно занимались подготовкой к праздничному вечеру – пока взрослые раскладывали в гостиной большой стол, накрывали его крахмальной скатертью и расставляли приборы, дети сворачивали бумажные салфетки треугольником и протирали до блеска хрустальные бокалы. Вообще вели мы себя на удивление ответственно и совсем не шалили – никому не хотелось портить настроение Ба в ее законный юбилей. И даже Каринка всю старалась – притащила со второго этажа стулья и помогала маме аккуратно раскладывать по тарелкам закуску.

Ба усадила брата молотить кофе, а сама руководила сервировочным процессом. Периодически поглядывала на часы – автобус Фаи прибывал в 17.00. Встретить ее должен был дядя Миша. И, хотя до приезда сестры времени оставалось еще много, Ба все равно волновалась – это был первый визит Фаи в наш городок, и Розе Иосифовне очень хотелось, чтобы встреча прошла на высшем уровне.

К сожалению, высший уровень накрылся медным тазом, потому что автобус Фаи прибыл в Берд не в 17.00, а в 15.50. Причиной тому была радостная весть, постигшая водителя Гарика в Ереване. За несколько минут до выезда на ереванский автовокзал дозвонился его тесть и сообщил, что Гарик стал дважды счастливым отцом – жена на рассвете родила ему мальчика и девочку.

– План на детей выполнил за раз! – пел всю дорогу Гарик, срезая крутые повороты Иджеванского серпантина под таким сумасшедшим углом, что тете Фае ничего не оставалось, как, вцепившись мертвой хваткой в сумку, молиться о том, чтобы автобус в целостности и сохранности добрался до пункта назначения.

Бердский автовокзал встретил одетую по-городскому незнакомку с неприкрытым любопытством. Люди тут же кинулись расспрашивать, надолго ли приехала Фая, и что она привезла в своих больших сумках. Одна усатая старушка пощупала подол Фаинового плаща крючковатыми пальцами, поцокала восхищенно языком:

– Небось импортное?

Фая выдернула подол из клешней старухи, подхватила сумки и выползла на улицу – подышать свежим воздухом. Воздух был воистину свежим – пах озоном, бурным весенним цветением и влажной землей. Фая вдохнула полной грудью, еще и еще. Улыбнулась своим мыслям. Окинула взглядом окрестности. Справа от вокзала, утопая по крыши в деревьях, виднелись каменные дома с деревянными застекленными балконами. Слева возвышался длинный пятиэтажный дом странной полукруглой конструкции.

«Кажись, цивилизация», – опрометчиво решила Фая.

Возле входа в автовокзал стояла длинная деревянная скамья. Фая вытащила из сумки дорожный термос, налила в крышечку чая, уселась на скамью. Нашарила в сумке пачку сигарет. Чиркнула спичкой, с удовольствием затянулась. Положила ногу на ногу, отхлебнула чая и приготовилась ждать.

Движение вокруг автовокзала встало. Сначала окаменели люди, потом, со скрипом тормоза у тротуара, выстроились в длинную цепочку автомобили, следом, булькая мазутом и отчаянно тарахтя, уткнулся барабаном в фонарный столб насквозь ржавый кормоуборочный комбайн. Из окон полукруглой пятиэтажки гроздьями высыпали зрители, отъехавший от автовокзала желтый, забитый доверху пассажирами и прочим домашним скотом «пазик» резко затормозил и задним ходом вернулся к остановке.

Все, не мигая, уставились на Фаю.

Фая заволновалась. Что-то в окружающей действительности было не так, и это «не так» явно касалось ее. Она немного подумала и убрала ногу с ноги. Откуда ей знать, может, в этих диких краях не принято сидеть в общественных местах нога на ногу?

Публика весьма заинтересованно наблюдала за телодвижениями приезжей. Не мигала, не отмирала.

Фая нервно затянулась.

– Дочка, – наклонилась к ее уху старушка, у которой Фая вырвала подол своего плаща, – ты же не пилят, чтобы папиросы курить? Или я что-то о тебе не знаю, и ты таки пилят?

– Чего пилят? – Фая мигом загасила сигарету и уставилась на старушку.

– Совсем пилят, – пояснила старушка, села рядом и сложила крючковатые руки на коленях.

Как только Фая загасила сигарету, вокзал пришел в движение – люди, оживленно обсуждая незаурядное событие, вернулись к своим побросанным сумкам, «пазик» библикнул и тронулся в путь, комбайн отцепился от фонарного столба и пополз дальше.

Фая допила чай одним глотком, прикрутила крышку термоса. Убрала его от греха подальше в сумку. Покосилась на старушку, села прямо, сложила на коленях руки. Старушка одобрительно хмыкнула. Откинулась на спинку скамейки, поправила темный платок на голове.

– Ты к кому приехала?

– К сестре.

– К Розе Шац?

– Как вы догадались? – опешила Фая.

– Очень похожи. Я Розу вот такой помню, – старушка показала рукой на проходящую мимо молоденькую девушку. – Худая была, с длинной косой. Григоренц Седа как родную ее приняла, дочкой называла. Роза потом за инженера Серожа замуж вышла, Мишу родила.

Фая расслабилась. Раз старушка так хорошо знает ее сестру, значит, бояться нечего.

– Как можно позвонить Розе, чтобы они приехали за мной?

– Зачем? Миша уже едет сюда.

– Откуда ему знать, что автобус приехал на целый час раньше положенного времени?

– Оттуда, – отрезала старуха и снова вцепилась в подол Фаинового плаща, – матерьял-то какой странный, никогда такого не видела.

– Синтетика.

– Хэх, чего только не придумают.

Через минуту, остервенело кряхтя, к автовокзалу подъехал Вася.

– Вот и он, – кивнула старуха.

– Миша, – выдохнула Фая, когда, счастливо загрузив в «газик» сумки, они наконец тронулись в путь, – а как ты узнал, что я раньше приехала?

– Мне директор автовокзала позвонил. Говорит – тут женщина, очень похожая на Розу, курит на весь город и работу мне срывает! – передразнивая всполошенный голос директора автовокзала, с хохотом рассказал дядя Миша.

– А что, женщины у вас вообще не курят?

– В Ереване курят. Но Берд – не Ереван.

– Это я уже поняла. А что такое «пилят»?

– Фая, я тебя поздравляю! Пять минут как в наших зубодробительных краях, а уже «пилят»!

– Мойше!

– Факира! Ну чего тут непонятного? Пилят – это переименованное на наш манер матерное слово на букву «бэ».

– Да что ты такое говоришь!

– Ну! Другие годами к этому идут. А ты за несколько минут справились!

– Вот шлимазл!

– Я тоже рад тебя видеть.

Тетя Фая нам очень понравилась – громкая, немного смешная, очень похожая на Ба, она внесла своим появлением в предпраздничную сумятицу настоящий разнобой – все сразу побросали свои дела и открыв рты наблюдали, как она бьется в счастливой истерике, обни-

маясь с родными, пытаюсь рассказать сразу все новости и жалуясь на бесцеремонный прием нашего городка. Первым делом она троекратно расцеловалась с Ба (Роза, душа моя, я нашла тебе хорошие английские поддерживающие чулки от варикоза, три пары), далее стала обниматься с братом (Мотя, ты этой прической в гроб меня вгонишь, сказано было: коротко постригись!).

– Да разве его переубедишь? – поддакивала Ба.

Потом Фая села на диван, усадила себе на колени Маньку и несколько минут обильно рыдала в ее всклокоченную макушку.

– Деточка, как же ты выросла! – приговаривала она и выпытывала, помнит ли ее Маня.

Манька виновато сопела – последний раз она гостила у тети Фаи шесть лет назад и ничего, кроме шумного моря, больших кораблей и шоколадного мороженого в вафельном стаканчике, не запомнила. А еще она запомнила дочку тети Фаи, Лину. Лина умела смешно косить глазами и носила брюки-клевш могучей амплитуды. Манька как-то увязалась за ней в магазин и запуталась в широченных брючинах. Еле выпуталась.

Потом, вдоволь нарыдаввшись в Манины кудри, тетя Фая знакомилась с нами: поцеловала каждую в щечку, долго восхищалась Сонечкиной седой прядью волос, чем навсегда снискала ее расположение. Затем она наконец вспомнила, что у сестры юбилей, поздравила ее с днем рождения и вручила подарок – два отреза красивой ткани (на платье) и кожаную, цвета топленого молока, сумочку.

Гуляли мы до поздней ночи. За столом собрались самые близкие: родные Ба, наша семья, тетя Валя с Мариам и щекастым Петросом и дядя Гор с женой Мелиной. Через какое-то время осоловелые от впечатлений Гаянэ с Сонечкой, трогательно обнявшись, спали на Дядимишиной кровати, Петрос тихо посапывал в своей коляске, а мы с Манькой и Каринкой, пока взрослые отвлекались на воспоминания и анекдоты, поглощали сладкое. Оторвались на полную катушку, закусывая воздушный бисквитный торт конфетами, а песочное печенье – приторно-сладкими финиками и жареными орехами с изюмом.

В общем – праздник удался на славу.

Дядя Мотя уехал в четверг, а тетя Фая гостила у Ба до конца недели. Мы успели очень привязаться к ней – она умела смешным голосом рассказывать сказки и была непревзойденной «водой» в прятки. Куда бы мы ни спрятались, находила нас за считанные минуты. Дядя Миша говорил, что в тете Фае погиб великий сыщик, а тетя Фая ласково называла его шлимазлом и дамским угодником. Правда, когда она впервые так сказала, мы от незнания решили, что она назвала дядю Мишу дамским негодником и пришли к ней за разъяснениями.

Тетя Фая сначала посмеялась, а потом ломала голову, как же нам объяснить смысл выражения «дамский угодник».

– Это мужчина, который ведет себя так, чтобы угодить женщинам.

– А что такое «угодить»?

– Понравиться.

– Бабник, что ли? – пришла на помощь тете Фае Каринка.

– Ха-ха-ха. Ну, в том числе немножко бабник.

– Какое там немножко! – встопорщилась Ба. – Мишу хлебом не корми, дай только за бабами приударить.

– А что же ты хотела, весь в своего деда.

– В какого это деда? – заблестели глазами мы.

– А вот эта история не для ваших ушей, – покачала головой тетя Фая.

– Ну и ладно, – легко согласились мы.

Ба подмигнула нам и приложила палец к губам. Мы понимающе улыбнулись ей в ответ. Не расстраивать же тетю Фаю тем, что про Исаака Шаца, у ног которого укладывались шта-

белями первые бакинские красавицы, мы давно уже всё знаем. Пусть тетя Фая остается в счастливом неведении.

Меньше знаешь – крепче спишь.

Глава 7

Манюня празднует Первомай

Мама говорит, что про Первомай надо или хорошо, или никак. Никак – это, наверное, молча.

Только попробуй о Первомае молча, когда в этом году прошла первая в истории нашего района демонстрация! Раньше демонстрации у нас не проводились, городок счастливо прикидывался глухой провинцией и ограничивался просмотром праздника по телевизору. Но в середине апреля грянула строгая директива из Еревана, и у нас началась новая, насыщенная политической и прочей коммунистической активностью жизнь.

Уступать столице в размахе проводимого мероприятия руководство района не собиралось, поэтому в организацию демонстрации впряглись все – театральная труппа Дома культуры, музыкальная и художественная школы, а также ансамбль песни и пляски консервного завода «Светлый путь». Весь цвет района, можно сказать. Руководил процессом третий секретарь райкома товарищ Минасян, маленький толстый мужичок с задорно торчащими параллельно плечам ушами и абсолютно лысым, в мелкую рыжую крапушку, черепом. Помимо завлекательной внешности товарищ Минасян обладал еще двумя качествами: абсолютным самодурством и неиссякаемыми залежами воистину болезненной фантазии. По безумным идеям, которыми он неустанно фонтанировал, можно было написать обширный научный труд о природе и тонкостях неадекватного поведения человека в период шизофренического обострения.

«Если уж организовывать первомайскую демонстрацию, то такую, чтобы обзавидовались все!» – решил товарищ Минасян и рьяно взялся за дело.

Первое, что пришло в шепутную голову третьего секретаря – это пустить впереди колонны скульптуру Мухиной «Рабочий и колхозница». Желательно в натуральную величину. Ну или хотя бы в человеческий рост, но тогда уже на высоком постаменте.

– Главное, чтобы серп и молот были настоящие. Орудия труда муляжом быть не должны, это издевательство над простым рабочим народом и потакание подрывной политике империалистов! – выдвинул он ультиматум директору художественной школы Патрику Мовсесовичу.

Возмущению худющего и костлявого Патрика Мовсесовича не было предела:

– Вы понимаете, что требуете невозможного? Во-первых, где я возьму такое количество гипса, а во-вторых – нет у нас ни одного мало-мальски соображающего скульптора!

– Гипс не проблема. В больнице попросим.

– Как это в больнице?

– Переломы они чем фиксируют? Гипсом? Гипсом! Вот и попросим у них мешок-другой.

– Вы что, хотите, чтобы я из медицинского гипса вылепил вам рабочего и крестьянку? – нехорошо прищурился Патрик Мовсесович.

– А что? Нужен какой-то специальный гипс?

– Да черт с ним, с гипсом! – окончательно вышел из себя директор художественной школы. – Скульптора откуда возьмете? Тоже в больнице попросите?

– А ты на что? – не преминул съязвить товарищ Минасян.

– Я художник-абстракционист! – отбрил его Патрик Мовсесович.

– Гхмтху, – подавился нахлынувшими эмоциями третий секретарь райкома. – То есть лепить ты совсем не умеешь, да?

– Да! В смысле нет! Тьфу ты! – окончательно запутался директор художественной школы. – В общем, не умею я лепить.

– Рисуешь абст... асбт... как ты назвал?

– Абстракционизм. Я рисую абстрактные картины.

– Это какие?

– Аллегоричные. Метафизические. Отвлеченные.

Крапчатый череп товарища Минасяна возмущенно запылал огнем.

– Фантастические, – выкинул белый флаг Патрик Мовсесович.

– Это когда вместо головы жопа, что ли? – оживился третий секретарь райкома.

– Товарищ Минасян!

– А чего это товарищ Минасян? Можно подумать, это я рисую все шиворот-навыворот! Ладно, фиг с вами, делайте лозунги и транспаранты. Я что-нибудь другое придумаю!

Повезло на скульптуру театральной труппе Дома культуры. Под бдительным оком третьего секретаря режиссер Каспарьян полдня выбирал актеров на роль Рабочего и Колхозницы. Кастинг закончился ближе к ночи. Товарищ Минасян еще какое-то время бесновался в костюмерной, отбирая для актеров подходящие наряды. Пока Рабочий и Колхозница передевались за ширмой, он скрашивал свое ожидание, как мог. Восторженно цокая языком, щупал гладиаторский костюм Спартака. Нырнул в мантию короля Ричарда, запутался в складках, еле выбрался. Зачем-то перенюхал отчаянно линияющие боа. Исчихался до икоты.

Далее ходил с важным видом вокруг будущей скульптуры, вносил рацпредложения.

– Колхознице сделайте широкую корму, – велел он режиссеру.

– Зачем корму?

– Где это вы видели колхозницу без кормы?

– У Мухиной, – огрызнулся Каспарьян.

– Вот и усовершенствуйте статую Мухиной. И обработайте белой краской!

– Кого обработать краской? Зачем? – испугался режиссер.

– Рабочего и Колхозницу. Чтобы походили на гипсовую статую.

– То есть как это на гипсовую статую? И как вы себе это представляете? Гипсовые статуи будут маршировать во главе колонны?

– Зачем маршировать? – развел руками товарищ Минасян. – Где это видано, чтобы статуи ходили?

«Кто-то из нас определенно сумасшедший. И это явно не я», – решил режиссер Каспарьян. Вслух говорить ничего не стал, побоялся разгневать сановного организатора мероприятия.

– Так как насчет белой краски? – выпятил губу товарищ Минасян.

– Легко загримируем под гипсовые статуи, – кивнул Каспарьян.

– Вот и славно. Насчет двигающейся платформы у меня есть некоторые соображения.

– Двигающейся... чего? – поперхнулся Каспарьян.

– Платформы, – снисходительно повторил товарищ Минасян. – И надо поговорить с директором музыкальной школы. Который час? Ладно, уже поздно, оставлю на завтра.

Директор музыкальной школы была крепко озадачена ночным звонком режиссера Каспарьяна.

– Мария Робертовна, вы это! – инструктировал шепотом Каспарьян. – Он вроде буйный, но не опасный. Просто шибко активный и немного, хм, инфантильный. Главное – не сопротивляйтесь и со всем соглашайтесь. А то дурак у власти – дважды дурак.

Мария Робертовна аккуратно положила трубку. Несколько минут медитировала в портрет Ференца Листа. Так и не добившись нирваны, хлопнула стопочку тутовки и со словами «утро вечера мудренее» завалилась спать.

Мудрое утро нарисовалось на пороге ее кабинета в образе неугомонного товарища Минасяна. Мария Робертовна, напудренная до состояния «шпаклевка под покраску» и окутанная всепобеждающими парами «Красной Москвы», подалась навстречу незваному гостю.

– Значит, так, – повел носом и несколько раз чихнул третий секретарь райкома, – мы чего хотим?

– Чего? – превратилась в слух Мария Робертовна.

– Хотим, чтобы оркестр музыкальной школы маршировал перед колоннами трудящихся и исполнял гимн Советского Союза.

– Это исключено.

– Почему исключено? – запнулся на полном ходу товарищ Минасян.

– Гимн Советского Союза может хор исполнить. Оркестр гимн играть не станет, потому что не умеет.

– Пусть научится!

– Как вы себе это представляете? У нас всего две недели до мероприятия.

– А почему они не умеют исполнять гимн нашей страны?

– Видите ли, товарищ Минасян. Мы скорее по классике специализируемся. – И Мария Робертовна с нескрываемой гордостью указала на портреты композиторов, которыми была увешана стена напротив. Товарищ Минасян, близоруко шурясь, принялся читать фамилии:

– Мо-царт, Бет-хо-вен, Бах, Сме-та-на. В каком смысле Сметана?

– Сметана. Чешский композитор и пианист.

– Ну и фамилия! Или это имя?

– Это фамилия! А зовут его Бедржих.

– Вах, мама-джан! И чего оркестр может сыграть из этого, как его, Бежиха?

– Бедржиха. Ничего.

Третий секретарь райкома открыл рот, потом закрыл. Снова открыл и снова закрыл. Задергался веком. Мария Робертовна примирительно замахала руками:

– На ходу они ничего играть не смогут. Стоя – пожалуйста. Но на ходу не умеют. Сбиваться будут. Это же дети, а не взрослые, опытные музыканты!

– А кто сможет на ходу?

– Похоронный оркестр, – съязвила Мария Робертовна.

Товарищ Минасян побарабанил пальцами по столу. Мария Робертовна поморщилась – судя по нестройной дробе, которую выдавал третий секретарь, музыкальным слухом он был, мягко говоря, не обласкан.

– Значит, так, – вынес вердикт товарищ Минасян, – на демонстрацию возьмем хор. Пусть исполняют какие-нибудь народные песни братских республик. Что вы умеете?

– «Дубинушку» умеем. «Сулико» умеем, а еще умеем литовскую народную песню «Пастушок», правда – на русском, литовских слов не допросились.

– У кого не допросились?

– У Еревана.

– Вы бы еще у Ташкента литовские слова попросили.

– Хм. А еще умеем «Конармейскую» Суркова и Покрасса.

– Какого окраса?

– Не окраса, а Покрасса. Фамилия такая.

– Ясно. В общем, пойте всё подряд, главное – чтобы во главе колонны, на ходу.

– На ходу? – похолодела Мария Робертовна.

– На ходу, – сверкнул очами товарищ Минасян и, не попрощавшись, выскочил из кабинета.

– Серго Михайлович! Серго Михайлович! – заверещала директор на всю музыкальную школу. – У нас проблема!

О своей шутке про похоронный оркестр расстроенная Мария Робертовна напрочь забыла.

А зря.

* * *

Первомай – замечательный праздник. Во-первых, потому, что выходной. Во-вторых, на Первомай, как и на Пасху, всегда стоит хорошая погода. Мама говорит, что за последние двадцать лет в эти дни ни разу не случилось ненастья.

В этот праздничный день вся семья собирается у телевизора и смотрит демонстрацию. Первомайская демонстрация сильно отличается от парада на День Победы. Ни тебе войск, ни ракет, ни вооруженных до зубов полковников. По Красной площади маршируют колонны людей, рабочих там, или тружеников разных краснознаменных предприятий, на Мавзолее стоят руководители нашей страны.

К руководителям страны у наших взрослых отношение настороженное. Например, Брежнева Ба упорно называет чеырехзвездочным бровястым дегенератом, чем сильно расстраивает Маньку. Манька искренне считает, что Брежнев – самый замечательный правитель самой прекрасной в мире страны СССР. Ба, чтобы не огорчать внучку, старается ругать Брежнева шепотом. Но шепот Ба не услышать невозможно. Это как если не услышать гул взлетающего с космодрома Байконур космического корабля. Ради справедливости нужно отметить, что она ругает не только Брежнева. Костерит она всех подряд – и Андропова, и Суслова, и Громыко, и Косыгина.

Мы вполуха слушаем ее недовольное бухтение и любуемся демонстрацией. А любоваться есть чем: на трибуне, по правую руку от Брежнева, стоят генералы – в мундирах, с орденами, в перчатках! По площади ходят толпы нарядно одетых людей, диктор периодически объявляет: «Да здравствует миролюбивая ленинская внешняя политика, ура!», «Вперед к победе коммунизма» и «Слава труду», – и все кричат в ответ «Ура» и машут шариками, цветами или портретами вождей пролетариата и мировой революции.

Сейчас-то мы понимаем, что «вожди пролетариата» – это иносказательное выражение. А когда слышали про вождей впервые, прибежали к моему деду с просьбой показать нам их портреты. Дед долго рылся в своей библиотеке, наконец выудил толстенную книгу и развернул ее на нужной странице. Мы были сильно разочарованы. Как можно называть вождем человека в костюме и галстук? Если даже этот человек – Ленин? Или вообще Маркс? Вождь – это копьё, боевой раскрас и перья кругом торчат. Куда ни глянь – везде перья. И стрелы с ядом гремучей змеи. А дядечка в костюме – это не вождь. Хоть тресни!

Ладно, вернемся к демонстрации. Так вот. В телевизоре люди маршируют. Речи в микрофон говорят. Иностранные делегации присутствуют. В прошлом году показывали двух негров из Зимбабве. Они очень убежденно говорили про борьбу с империализмом и за мир и победу демократии во всем мире. А еще показывали активиста рабочего движения из Никарагуа. Вот кто был похож на вождя! И лицом, и волосами. Только перьев и стрел не хватало. Мы с Манькой предположили, что он постеснялся выйти на главную площадь нашей страны в перьях. Побоялся, что не так его поймут. А Каринка сказала, что, скорее всего, его перья свистнул какой-нибудь расторопный мальчик. И теперь щеголяет по Москве, весь из себя торжественный, настоящий вождь революции.

Взрослые быстро теряют интерес к телевизионной трансляции и отвлекаются на какие-то свои разговоры. Зато мы наблюдаем за ней во все глаза. И много чего интересного замечаем. Например – как диктор перечисляет профессии. Рабочие и колхозники, труженики

горнодобывающей и металлургической промышленности, слесари депо Москва-Сортировочная и прочие сварщики. И только в самом конце – работники умственного труда. Словно умственный труд – самое непочетное занятие для человека. Когда Манька училась в первом классе, она как-то прискакала домой заинтригованная и ошарашила с порога бабушку вопросом: «Ба, а кем работает папа: колхозником или рабочим?» Узнав, что папа работает всего-навсего главным инженером на секретном оборонном заводе, Манька ударилась в слезы. Тотчас потребовала, чтобы дядя Миша переучился на слесаря и пошел пахать поля трактором. На расспросы с горечью призналась, что Анна Гургановна целый урок объясняла, что самые почетные профессии в стране – это колхозник и рабочий.

– Чего же тогда она на учительницу выучилась? – спросила Ба.

– Наверное, плохо училась, и ее в колхозники не приняли? – предположила Манька.

Ба дождалась родительского собрания и устроила Анне Гургановне такую головомойку, что вся округа гремела. На следующий после головомойки день, попеременно моргая от расстройства то одним, то противоположным глазом, Анна Гургановна прочитала классу лекцию о том, что плохих профессий в природе не существует. Но некоторая непонятость между Манькой и государственной системой образования все равно осталась. Поэтому, когда мы с ней подружились, она первым делом приперла к стенке нашу маму. Потому что та тоже учительница. Но мама тогда уже была закаленная Каринкиными проделками мама. Поэтому Манькиного натиска не испугалась и доходчиво объяснила, что любые профессии почетны, и уважать надо всех. Всех так всех. Мы согласны были уважать кого угодно – и сталеваров, хотя ни одного сталевара в глаза не видели, и ткачих. А уж перед такой профессией, как «депо Москва-Сортировочная», мы готовы были круглые сутки трепетать. Потому что впервые о ней по телевизору услышали. И тут же решили, что это что-то вроде консервного завода, где сортируют московские фрукты. Эти – в джем, а эти – в варенье. Поэтому и называется «депо Москва-Сортировочная»!

Теперь все было разложено по полочкам, и единственным невыясненным вопросом остался странный порядок, в котором диктор перечислял профессии.

– А почему он первым делом объявляет колхозников и трудящихся? – спросили мы у мамы.

Мама смешалась, но быстро нашлась:

– Просто так принято. Начинают с деревни и заканчивают городскими профессиями. Ведь деревня город кормит!

Такое объяснение вполне удовлетворило нас. Мы выросли в городке, окруженном со всех сторон пшеничными полями и виноградниками. Не будь тяжелого труда колхозников, как бы мы покупали в магазинах хлеб и другие продукты?

Чем ближе праздник, тем сильнее лихорадило район. Люди со страшной силой гадали, где все-таки пройдет демонстрация. Дело в том, что площадью, по которой можно торжественно маршировать туда-сюда колоннами трудящихся, наш город не располагал. Имелся закут между зданиями горкома и райкома, но размерами он еле дотягивал до небольшого ласточкина гнезда и весь был в облупленном асфальте и сокрушительных выбоинах. Да и маршировать по закуту было невозможно, потому что одним боком он упирался в здание милиции, а другим – в кинотеатр. Разумнее было бы просто собрать людей перед зданием райкома, велеть им кричать «ура» и размахивать транспарантами. А первый секретарь Арменак Николаич рассказал бы народу про пользу Первомай и про то, что дело Ленина будет жить в веках. Все бы радостно с ним согласились и разошлись по домам – жарить по случаю праздника шашлыки.

Но организатор демонстрации и по совместительству третий секретарь райкома товарищ Минасян разумом не располагал. Товарищ Минасян в прошлой жизни был фараоном, не иначе, поэтому мыслил только в превосходной степени и грандиозными категориями. Засим

первомайскую демонстрацию организовал такую, что жители нашего городка потом долгое время стеснялись выезжать за пределы района – соседи, завидев нас, тут же начинали крутить пальцем у виска и с хохотом расспрашивать, кому это пришло в голову пригласить на светлый праздник весны и труда похоронный оркестр. Кому-кому. Сами знаете кому.

Утро Первомая застало тщательно накрахмаленных и отутюженных жителей нашего района на автовокзале. Почему на автовокзале, потому что товарищ Минасян учредил следующий порядок проведения мероприятия: сначала колонны тружеников, стартуя от автовокзала, бодро маршируют от одного конца улицы Ленина к другому. Добираются до восьмилетней школы и оттуда какое-то время шумят лозунгами в сторону границы. Чтобы Товузский район Азербайджана: а) оценил весь размах демонстрации армянских соседей и б) сделал о себе крайне неутешительные выводы. А то воду из нашего водохранилища забирают тоннами, а спасибо не дожدهшься, как бы ни намекал! Далее, одержав таким образом неоспоримую идеологическую победу над соседями и не прекращая скандировать лозунги, колонны разворачиваются и направляются на городскую площадь, где на импровизированной трибуне их ожидают руководители нашего района (ожидание руководителей скрашивает ансамбль песни и пляски консервного завода). Трудящиеся в установленном порядке заполняют площадь, и тут торжество достигает апогея – Арменак Николаич, утирая скупую мужскую слезу, приветствует народ кивками и громкими речами, а народ, не сдерживая ликования, выкрикивает в ответ: «Ленин, партия, коммунизм!» Задник трибуны оформлен цветами и воздушными шарами, а также портретами министров и других членов ЦК КПСС. Развешаются флаги братских республик, звучит торжественная музыка, хор исполняет гимн. И пусть Ереван и Москва потом захлебнутся от зависти. Ибо лучшая демонстрация по всему Союзу случилась не на их площадях, а в маленьком высокогорном городке Берд!

К приезду товарища Минасяна людей построили в колонны. Колхозники несли перед собой вилы и тяпки, рабочие релейного завода теребили гайки и другие шарнирные механизмы. В авангарде колонн, отплевываясь запчастями, воинственно тархтел грузовик «ГАЗ-51». Причем стоял он к движению задом, а к людям передом. Попытки развернуть его в правильном направлении не возымели действия – шофер грузовика мотал головой и объяснял, что велено встать мордой в толпу. «ГАЗ-51» по бокам был густо декорирован портретами Брежнева, Гришина, Сулова, Косыгина, Андропова и Демирчяна. В кузове, на небольшом возвышении, заботливо укрытом ковром в армянский национальный узор, топтались тщательно замалеванные в кипенно-белый цвет Рабочий и Колхозница. Рабочий нервно дергал кадыком, Колхозница топоричилась глазами и накладными пышными бедрами. Изпод целомудренно застегнутого на все пуговицы ворота проступала тонкая полоска смуглой кожи.

Сразу за грузовиком выстроились в торжественный ряд наши хористы. Вокруг, развеиваясь кружевным праздничным жабо, метался взволнованный хормейстер Серго Михайлович.

Но внимание тружеников полей и прочей братии было приковано не к статуе «Рабочий и колхозница» и даже не к хаотично бегавшему окрест хормейстеру. Внимание участников демонстрации и зевак привлек к себе оркестр похоронной конторы. Затянутый в темные костюмы и узкие лаковые штиблеты, оркестр топтался сразу за хором и явно скучал, угрюмо перебирая тарелками, зурной и доолом³.

– А вас зачем позвали? – крикнул пробегающий мимо Серго Михайлович.

– Играть будем!

– Что будете играть?

³ Зурна – деревянный духовой музыкальный инструмент, распространенный на Ближнем и Среднем Востоке, в Закавказье, Индии и т. д. Доол – армянский ударный музыкальный инструмент, разновидность барабана.

– Да фиг его знает. Сбцаем обычный репертуар в мажоре, – откликнулась зурна.

– Совсем с ума сошли, – притормозил Серго Михайлович. – Чайковского будете в мажоре играть? Или, может быть, Верди?

– Ну зачем сразу классика? Народное возьмем, наше, родное.

– Это что, например?

– «Песню взрослого мужчины».

Серго Михайлович пожевал губами, а потом махнул рукой и побежал дальше. «Пятьдесят лет постучались в мою дверь, седые волосы посеребрили мои виски» в мажоре – вполне себе ничего. Главное, чтобы не «Литургия» Комитаса!

В девять ноль-ноль к автовокзалу подъехал оранжевый «москвич» третьего секретаря райкома. Передний и задний бампер машины были оформлены в гвоздики и флажки, уса-тый водитель дядя Акоп в огромной кепке-аэродроме и широком желтом галстуке, туго повязанном над кадыком, отливал в тон флажкам и гвоздикам помидорной пунцовостью. Затормозив в левый фланг демонстрантов, он какое-то время шарил невидящими глазами по разодетым до неузнаваемости в элегантное землякам. Потом все-таки стряхнул оцепенение, вылез из машины и открыл правую дверцу. Из салона, искрясь блескучей лысиной, вывалился товарищ Минасян. Темно-синий, застегнутый на все возможные пуговицы костюм ерошился лацканами и стрелками вусмерть отутюженных брюк, красный галстук удачно оттенял рыжие веснушки и праздничную взъерошенность взволнованного щекастого лица.

– Товарищи, – проорал в рупор третий секретарь райкома, – я сейчас поднимусь в кузов грузовика и руководить демонстрацией буду оттуда!

Далее он какое-то время прыгал вокруг машины, пытаясь забраться в кузов, пока водитель дядя Акоп не догадался мощным пинком подбросить его наверх.

– Товарищи! – через секунду раздалось откуда-то из-за кабины. Передняя спинка кузова возвышалась над кабиной на целых полметра, и, чтобы видеть демонстрацию «в лицо», маленькому третьему секретарю пришлось высунуться сильно вбок. – Товарищи! Разворачиваем транспаранты!

Колонны по команде развернули транспаранты. Третий секретарь крикнул в рупор и чуть не вывалился за борт – надписи и портреты были оформлены в смелый ядовито-зеленый, канареечно-желтый и прочий неожиданный колер. Особенно радовали глаз охровая лысина Ленина и болотно-зеленые усы Сталина.

– Патрик Мовсесович! – взревел товарищ Минасян.

– Я здесь! – откликнулся из-под небесно-голубого Брежнева директор художественной школы.

– Что это за xxx... цвета?

– Какие на складе выдали краски, такие и цвета! – обиделся Патрик Мовсесович.

– А смешать их в такой пропорции, чтобы получить нормальные, вы не могли?

– Это какие такие нормальные?

– Красный. Синий. Белый.

– Чтобы получить красный-синий-белый, надо выдавать красный-синий-белый. А если смешать то, что нам выдали, получится цвет натуральных, хм, какашек!

Третий секретарь райкома несколько секунд придумывал язвительный ответ. Потом махнул рукой – не ругаться же на весь город в столь светлый и прекрасный праздник!

– Ладно, черт с вами. Товарищи! Медленным шагом идем за грузовиком. Гево! – заколотил рупором по крыше кабины Минасян.

Грузовик от неожиданности зашерудел дворниками.

– Да! – высунулся из кабины несколько контуженный Гево.

– Едешь тихо, задним ходом. Чтобы все видели на двигающемся постаменте статую Мухиной.

– На каком двигающемся постаменте? – удивился Гево.

– На твоём двигающемся задом постаменте на колесах!

– А-а-а-а-а!

– Бэ! Так! Где у нас хор?

– Мы тут! – сбавил свой взволнованный кросс Серго Михайлович.

– По моей отмашке поем песни.

– По какой отмашке?

– Вот так махну рупором. Слева направо, ясно?

– Ясно!

– Статуя!

– Да!

– Подняли орудия труда, встали рядом. Вот так. По ходу движения Рабочий поддерживает Колхозницу. Парень, отцепись от ее бока! Поддерживать надо незаметно. Колхозница, подправь бок. Ну подними с этой стороны немного, а то он тебе зад порушил. Машина поедет очень медленно, так что не волнуйтесь, не свалитесь. Главное – смотрите вперед и не моргайте. Ясно?

– Ясно.

– Оркестр!

– Мы!

– По моей отмашке справа налево, справа налево говорю!

– Поняли!

– По моей отмашке справа налево исполняем... А что вы исполнять будете?

– «Песню взрослого мужчины».

– Совсем рехнулись? Исполняйте классику.

– Сыграем Шопена в мажоре.

– Сыграйте Шопена. Теперь внимание. Между вашими выступлениями я буду выкрикивать в рупор лозунги. Говорю «ура», вы повторяете «ура». Понятно, товарищи?

– Понятно! – заголосила толпа.

– Вперед! – заорал товарищ Минасян, вцепился одной рукой в борт грузовика, а рупором махнул в сторону восьмилетней школы.

– Кха-а-а-а-а-арrrrrrr! – дернулся с места грузовик. – Кха-кха-кхаАаАаАрrrrrrr!

– Да здравствует Первомай! Ура! – провопил в рупор товарищ Минасян.

– Ура-а-а-а! – многоголосо отозвалась толпа и рьяно замахала транспарантами. В соседних дворах поднялась несусветная шумиха – закукарекали петухи, заверещали индюки, всполошенно залаяли дворовые собаки.

Демонстрация двинулась в путь. Грузовик кряхтел и переваливался с боку на бок, попадая колесом то в одну, то в другую выбоину. Гево, вытянув в напряжении шею, выглядывал в круглом зеркале бокового видения дорогу. С честью взял небольшой поворот и победно выкатился на главную улицу нашего городка.

– Да здравствует Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза, ура! – прокаркал рупор.

– Ура-а-а-а-а!!!

Товарищ Минасян вытянулся через борт грузовика и помахал рукой справа налево.

Оркестр грянул туш, а потом сымпровизировал в мажоре «Похоронный марш» Шопена. Журна выдeldывала национальные пируэты, тарелки ударились в тамтамный бой. Импровизация сопровождалась воинственным кряхтением грузовика.

– Стоп! – вдруг заорал рупор.

Грузовик резко затормозил, Рабочий и Колхозница съехали с ковра и чуть не вывалились за задний борт.

– Геворг! – заорал товарищ Минасян. – Ты чего творишь?

– Так вы же сами сказали «стоп»! – обиженно высунулся из кабины Гево.

– Это я оркестру сказал! Если я захочу остановить тебя, то просто поколочу по крыше кабины.

– Ладно!

– Поехали!

Грузовик дернулся и медленным задним ходом поехал дальше по улице Ленина. «Статуя» кое-как взобралась на возвышение, скрестила серп и молот. Косынка Колхозницы съехала на ухо, Рабочий неравномерно потел под густым гримом.

– Да здравствует советский народ – самый гуманный народ в мире. Ура! – выдал взволнованным фальцетом рупор.

– Ура-а-а-а-а-а!

Взмах слева направо, хор грянул «Дубинушку».

Возле Дома культуры путь торжественной процессии перегородил нехилый поток воды – ночью прорвало трубу, а починить было некому, потому что выходной и вообще день трудящихся. Если грузовик взял препятствие с честью, то демонстранты перебираться на ту сторону вплавь были не готовы. Поэтому ринулись к тротуарам, на ходу сворачивая транспаранты. Некоторые транспаранты пали жертвами толчеи – ими задевали ветви густорастущих по краям улицы кленов и прочий сельскохозяйственный инвентарь, которым щерились ряды почетных тружеников колхоза «Победитель».

Товарищ Минасян ругался в рупор и призывал вести себя достойно. Трудящиеся, вспоминая недобрым словом маму товарища Минасяна, штурмом брали тротуары.

В районе девятиэтажки грузовик немилосердно затрясло – на этом отрезке пути велись бесконечные дорожные работы. Колоннам демонстрантов было не видно, что творится на «двигающейся платформе», но, судя по округлившимся глазам наблюдающих демонстрацию из окон девятиэтажки хозяек, там происходило что-то несусветное.

В паузах между лязганьем тарелок похоронного оркестра до людей долетали душевынимающие крики: «Ты, главное, ногой сюда упрись... А руку отведи назад. Осторожно, чуть серпом мне глаз не выколола... Парень, ты опять ей зад порушил, неужели больше не за что тебе держаться?»

– Да здравствует миролюбивая политика Варшавского договора! – на миг вынырнули из-за высокого борта вскосмаченные брови товарища Минасяна.

– Ура-а-а-а-а! – нестройно отозвались заинтригованные происходящим в грузовике демонстранты.

– Гево, – заколотил рупором в крышу кабины третий секретарь.

Гево от неожиданности резко затормозил. В кузове кто-то громко упал и даже покатился в сторону.

– Слушай, ты ей совсем зад оторвал! – заверещал в рупор товарищ Минасян. Девятиэтажка с ужасом наблюдала, как сконфуженная Колхозница жестом фокусника вытаскивает из-под юбки накладные бедра, а Рабочий, гремя молотком и костями, перекачивается из одного угла кузова в другой.

– Собакин щенок! – взревел в рупор третий секретарь. – Ты тормозить по-человечески умеешь?

– Я стараюсь! Это тяжелый грузовик, а не игрушка. Тормозит как умеет! – обиделся Гево. – А зачем вы меня остановили?

– Забыл уже. Ты своей ездой весь мозг мне растряс. Смотри у меня, скоро светофор, чтобы тормозил как по маслу!

– Так светофор не работает!

– Сегодня работает!

Единственный светофор Берда находился на перекрестке улицы Ленина с дорогой, ведущей к больнице. В обычные дни он не работал, а в праздничные мигал исключительно

желтым, призывая редких автовладельцев хотя бы иногда вспоминать о правилах дорожного движения. Горожане по первости пугались светофора, а потом привыкли. Пеклись, как о родном. Однажды, в порыве трудового угара, даже покрасили основание столба специальной белой смесью, которую по весне наносят на стволы деревьев – от вредителей.

По требованию товарища Минасяна светофор на Первомай включили, и он мигал поочередно своими огоньками, напуская на очевидцев священный страх и трепет. Под светофором хохлился милицейский «Запорожец». Рядом, беспощадно стиснутый околышем милицейской фуражки и воротом сорочки, переминался с ноги на ногу потный от взваленной на него ответственности постовой. По идее товарища Минасяна, постовой должен был салютовать колоннам трудящихся полосатой палочкой, а колонны – маршировать мимо и в праздничном рвении кричать «ура!» и «слава КПСС».

В планы третьего секретаря вмешался светофор. Когда дыблящийся статуей «постамент», двигаясь задом наперед, дополз до нужного перекрестка, светофор мигнул желтым и переключился на зеленый. Водитель Геворг, поймав в зеркале заднего вида разрешающий сигнал, ударил по газам, чтобы скорее проскочить на зеленый свет и не расстраивать свой хрупкий внутренний мир горного орла запрещающим красным сигналом. Статуя на этот раз для разнообразия свалилась не вперед, а назад, аккуратно на товарища Минасяна, контузив его молотком. Следом за припустившимся грузовиком рванул хор, за хором – похоронный оркестр, далее, развеваясь транспарантами, резвым галопом проскакали демонстранты. Постовой так и замер с полосатым жезлом в руке, не в силах постичь, за каким чертом демонстрация молча просвистела мимо.

Товарищ Минасян пришел в себя аккуратно в районе восьмилетней школы. Ругаться было некогда. Приложив к шишке на лбу молоток, он принялся выкрикивать бодрые лозунги в сторону азербайджанской границы. Рупор от падения несколько повредился, поэтому выдавал непонятное шипение. «Ура-а-а-а!» – наугад кричали демонстранты. Товузский район Азербайджана на такое светопреставление ответил гробовым молчанием. Видимо, рыдал по углам, сделав прискорбные выводы о себе.

Товарищ Минасян лоснился от счастья лысиной – первая часть мероприятия, хоть и не без приключений, но вполне удалась! Он повел рукой слева направо, Серго Михайлович махнул палочкой, хор набрал побольше воздуха в легкие, чтобы грянуть литовскую народную песню «Пастушок». Но вдруг из подворотни вынырнул взмыленный гонец и крикнул третьему секретарю, что руководители нашего района требуют незамедлительно пригнать людей на площадь, иначе они за себя не отвечают, сколько можно ждать!

Тут началось новое светопреставление, потому что как доехать до восьмилетки товарищ Минасян придумал, а как развернуть демонстрацию вспять – нет. Кое-как справились и с этой задачей.

– Гево! – заколотился в кабину товарищ Минасян. – Двигаемся в темпе!

– На моем глазу⁴, – встрепенулся Гево.

Постовой как раз успел прийти в себя от недавнего потрясения – сдвинул на макушку фуражку, расслабил удавку ворота на толстой шее. Хотел протереть лоб платком, да так и замер – мимо, сверкая пятками, на бешеной скорости задом наперед проехал грузовик. Статуя в разобранном виде жалась по углам кузова, на заднем фоне, выкрикивая в рупор нечленораздельное, маячил товарищ Минасян. За грузовиком бежали славные труженики нашего района вперемешку с хором и похоронным оркестром.

Первомайская демонстрация ворвалась на площадь ровно в тот миг, когда ансамбль песни и пляски консервного завода по третьему кругу запустил свой репертуар: кочари⁵,

⁴ Дословный перевод армянской фразы, которая по-русски означает «конечно, не вопрос».

⁵ Армянский народный мужской танец.

казачок, лезгинка, индийский народный танец с песнопениями и даже чалмой. По непроницаемому выражению лиц руководителей нашего района очень трудно было догадаться, какое впечатление произвели на них расхристанные колонны трудящихся. Арменак Николаич и бровью не повел. Он приветствовал сограждан десятиминутной речью. Потом ансамбль песни и пляски консервного завода снова исполнил танец кочари, наш хор наконец дорвался до литовской народной песни «Пастушок», а похоронный оркестр махнул зурной на классику и грянул «Песню взрослого мужчины».

К двенадцати часам, одаренные грамотами и прочими напутственными словами, колонны тружеников разбрелись по домам.

Нам с Манькой и Каринкой демонстрация чрезвычайно понравилась. А особенно понравилось, что участникам разрешили разобрать по домам воздушные шары и цветы. Не будь с нами расторопной Каринки, наш улов был бы мизерным. А так мы вернулись домой победительницами, у каждой по четыре разноцветных шара, по букету переломанных гвоздик и один помятый, но вполне себе приличный транспарант на троих. С надписью «Миру мир» по центру и двумя голубями по бокам.

Транспарант Каринка сразу же сломала о Рубика из сорок восьмой квартиры. Зато гвоздики мы торжественно вручили маме и Ба. Папа с дядей Мишей от воздушных шаров наотрез отказались, поэтому все двенадцать шаров достались Сонечке. Гаянэ решила ограничиться щепками от транспаранта.

Вот такая у нас получилась первомайская демонстрация. В дальнейшем на крупные мероприятия районное руководство не решалось – собирало людей на площади и читало получасовые речи. Скучно и без музыки. Зато с минимальным ущербом для нервных клеток.

А Товузский район Азербайджана, видимо, все-таки сделал из случившегося выводы. Поэтому ответил нашему району демонстрацией в День Победы. Очевидцы рассказывали, что товузцы подогнали к границе всю сельскохозяйственную технику и даже один строительный кран. На крыше единственного приграничного пятиэтажного дома устроили представление «Водружение Знамени Победы над Рейхстагом Егоровым и Кантарией». Чуть не потеряли одного бойца, кажется, «Кантарию». Тот поскользнулся на шифере, какое-то время катился вниз по крыше и затормозил головой в антенну. Не случись на его пути антенны, затормозил бы в толпу демонстрантов. С пятиэтажной высоты. А так все обошлось, и на том спасибо.

Впрочем – ничего удивительного. Как свидетельствует мировая история, несуразный пример особенно заразителен. Правда, это не мои слова, а мамыны. Я просто за ней повторяю.

Глава 8

Манюня мастерит кормушку

На нашем балконе, прямо под потолком, свили гнездо ласточки. Поэтому спать теперь решительно невозможно – с шести утра и до ночи за окном стоит невообразимый гвалт. Все свободное время мы проводим под этим гнездом – глазеем, как снуют туда-сюда родители-ласточки. Чтобы прокормить птенцов, им нужно добыть очень много букашек и червячков. Пока ласточки мечутся в поисках пропитания, мы ходим и ходим под гнездом. Следим. Особенно пристально следит Каринка. От ее пристального взгляда маме делается нехорошо.

– Опять сделала протокольное лицо, – сокрушается мама и затаскивает Каринку обратно домой. Каринка не отбивается, спокойно дает втащить себя в квартиру, а потом ходит по комнате из угла в угол. Думает.

В такие минуты крепко нехорошо становится уже всем. Одно дело, когда Каринка просто вылезает на балкон и мечтательно следит за ласточками, и совсем другое, когда она мечется по дому и думает. Каринка обладает удивительной способностью – просто так думать она не умеет. Если уж она берется думать, то до чего-нибудь обязательно додумывается. И тогда наступает «кель мялэгх»⁶, что в переводе с французского означает «какая беда».

– Кель мялэгх! – восклицает в сердцах мама после какой-нибудь особенно бесчеловечной Каринкиной выходки.

«Кель мялэгх» в мамином исполнении – это как «господибоже ты мой» в устах Ба. Негласная инструкция по нашему выживанию настоятельно рекомендует в случае употребления мамой этого выражения кидаться врассыпную и коротать время по подворотням до следующего полнолуния. Или даже солнцестояния, в зависимости от того, что мы выкинули на этот раз. Бессменным рекордсменом по «выкидыванию» чего-нибудь разэтакого всегда остается Каринка. Поэтому за ней особенный глаз нужен. Если бы мама была Громозекой – большой и многорукой, может, она бы и сумела как-то совладать со своей дочкой. Но мама у нас обычный человек – две руки, две ноги и всего два глаза. А с таким набором слежения за Каринкой не углядеть и в случае экстренного реагирования не обезвредить. Поэтому маме ничего не остается, как находиться в постоянной боеготовности. Особенно когда мы дома. Особенно когда прибежала развевающаяся боевым чубчиком Манька. И особенно когда на балконе свили гнездо ласточки!

Птенчиков предположительно четыре штуки. Это нам папа так сказал. На наши настойчивые просьбы посчитать птенчиков он притащил табуретку, взгромоздился на нее и попытался заглянуть в гнездо. Оно располагалось намного выше папиных глаз, поэтому ему пришлось встать на цыпочки. Видимо, в медицинском институте папу не только зубы вырывать учили, но и правильно группироваться в случае падения. Поэтому, когда табуретка убежала из-под ног, он сгруппировался не в сторону двора, а в сторону распахнутого настежь окна. Преодолевав какое-то расстояние в неровном полете и счастливо успокоился головой в стопке медицинских книг. Улетел он в обратном направлении – костей бы не собрал. А так выбил плечом оконную раму, смахнул по пути хрустальную вазу и смял в макулатуру книги. Всего-то!

Но на грохот прибежала мама и устроила ему грандиозный скандал. Мама вообще умеет устраивать скандалы из ничего. Чуть что не так сделал – полочку в ванной, например, обрушил, или последнюю связку ключей в канализационном люке утопил, или в ливневый

⁶ Исканж. фр. «quel malheur».

дождь под водопроводной трубой до мокрых трусов скакал – и нате вам, получите и распишитесь – скандал. Прямо не мама, а «подзатыльников начальник и скандалов командир»!

– Ты соображаешь что творишь? – накинулась она на папу. – У тебя четверо детей, а ты разные сальто-мортале крутишь?!

Папа, вопреки законам гор, ушами не задымился. Более того, повел себя неожиданно тихо – виновато сопел и ковырялся в стопке измятых книг. Мы сначала даже растерялись от такой папиной покладистости. А потом принялись с жаром объяснять маме, что это не его была идея – посчитать птенцов, а совсем наоборот. Но наше объяснение раззадорило маму еще больше.

– Какой пример ты детям подаешь? – перешла на ультразвук она. – А если завтра они решат повторить твой подвиг? Что делать будешь? Я тебя спрашиваю, Ян Амос Коменский?!

– Мам, ну мы же не совсем глупые, чтобы такое вытворять! – встряла Каринка. – Мы без страховки в гнездо не полезем.

– Без какой страховки?

– Ну, веревкой обвяжемся. Или еще чем.

Мама ахнула и свирепо уставилась на папу.

Папа попеременно потирал то лоб, то плечо. Молчал как партизан. Да и что тут скажешь, когда наворотил столько делов?

– Вроде взрослый, серьезный человек! Врач! А туда же! – вздохнула мама.

– Куда это туда же? – мигом откликнулись мы.

– Сами знаете куда! Стойте, где стоите, пока я осколки собираю. Не хватало только, чтобы вы порезались.

Какое-то время, затаив дыхание, мы наблюдали, как она подметает пол. Папа, поджав ноги, сидел боком в кресле и шелестел смятыми страницами. При этом делал такое лицо, будто ищет жизненно важную информацию. Будто весь этот красивый полет был не случайным стечением обстоятельств, а хитро продуманным ходом. Чтобы ввинтиться головой именно в ту часть книжной стопки, где эта жизненно важная информация коварным образом от него скрывалась.

Мама намела два совка хрустальных осколков, демонстративно ходила мимо, скорбно вздыхала.

– Ты эту вазу не очень и любила! – пробубнил папа.

– Ты бы лучше извинился, а не искал оправданий своему дурацкому поступку! – встала руки в боки мама.

– Женщина, можно подумать, я специально это сделал!

– Думаешь, это как-то оправдывает тебя?

– У-у-у, носовой волос⁸.

– От носового волоса слышу!

– Тетьнадь, – Манька опасливо ступила на паркетный пол, – можно уже тут ходить, да?

– Можно.

– Я чего думаю. Помните, мой папа тоже падал? Ну, когда дверцу кухонного шкафчика чинил. Оторвал шкафчик и всю посуду переколотил.

– Разве такое забудешь? – покачала головой мама.

– Да вообще не забудешь! Так вот. Думаю, Дядьюра заразился у него безалаберностью. И теперь они оба безалаберные.

– Спасибо, деточка, ты умеешь утешить, как никто другой, – отозвался папа.

⁷ Подробнее о том, почему мама называет папу именем этого выдающегося чешского педагога и гуманиста, вы можете прочитать в книге «Манюня пишет фантастический роман».

⁸ В Армении так называют чересчур придирчивых и вьедливых людей.

– Пожалуйста! – зарделась Манька.

– Пойдем, лед ко лбу приложим, – вздохнула мама и повела мужа на кухню – обрабатывать боевые ссадины.

Пока она обмазывала ссадины йодом, папа демонстративно выделялся и строил страдальческие гримасы. Мы подглядывали за ним из-за двери и тихонечко хихикали. Так, чтобы не раздражать своим хихиканьем маму.

– Ну и сколько птенчиков ты насчитал? – язвительно поинтересовалась мама, когда папа пошел любоваться в зеркале сокрушительной лиловой шишкой над левой бровью.

– Предположительно четыре, – буркнул он.

– А предположительно – это как? – любопытствовала я.

– Приблизительно.

Вот так мы и узнали, что в ласточкином гнезде предположительно четыре птенца. Ценой одной выбитой оконной рамы, почившей в бозе хрустальной вазы, вмятины на паркете и большой шишки на папином лбу.

– Даже Трою меньшими потерями брали, – развел руками дядя Миша, когда заехал забирать Маньку домой.

– Чья бы корова мычала! – огрызнулся папа.

– Оба хороши! – сверкнула глазом мама. И было в ее взгляде такое, что мужчины мигом стушевались и спорить дальше, чья бы корова мычала, не стали. И так было ясно, что одной коровой тут не обойтись!

На следующий день папа стал героем утренней летучки. Коллеги долго пытали его – хотели узнать, как он умудрился заработать себе такенное великолепие на лоб. Папа прикрывал шишку рукой и уводил разговор в сторону больничных проблем. Признаваться, что полез в ласточкино гнездо считать птенчиков, не стал. Поскромничал.

Если кто-то думает, что папино падение остудило наш жгучий интерес к ласточкиному гнезду, то он никогда не был ребенком. Дети вообще странные существа. Процесс познания они могут растянуть на нескончаемое количество попыток довести до белого каления родителей. словно ставят эксперименты над их терпением. Ждут, когда оно лопнет, и что за этим будет. Ба вообще говорит, что взрослым надо при жизни ставить памятники с надписью: «Прокормил, воспитал, вырастил и не рехнулся». Мол, каждый родитель – это герой Курской дуги. Выстоял и не сдался.

Вот такое неутешительное у нее о нас мнение.

Спустя два дня после папиного полета случилось неожиданное – Каринка предложила смастерить для ласточек кормушку. Мы с Манькой поперхнулись. Впервые за всю историю своего существования моя сестра выдвинула не разрушительную, а созидательную идею. Мы даже уточнили у Каринки, что она подразумевает под кормушкой. Мало ли, может, в ее представлении кормушка – это пыточное сооружение, где с утра до ночи ошпаривают птиц, поджигают им хвосты и отстригают клювы.

– Ну, это такая штука, – повела в воздухе руками сестра, – в общем, куда можно крошить хлеба и зерен насыпать, и птички будут прилетать поесть. То есть улетать далеко родителям-ласточкам не надо будет, понимаете? Раз – подлетел, раз – забрал зернышко, раз – вернулся к птенцам. Получается... ммм... как оно называется, слово забыла... Экономия сил, во!

– А чего это ты такая добрая? – не вытерпела я.

Вместо ответа Каринка наградила меня оглушительным щелбаном. В голове привычно зазвенели тысячи колокольчиков, в глазах мелко зарябило. Я взвыла больше от обиды, чем от боли, вцепилась в лицо сестры и попыталась выдрать какой-нибудь ощутимый кусок чего-нибудь важного. Но через секунду согнулась пополам – Каринка пребольно лягнула меня в голень. А потом еще завернула за спину руку.

– Сдаешься? – зашипела она мне в ухо.

– Вонючка! – пропыхтела я.

– Ах, так?

– Девочки, ну вы чего? – стряхнула оцепенение Манька. – Каринка, отпусти ее. Нарка, ты что, совсем с ума сошла?

Отцепляться никто не собирался. Я остервенело отбивалась и взвизгивала каждый раз, когда Каринка особенно сильно закручивала мне руку, а она, навалившись на меня всем весом, шипела в ухо: «Ну что, сдаешься?»

Манька немножко попрыгала вокруг, потом полезла разнимать. Ну и получилась грандиозная свалка на полу, с криками, ором и убийственными обзывательствами: «ослица – сама ослица, лысая собака – а ты вообще овца, щас как дам тебе промеж глаз – только попробуй». Кончилось все тем, что прибежала мама, расковыряла кучу-малу на составные части и наградила каждую сокрушительным подзатыльником.

– А куда мы кормушку приладим? – подала голос Манька, когда мама, растащив нас по разным углам комнаты, ушла доваривать суп.

Есть у нас одна хорошая черта – после драки мы тут же делаем вид, что ее вообще не было. Во-первых, дуться скучно, а во-вторых, если после каждой драки дуться, то на дружбу совсем не останется времени.

– Можно вообще на пол поставить. Под гнездо, – потирая ногу, прокряхтела я.

– Или на тумбочку, – выдохнула Каринка.

– Не получится, – отрезала Манька, – ласточки не умеют смотреть вниз.

Мы с недоверием уставились на подругу. Не то чтобы совсем не поверили, скорее усомнились в ее словах. Маньку мы знали не первый день и понимали, что придумать любое объяснение она в два счета умеет. Притом так правдоподобно придумает, что сама себе люто поверит. Потом не докажешь, что это не так. Поэтому с Манькиными версиями надо держать ухо востро.

– Откуда ты знаешь, что ласточки не умеют смотреть вниз? – осторожно поинтересовалась я. Спрашивать нужно было так, чтобы Манька не заподозрила, что я ей не верю. Очень не хотелось ее обижать.

– Оттуда! – боевито шмыгнула носом моя подруга. – Ни разу не видела, чтобы ласточки ковырялись в корме, который Ба насыпает курам. Жаворонки ковыряются, вороны ковыряются, воробьи ковыряются. А вот ласточки – никогда. Какой мы отсюда делаем вывод? Что ласточки не умеют смотреть вниз. У них шея устроена как у китов. Не поворачивается.

Каринка хрюкнула. Час от часу не легче.

– А что, киты тоже не умеют вниз смотреть? – аккуратно продолжила свои расспросы я.

– Нарка, ну ты вообще ничего про животных не знаешь! Вот, если кит наклонит голову, что с ним случится?

– Что?

– Подумай ЛОГИЧЕСКИ! Каринка, не подсказывай.

По недоумевающему лицу сестры было видно, что она тоже не в курсе, что стрясется с китом, если он наклонит голову. Но признаваться в своем незнании Каринка не стала и с любопытством уставилась на меня.

Я крепко задумалась. Представила себе кита. Большого, неповоротливого. Вот он плавает в воде. Фыркает фонтаном. Тоннами заглатывает мелкую рыбешку. Или вообще перегрызает пополам акул. Бороздит моря, таща за собой корабль барона Мюнхгаузена. Выбирается на берег и героически там умирает. Совершает всякие другие непостижимые поступки. И что? Это как-то объясняет причину, почему у него не поворачивается голова? Логические измышления завели меня в тупик. Пришлось сдаваться.

– Мань, я честно не знаю, почему киты не умеют глядеть вниз.

– Вот ты дурочка! – пожала плечом Манька. – Таких простых вещей не знаешь! Каринка, ответь ты.

Вместо ответа Каринка погрозила кулаком.

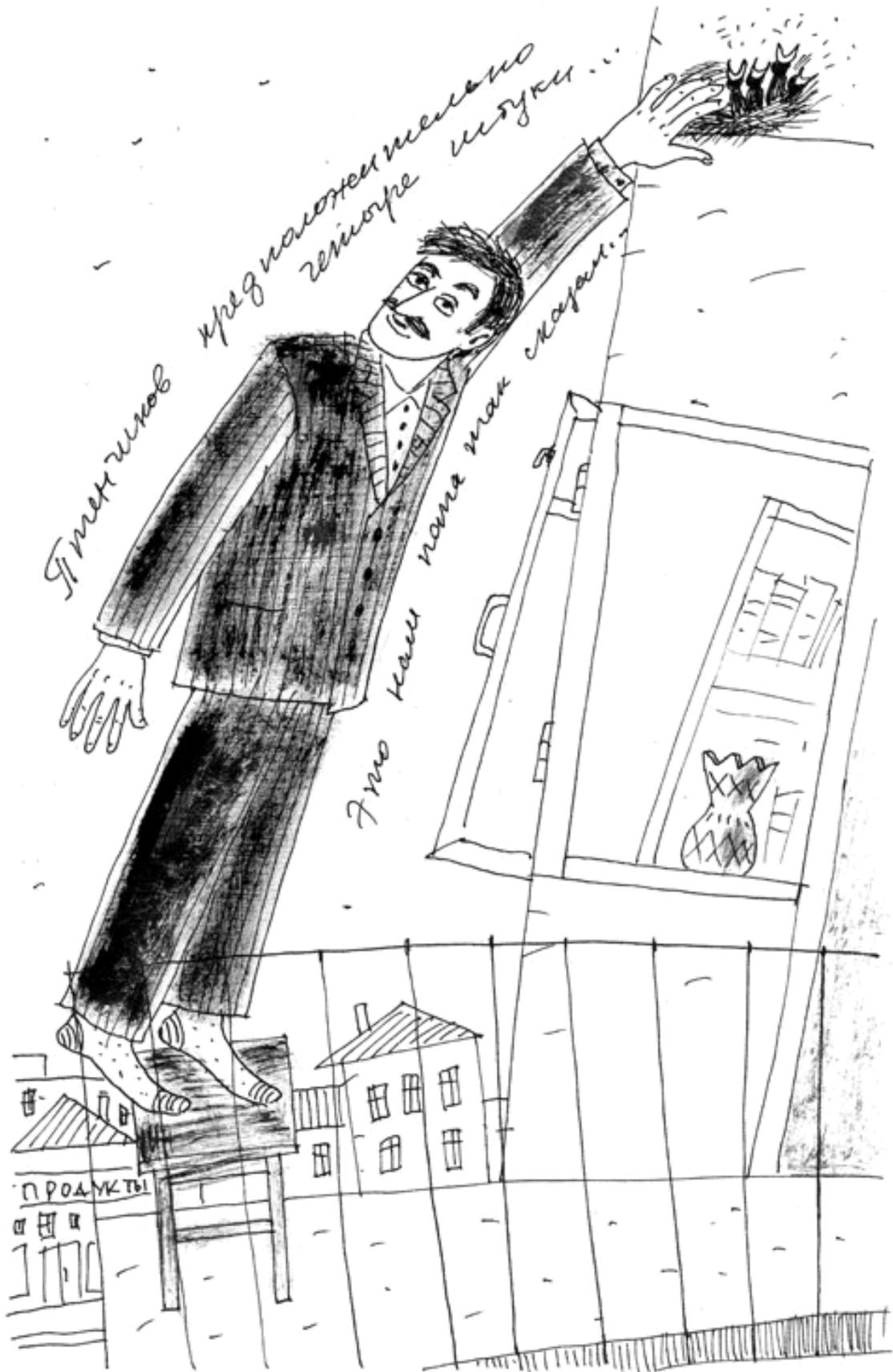
– Хорошо, – часто заморгала Манька. – Так и быть, объясню. Если кит посмотрит вниз, то он задохнется и умрет!

– Да ладно!

– А то! Воздух разом выйдет через жабры, и всё! Каюк-компания!

– Чивой?

– Грю – каюк-компания.

– А это что такое?

– Не знаю. В каком-то фильме слышала. Звучит страшно, да? Как смерть. Каюк-компания.

Мы помолчали, переваривая информацию про каяк-компанию и китов. Недавно по телевизору показывали передачу «В мире животных», где ведущий долго рассказывал, как киты выбрасываются на берег и умирают. «Ученые всего мира ломают головы над этим феноменом, но объяснить, почему киты добровольно уходят из жизни, пока не могут», – делая трагические паузы, растолковывал он. Так проникновенно рассказывал, что всех до слез довел. Очень нас впечатлил этот сюжет, мы потом полдня ходили как контуженые. Вообще передачу «В мире животных» мы очень любим. Первым делом из-за мультика, которым она начинается. Сначала звучит красивая мелодия, потом под эту мелодию открываются золотые ворота, взмывают к солнцу журавли или, может, аисты, мы с Манькой из-за них постоянно спорим. Она говорит, что это журавли, а я говорю – что аисты. В общем, взмывают к солнцу журавли с аистами, орел парит над стаей, ой, то есть стадом косуль, а они убегают от него изо всех сил, аж в сплошное белое полотно сливаются. А еще обезьяны, цепляясь за хвосты, прыгают с ветки на ветку. И особенно красиво танцуют страусы – грациозно, в замедленном темпе.

А потом Николай Дроздов начинает что-то рассказывать. Мы Дроздова очень любим, потому что он бесстрашный. И ядовитого паука на руку себе посадит, и питоном обмотается. Вообще ничего не боится.

– Может, поэтому киты и выбрасываются на берег? – неуверенно предположила я.

– Почему?

– Потому, что не умеют вниз смотреть.

Теперь настал черед девочек переглядываться.

– Подплывают к берегу, смотрят вниз, чтобы не зацепиться ногами за дно, задыхаются и выкидываются на берег, – поспешно продолжила я, поясняя свою мысль.

– Это где ты у китов ноги видела? – прищурилась Манька.

– Я просто слово забыла. Как же называются эти штуки, которые торчат у них по бокам и под брюхом?

– Кажется, ласты.

– Значит, ласты.

Каринка шумно выдохнула. Видно было, что научные разговоры ей порядком надоели.

– Ну при чем здесь ласты? Мы же хотели кормушку сделать ласточкам.

– А при том, – напомнила Манька. – Если поставить кормушку на пол, ласточки ее не заметят, потому что вниз смотреть не умеют. Как киты.

– Ничего, что-нибудь придумаем. Не умирать же птицам с голоду, раз они вниз смотреть не умеют? – пожалала плечами Каринка.

Мне жгуче захотелось еще раз спросить, с какой стати она стала такой доброй, но я сдержалась. Второй драки не хотелось, и потом, учитывая то, с каким старанием Каринка музузила меня с Манькой, ее гуманный порыв носил единичный и крайне ограниченный характер.

Мы еще поспорили насчет кормушки и решили, что в случае с ласточками простая благотворительность не пройдет. Кормушку нужно будет поднять на уровень гнезда, иначе птички ее не заметят.

Сестра ходила кругами и сокрушалась, почему на потолке нет какого-нибудь крюка.

– Зачем тебе крюк?

– Можно было бы продеть в этот крюк веревку и обмотать одним концом меня. Вы бы дернули за другой конец, веревка бы подняла меня вверх, и я бы накрошила целое гнездо крошек. Представляете, как хорошо? И кормушку тогда мастерить не надо. Раз в день насыпал целое гнездо еды, и гуляй себе дальше.

Мы представили себе эту картину. Красота!

– Вот если бы ты была Карлсоном, то и веревки не понадобилось бы, – вздохнула Манька.

– Или если бы у нас был вентилятор, – мечтательно закатила глаза Каринка. – Можно было бы примотать его к моей спине. И я бы полетела!

– Да-а-а-а-а!

– А из чего мы будем кормушку делать? – подала голос доселе молчавшая Гаянэ.

Мы дружно уставились на нее. Потом перевели взгляд на Каринку. Сестра сделала задумчивое лицо – напустила туману в глаза и сдвинула к переносице брови. Лицо задумчивым делаться не собиралось – расползлось в свое привычное шкодливое выражение и предательски бегало глазами. Глаза у Каринки потрясающей красоты – светло-карие, миндалевидные, с длинными густыми ресницами. И личико у Каринки красивое, и сама она вся из себя раскрасавица. Кто бы мог подумать, что под такой ангельской внешностью скрываются такие варварские замашки?

В подтверждение моих мыслей Каринка задрала кофту и почесала живот. Потом перегнулась через балконные перила и прицельно плюнула вниз. Метила в пробежавшего мимо зловредного мальчика Сережу, но промахнулась. Зловредный мальчик Сережа ничего не заметил и, радостный, побежал дальше. Зато плевков, как и следовало ожидать, прищпорил мыслительный процесс сестры.

– Нужно взять что-то плоское и большое, – выдала она. – Можно какую-нибудь доску. Или поднос.

– Поднос – вообще шикарно, – затрепыхались мы.

– Берем поднос, – лениво продолжила Каринка, – ставим его на что-то высокое, чтобы близко к гнезду. А то, – она покосилась на Маньку, – ласточки не умеют вниз смотреть.

– Угум, – кивнула Манька. – Точно не умеют!

– А на что высокое мы поставим поднос? – снова подала голос Гаянэ.

– Дети, – выглянула на балкон мама, – сейчас я уложу Сонечку, а потом накрою стол к обеду, ладно?

– Ладно!

– Можете пока яблоками перекусить.

– Не хотим мы яблок. И обедать не хотим!

– А кто вас спрашивать станет? И что вы на балконе делаете? Почему нельзя чем-нибудь интересным дома заняться?

– Пойдем домой, – покладисто согласилась Каринка и первой протиснулась мимо мамы в кабинет.

Мама проводила дочку настороженным взглядом. Напускной елейный экстерьер Каринки кого угодно мог напугать.

– С какой радости ты такая сговорчивая? – не вытерпела мама.

– Надоело на птиц тарашиться, – пожала плечами Каринка. – Мы лучше порисуем пока, а после обеда выйдем погулять. Вон погода какая хорошая!

Мама пропустила нас в комнату, заперла балконную дверь. Задержала занавески. Молча наблюдала, как мы с Манькой ввинчиваемся попами в кресло под торшером. Каринка села за стол, Гаянэ угнездилась на тумбочке. Все чинно сложили руки на коленях и уставились на маму.

Мама поежилась.

– Что-то задумали? – нехорошо прищурилась она.

Но тут, на наше счастье, захныкала Сонечка, и маме пришлось бежать в спальню. Времени у нас было катастрофически мало – Сонечку она укладывала в два счета.

Каринка метнулась на кухню, вернулась, прижимая к груди буханку хлеба и большой поднос из нержавеющей стали.

– Поменьше ничего не нашла? – съязвила я.

– Этот лежал сверху. Вот я и схватила его. Побоялась пластмассовый выдергивать, чтобы не шуметь.

Мы выскользнули на балкон. Раскрошили буханку и уставились на ласточкино гнездо.

– Нарка, ты у нас самая высокая, – протянула Каринка, – если ты встанешь на тумбочку и поднимешь над головой поднос...

– На тумбочку не полезу, – отрезала я. – Свалюсь, как папа.

– Мы тебя за ноги будем держать!

– Нет! – Для верности я села на пол и вцепилась руками в перила.

– Ну ты дура! – рассердилась Каринка, притащила тумбочку и взобралась на нее. – Давайте сюда хлеб.

Мы всучили Каринке поднос и вцепились ей в ноги. Какое-то время сестра балансировала на цыпочках, держа на вытянутых руках кормушку. К сожалению, до гнезда она не дотягивалась на целый метр. Может, поэтому ласточки на непрошеную гостью не обращали никакого внимания. Скоро Каринке надоело балансировать на краю тумбочки, и она сползла вниз.

– Давай я, – предложила Манька.

– Бесполезно, ты ниже меня, – вздохнула Каринка.

Мне стало стыдно.

– Ну давайте я попробую. Только вы меня крепко держите.

– И у тебя не выйдет, – махнула рукой Каринка, – не дотянешься. Да и потом, сколько можно поднос на вытянутых руках держать? Быстро устаешь. Тут надо что-то толковое придумать.

– У нас есть швабра, – осенило меня.

– В прошлом месяце одну сломали! – напомнила Манька.

– Мы осторожно. Тем более, эта новая, крепкая и длиннее той будет. Так вот...

– Ну! – Девочки превратились в слух.

– Можно приладить к ней поднос.

– Как приладить?

– Привязать чем-нибудь к низу. Суровой ниткой, например. Основание у швабры большое, поднос не свалится. Приставим тумбочку к стене, на нее швабру кормушкой вверх, и всё. Пусть стоит сколько влезет. Авось ласточки наконец заметят.

– Верно!

Не сговариваясь, мы ринулись в ванную. Выдернули из-за шкафчика швабру. Побежали обратно, по пути захватили катушку с суровой нитью. Стряхнули крошки на тумбочку. Примотали поднос, намертво привязав его крест-накрест к рейке швабры. Всыпали обратно крошки. Все манипуляции проделывались в гробовом молчании. Меня распирала гордость за наши слаженные действия – достаточно было взгляда или просто невнятного мычания одной, чтобы остальные поняли, что от них требуется. Даже Гаянэ не подвела – неотступно следовала за нами бесшумным хвостиком и по мере возможности помогала.

Когда кормушка, наконец, была готова, слаженность дала сбой. Водрузить швабру на тумбочку хотелось каждой. Мы привычно вцепились друг другу в волосы. Правда, быстро отцепились – времени на драку совсем не осталось. Втроем придвинули тумбочку, поставили на нее «кормушку», аккуратно, чтобы не опрокинулся поднос, прислонили к стене.

Затаили дыхание, отошли в сторону. Полнобовались делом рук своих. Счастливо выдохнули. В тот же миг швабра, описав красивую дугу, коварно накренилась к перилам. Не будь она прилаженной к рейке «кормушки», то, наверное, свалилась бы на пол. Но тяжелый поднос перевесил деревянную ручку, и, брызнув во все стороны хлебными крошками, конструкция полетела вниз.

Роняли ли вы когда-нибудь с третьего этажа швабру с намертво примотанным подносом на заслуженную активистку дома 17 по улице Ленина тетю Сирун? Не отягощенную личной жизнью тетю Сирун, беззаветно посвятившую себя служению родной пятиэтажке? Патрулирующую денно и ночью палисадник, чтобы дети не топтали цветы? Визгливо ругающуюся на вечно пьяного дядю Володю с первого этажа? Протоколирующую каждую соринку во дворе и по отпечатку подошвы вычисляющую хозяина обуви? Если бы вы хоть раз роняли на тетю Сирун доморощенную кормушку, то знали бы, что ничем хорошим такое необдуманное поведение закончиться не может.

Когда в миллиметре от выдающегося носа дворовой активистки пролетела чудовищная конструкция и с нечеловеческим грохотом развалилась у ее ног, вопль, который испустила тетя Сирун, услышали на том конце света. Подкошенные этим могучим воплем, мы пали ниц и, перебирая по-рачьи лапками, отползли назад, в сторону спасительной балконной двери. Главное было незаметно пробраться в комнату, затаиться где-нибудь в дальнем углу, не дышать, не моргать, раствориться в деталях интерьера. Умереть.

Умереть нам не дали. Сначала во входную дверь требовательно позвонили, потом заколотили чем-то металлическим. На шум из спальни выбежала мама. Углядела наши бегающие глазки.

– Что вы натворили? – прошептала побледневшими губами.

– Этонемы, – фальшиво тренькнула Манька.

– Сейча-а-а-ас иду, – бодро крикнула мама в сотрясающуюся входную дверь, подлетела к нам и затолкала в ванную. – Сидите тихо, понятно? Пикнете – убью.

Мы нащупали попами краешек ванны, сели. Скорбно нахохлились. Манька нашарила в темноте мою руку и тоненько заскулила. Я тут же заскулила в ответ.

– Ш-ш-ш-ш! – зашикала Каринка.

В прихожей тем временем разворачивался тайфун.

– Надя, – верещала тетя Сирун, – любому человеческому терпению приходит конец!

– А что такое? – делала невинное лицо мама.

– Ты еще спрашиваешь, что такое? Где твоя дочка?

– Которая из них?

– Которая вылитый азраил.

– Я попрошу вас!

– Она меня попросит! Это чей поднос?

– Не наш, – быстро ответила мама.

– Как это не ваш? А швабра чья?

– Не знаю. Шваброй я не пользуюсь.

– В смысле – не пользуешься? А как полы моешь?

– Руками.

– Враскорячку?

– Враскорячку, так чище получается. У меня ребенок маленький, приходится каждый день полы протирать. Вот вы ворвались, натоптали. Шумите. Я ребенка укладываю, а вы ей спать не даете.

– А где Каринэ? – сбавила обороты тетя Сирун.

– У тети Розы. А что?

– Точно у Розы?

– Можете сходить и проверить.

– Ладно, – выдохнула тетя Сирун. – Раз это не твоя дочка учинила, значит, Рубик из сорок восьмой. Схожу к ним.

– Сходите.

Когда мама заглянула в ванную, мы с Манькой, крепко обнявшись, безутешно рыдали. Каринка, грозно шипя и обзываясь дурами, поочередно утирала полотенцем наши зареванные лица.

– Что за съезд плакальщиц? – тоном Ба спросила мама.

– Мам, ты прости нас, пожалуйста, – брызнула я слезами в подол маминого платья. – Мы не хотели ничего плохого. Кормушку смастерили. А она возьми и свались вниз.

– А швабру зачем взяли?

– К кормушке приладили. Чтобы выше стояла. А то ласточки не заметят!

– Как же она вниз полетела?

– Опрокинулась и полетела. Видно, плохо к стене прислонили.

– Теперь я осталась без швабры и без подноса, – устало отозвалась мама. – Мало того что вы человека чуть не покалечили, так мне еще пришлось врать, чтобы вас, паразиток, выгородить!

– А чего же ты соврала?

– Даже не знаю. Испугалась, что и мне влетит.

Мы дружно захихикали. Но маме было не до смеха. Она погнала нас на кухню, усадила за стол и строго-настрого велела не двигаться. Сбегала в спальню, удостоверилась, что Сонечка спит. Протерла враскорячку пол в прихожей. Позвонила Ба и в двух словах рассказала о произошедшем. Чтобы Ба знала, как себя вести на случай, если к ней заявится с обыском тетя Сирун. Ба выслушала маму, потребовала к трубке Маню, долго грохотала. Потом трубка по эстафете перешла ко мне, а далее к Каринке.

Потом мама позвала нас обедать. Мстительно кормила какой-то гадостью, которую гордо называла луковым супом. На наше нытье снисходительно пояснила, что в еде мы ничего не смыслим, что луковый суп – национальная гордость Франции, и дети всего мира были бы просто счастливы, получи они на обед такое восхитительное блюдо.

Пока мама рассказывала про детей всего мира, Гаянэ рыдала в национальную гордость Франции горячими слезами, а мы брезгливо кривили рты.

– Пока не увижу дно тарелок, из-за стола не встанете! – нахмурилась мама, села напротив и приготовилась терпеливо ждать.

Пришлось братья за ложки. Сначала мы гримасничали, а потом как-то даже втянулись и выхлебали суп без остатка. Каринка аж добавки попросила.

– Надо было приклеить ручку швабры к тумбочке. Тогда бы она не свалилась, – пробурчала она, принимаясь за вторую тарелку.

– Вот только попробуйте что-нибудь еще выкинуть! – погрозила нам пальцем мама. – Учтите, в следующий раз врать из-за вас я не буду! И так накажу, что мало не покажется.

Мы, конечно, обещали маме, что самодеятельность свою прекратим. Или хотя бы свернем на время, пока тетя Сирун не придет в себя от потрясения. Но мама нам не поверила.

– Надо будет осенью разрушить это гнездо, – сказала она папе вечером. – Пусть в следующем году ласточки где-нибудь в другом месте живут. Второго такого светопрествления я не вынесу.

А чтобы ласточки дожили до следующего года, мама чуть ли не поселилась на балконе. Читает на балконе, вяжет на балконе, картошку чистит на балконе, Сонечку выгуливает на балконе. Сонечка ходит с важным видом вдоль балконных перил и выкрикивает разные инструкции в палисадник нашего дома – руководит цветением настурций и мелкорослых китайских гвоздик. А еще она здорово ловит залетных букашек. Угощается сама и великодушно делится с мамой. Мама при виде очередного раздавленного насмерть толстого жука поднимает крик и бежит по балкону, как ненормальная.

В общем, что ни говори, жизнь у нашей мамы веселая. Грех жаловаться.

Глава 9

Манюня, коктейль «глиасе», помпоны и прочие девчачьи дела

Чтобы платье длиной до пят и косметики полная сумка – о таком даже мечтать не стоит. Манюня вообще считает, что ни одной девочке из нашего городка подобное счастье не светит. Не та карма, не то место жительства.

Другое дело жительницы больших городов. В этих городах имеются огромные магазины «Детский мир», а также «ГУМ» и «ЦУМ». Вот где всего вдоволь. Вот где можно, контузив впечатлительного родителя умело закаченной истерикой, добиться розового длинного платья с тремя ярусами воланов по подолу и прочим кокетливым добром. Не говоря уже о сумочках с бантиком вместо застежки! Чтобы закрыть такую сумочку, нужно переплести две шелковые ленты и аккуратно стянуть их в бантик. Это же не плебейское шнурки на ботинках завязывать! Здесь нужно действовать с трепетом, с придыханием, любовно. Берешь один конец широкой ленты, перевязываешь с другим, свиваешь в замысловатый узелок, тянешь за «ушки», и вуаля – самая красивая застежка на самой красивой в мире сумочке греет тебе душу, а заодно выжигает гримасы зависти на лицах встречных девочек.

Опять же молочные коктейли! Рассказывая о молочных коктейлях, Манюня закатывает глаза и цокает языком. Выдерживает театральную паузу и обводит ряд слушателей пытливым взглядом – достаточно ли те заценили накал страстей? Слушатели дефис зрители – это заинтригованные донельзя мы с Маринкой из тридцать восьмой и насупленная Каринка. Почему насупленная – потому что сестра всегда сердится, когда речь заходит о девичьих делах. О кружевах, или переливающейся золотом заколке, или каких других игрушечных сервизах со всевозможными ложками и плошками. Круг Каринкиных интересов весьма специфичен. Единственное, что ее занимает, – это военно-промышленный комплекс нашей страны, набор юного химика, Рубик из сорок восьмой и папина бормашина.

Мы сидим в палисаднике нашего двора. Весна благополучно сменилась летом, настали прекрасные солнечные времена. Беседку, излюбленное место наших доверительных бесед, покрасили в цвет молодой травы, а старую ее жестяную крышу заменили новой черепичной. Вдоль засыпанных галькой дорожек теперь стоят красивые деревянные скамейки с изогнутыми спинками и тяжелыми чугунными подлокотниками. По внешнему краю палисадника соорудили невысокий частый забор, а внутренний край обсадили кустами винограда сорта «Изабелла». Цепляясь тонкими вьющимися усиками за деревянные перекладыны, виноград тянется вверх, к балконным решеткам квартир. Со временем он образует красивую арку, летом будет нависать над прохожими плотными гроздьями кисло-сладких ягод, а осенью облетать багряными пятипалыми листьями.

Палисадник превратился в место паломничества жителей соседних домов. Если по первости они приходили люто нам завидовать, то теперь предпочитают получать эстетическое удовольствие – согнувшись в три погибели и изящно оттопырившись попой, нюхают цветы на большой круглой клумбе, катят по дорожкам неуклюжие в движении коляски с орущими младенцами, чинно-благородно рассевшись на новенькие скамейки, вяжут, вышивают, играют в нарды и шахматы, шуршат газетами и обсуждают политическую ситуацию в мире и аномальную жару в Москве. Дело в том, что до жителей нашего городка дошли тревожные вести – в столице столбик термометра который день держится на уровне 35 градусов, и москвичам от такой жары приходится ой как несладко!

– Надо же, – качают головой бердцы, – всего-то 35, а народ на стенку от жары лезет!

– Северные люди, что же вы хотели? Совсем к зною непривычные! – разводит руками молодой человек в льняных брюках и сандалиях на босу ногу. – Надо бы в метро им забиться, там прохладнее будет!

– Метро – это стратегический объект, а не место для спасения от жары, – возмущается сухонький старичок в вязаной панаме. У панамы смешно загибаются поля, словно кто-то специально закручивал их горячими щипцами то внутрь, то наружу.

– Ну и что? – удивляется молодой человек. – На то метро и стратегический объект, чтобы там от непогоды укрываться!

– Слушай, ты совсем с ума сошел? – распаляется старичок. – Где это видано, чтобы 35 градусов непогодой называли?

При таком наплыве шумных посетителей нам, аборигенам и законным владельцам палисадника, приходится забиваться в крайний от входа угол, подальше от гама и суеты. Маринка притащила из дома небольшой плед, красный в зеленую полоску, мы его постелили под плакучей ивой, можно сказать – занавесились от всего мира ее длинными ветвями, лежим кверху пузом, ловим сквозь узкие серебристые листья солнечные лучи и слушаем Маньку.

Манька рассказывает про город Кировакан. Про большой универмаг, который расположен в самом центре города, и про вкуснющий клубничный коктейль «глиасе», который можно купить на втором этаже этого универмага, слева от лестницы.

– За двадцать копеек, – уточняет Манька и качает головой. Боевой чубчик скорбно трясется в унисон.

Мы вздыхаем. Один, даже большой стакан густого сладкого коктейля – это чистая насмешка, ведь допивается он прежде, чем успеваешь сообразить, что вообще происходит. Раз – и коктейля словно не бывало, и ты, не веря глазам своим, шумно высасываешь, последние капли. А дальше хоть ложись и помирай, потому что на вторую порцию коктейля мама ни за что не соглашается.

– Зачем деньги на ветер выбрасывать, мы лучше чего-нибудь полезного возьмем, «Гематоген» например, – говорит мама и уводит тебя, отчаянно упирающуюся, в какие-то унылые дали, где торгуют мотками шерсти, рулонами ткани и прочей ерундой.

– Нет чтобы что-то вкусное взять. А то вечно этот противный «Гематоген»! – возмущенно фыркает Манька.

– Буэ! – с готовностью откликаемся мы.

Манька совсем недавно вернулась из Кировакана – гостила у своей мамы тети Гали. Тетя Галя после развода с дядей Мишей какое-то время жила у родителей, а потом вышла замуж и переехала в Кировакан. Теперь у Маньки два сводных брата – Марик и Алик. Марику три года, а Алику вообще девять месяцев. Манька проводит у мамы осенние, зимние и весенние каникулы, а летом гостит у нее аж целый месяц.

Отсутствие Маньки мы переживаем очень болезненно. Особенно летом. Потому что летом почти все дети разъезжаются по бабушкам-дедушкам и пионерлагерям, а Рубик из сорок восьмой традиционно укатывает к тете в Кисловодск. И наша Каринка остается один на один со своим, хм, темпераментом. Третьировать ей становится практически некого, поэтому срывается она чаще всего на мне. Уж если сестра затевает драку, даже вовремя подоспевшая Маринка не может спасти, потому что разнимать она нас не умеет. Во-первых, боится попасть под раздачу, а во-вторых, в детстве у нее случился вывих плеча, и теперь чуть что – оно выскакивает со своего законного места.

Вообще, если подумать, Маринка сильно несчастная девочка. По дому шастает зло-вредный брат Сурик, изводит ее насмешками, а она даже не может в лицо ему ногтями вце-

питься! Максимум, что может себе позволить Маринка, – это пнуть выходящего из квартиры брата в мягкое место, сразу же захлопнуть дверь и накинуть цепочку. У Сурика ключи от квартиры всегда с собой, так что дверь он отпирает буквально за секунду. А далее орет, как ошпаренный, в цепочку, обзывая Маринку разными нехорошими словами. А Маринка скачет за дверью и вызывающе громко смеется. Аж заливается, как какая-нибудь тетечка из оперной партии. Такие тетечки, изображая сумасшедших, явно переигрывают и выдают такие леденящие душу рулады, что хоть стой, хоть падай. Вот Маринка и изгаляется, доводя такими руладами Сурика до белого каления.

Сурик, хоть и зловредный брат, но на сестру никогда руки не поднимает. Он как-то уже пытался ее скрутить, повалив для верности на диван, но Маринкино плечо раз – и выпрыгнуло из сустава. Хорошо, что в соседнем подъезде живет тетя Софа, медсестра из травматологии. Маринка прибежала к ней вся трагическая, с перекошенным от боли лицом. Тетя Софа вправила ей плечо, перемотала эластичным бинтом, а потом пошла орать на Сурика. Сурику в тот день крупно не повезло – тетя Софа с утра затеяла большую ругань с мужем, но тот трусливо слинял из эпицентра скандала к друзьям на рыбалку. И тетя Софа спустила все нереализованные пары на Сурика. Устроила ему такую головомойку, что он крепко запомнил: еще раз тронет сестру – заработает привычные вывихи по всему телу. В гнущихся, а заодно и негнущихся местах. Навсегда.

Только Маринку небитая Суриком жизнь не радует.

– Лучше бы плечо было здоровое, а с братом я уж как-нибудь разобралась бы, – кручнется она, – а то что это за судьба такая – на турнике не повисеть, по деревьям не полазить, сальто не покрутить? Я даже вас с Каринкой толком разнять не могу!

Что правда, то правда. Нас с Каринкой разнимать она не умеет. А поскольку разнимательница из Маринки никакая, сестра каждый божий день по двадцать восемь раз натурально меня убивает. С концами.

Пока она занимается конкретным членовредительством, Маринка только и делает, что прыгает кругом и старается вытянуть меня за подол юбки из-под сестры.

– Маринка, – ору я, – отпусти подол, лучше тяни меня за ногу!

– Не могу за ногу, – пыхтит Маринка, – если ты ногой дернешь, то можешь вывихнуть мне плечо. А подолом ты дернуть не можешь!

– Почему не могу, очень даже могу, – кричу я и пытаюсь резко повернуться, чтобы продемонстрировать, как можно дернуть подолом. Маринка выпускает край моей юбки, испуганно отбегает на безопасное расстояние и оттуда, затравленно озираясь и поскуливая, наблюдает за моей трагической кончиной.

– Сейчас тетю Надю позову! – наконец спохватывается она.

Пока Маринка бегает за мамой, а сестра отдирает мой скальп, я отпихиваюсь из последних сил и ностальгирую. Вот если бы здесь была Манька, думаю я, она бы точно что-нибудь придумала. Огрела бы Каринку чем тяжелым, вцепилась бы ей в лопатку и оттащила в сторону, на худой конец полезла бы в драку и самоотверженно отвела часть сестрино, хм, темперамента на себя.

В общем, как ни крути – но без прямого участия Маньки оставаться сестрой Каринки крайне небезопасно для жизни и здоровья. Поэтому, когда Манька гостит у своей мамы, я только и делаю, что выживаю. Очень не хочется на заре жизни протянуть ноги от повышенного внимания родной сестры.

..прозекне дегич живирин живинью
избранных... Большие марки с
карусельми Цирки, кукольные театры,
универмаги, клубы, коньяк «Гласе»
за двадцать копек!

Уж если мы так болезненно переносим отсутствие Маньки, то представьте, как переживает Ба! Правда, вида не подает. Собирая внучку в путь-дорогу, настраивает себя на мажорный лад. Так и говорит – наконец-то ты уедешь, и я смогу немного отдохнуть. А то

сколько можно с тобой воевать? Это же надо было такой строптивой уродиться? И в кого ты такая, ума не приложу.

И цокает языком. Или оглушительно хмыкает.

– Ба, может, она в тебя? – как-то предположила Каринка.

– Я была идеальной девочкой, – отрезала Ба, – очень сознательной и послушной. Никогда не шалила и приносила из школы одни пятерки, ясно?

– Ясно, – отозвались мы. – Значит, Манюня в дядю Мишу.

– Миша был изумительным ребенком, – встопорчилась Ба. – Никогда слова поперек матери не говорил и вел себя просто образцово.

– А что ему мать на это говорила? – прогудела Каринка.

– Какая мать? – запнулась на полуслове Ба.

– Ну, Ба, ты же сказала, что дядя Миша слова поперек матери говорил, вот я и спрашиваю, а что мать поперек его слов говорила?

– НЕ говорил! – Ба уставилась на Каринку своим фирменным взглядом, потом прищурилась и вкрадчиво спросила: – Дочка, как ты думаешь, кто такая мать?

– Не знаю.

– А кто у дяди Миши мама?

– Ну, Ба! – возмутилась сестра. – Конечно же, ты!

– А мать?

– Мачеха? – предположила Каринка.

– Мать-и-мачеха, ага! – фыркнула Ба.

Когда Манька уезжает, мы с сестрой часто ходим в гости к Ба. Ну, чтобы она меньше страдала в разлуке. Ба угощает нас песочным печеньем, поит кисленьким компотом из алычи и бодро рассказывает, сколько всего успела закатать в банки в отсутствие Маньки. Потом расспрашивает, как у нас дела, требует подробного доклада. Хотя сама вчера на пару с мамой, попивая чай вприкуску, отчитывала нас за отвратительное поведение.

Можно подумать, мы что такое страшное натворили! Ну да, своровали на стройке полведра цемента и замесили на пороге десятой квартиры неплохой такой раствор. А чего у них поперек запертой двери лопата стояла? День стояла, два стояла. Мы ходили туда-сюда, щупали ее за погнутые наступы, громко спорили, как правильно называется черенок. Ритка из тридцать пятой говорила, что кочерыжкой, а мы с Маринкой выдвинули версию, что скорее уж рукоятью. Шум от нашего спора стоял такой, что тетя Сирун из тринадцатой квартиры раз восемь выскакивала на лестничную площадку и орала на нас разными укоризненными словами. Мы разбегались, но через какое-то время возвращались обратно. Лопата словно гипнотизировала нас. Поэтому, когда и на третий день ее с порога никто не убрал, мы решили пустить ее в дело. А то торчит, видом своим нас возбуждает, сколько можно! Притащили со стройки цемент, высыпали на порог, сделали лунку, досыпали песочка, налили воды и замесили практически профессиональный раствор. И оставили застывать. Вот.

Вернувшись к вечеру хозяева квартиры обнаружили у себя на пороге живописную бетонную лепешку с торчащей лопатой в сердцевине. Другие бы порадовались такой красоте, а эти подняли ор и стали громко отколупывать конструкцию, всяко понося идиотов, которые решились на такую шутку. На шум прибежала тетя Сирун и оперативно вспомнила, кто из детей три дня подряд ошивался в подъезде. Заодно строго спросила, какого черта десятая квартира оставляла у себя на пороге лопату.

– У нас замок сломался, а в хозяйственном завоз обещают только к концу недели. Вот мы и перегорали дверь лопатой для надежности, – пропыхтела десятая квартира.

Тетя Сирун какое-то время глотала ртом воздух, не в силах выдать из себя адекватный ответ на столь необдуманное поведение соседей, потом махнула рукой и побежала к нашим мамам – скандалить.

По итогам скандала досталось всем – и Маринке из тридцать восьмой, и Ритке из тридцать пятой, ну и нам с Каринкой досталось, куда уж без нас.

И хотя Ба отлично знает эту историю со всеми леденящими душу подробностями, все равно заставляет нас пересказать ее от начала и до конца. И пока мы понуро исповедуемся, как волокли со стройки цемент, заткнув дырявый бок ведра Риткиной спиной, Ба подкладывает нам печенье, подливает компот и цокает возмущенно языком. И хотя лицо у нее серьезное, в глазах бегают озорные искорки. Мне иногда кажется, что Ба так привыкла к нашим проделкам, что, если на ее пути случается хоть один не отягощенный треволнениями мирный день, она начинает сильно дергаться по этому поводу. Испортили мы взрослых, что уж там говорить. Превратили из образцовых людей в хулиганов. Вон, даже мама вынуждена приврать тете Сирун, чтобы выгородить нас! Главное, так убедительно и гладко приврала, что в душу прокрались нехорошие подозрения насчет ее образцово-показательного поведения в детстве.

В отъездах Маньки, помимо бесконечных минусов, есть один неоспоримый плюс – возвращается она всегда с целой кучей новостей. И всю эту кучу в первый же день приезда ворохом скидывает на наши головы. Мы какое-то время ходим контуженные впечатлениями, а потом, немного успокоившись, обсуждаем новости, уютно расположившись на пледе под плакучей ивой.

По рассказам Маньки получается, что городские дети живут жизнью избранных. К их услугам большие парки с каруселями, цирки, кукольные театры, крупные универмаги и клубничный коктейль «глиасе» за двадцать копеек!

– А сколько там кинотеатров! – закатывает глаза Манька. – Можно целый день бегать по городу и без конца смотреть «Зиту и Гиту»! И никто не посмеет согнать тебя с твоего места, потому что на билете указан ряд и номер кресла, так что ты можешь потыкать ему в лицо билетом и сказать: «Слушай, ты, осел, неужели не видишь, что я сижу в пятом ряду на сиденье восемь?»

– А он чего? – трепещем мы.

– А он ничего. В драку не лезет, – расстроено констатирует Манька. – Еще и извиняется!

– Прямо извиняется? – недоверчиво шурится Каринка.

– Извиняется! Эти городские какие-то уж очень воспитанные люди. Прямо скучно с них!

Манька отщипнула травинку, задумчиво повертела ее в пальцах. Откусила кусочек, задумчиво пожевала.

– А давайте плевать наперегонки травинками? – вдруг предложила она.

– Это как?

– Ложимся рядом, откусываем травинки и плюем. Кто дальше всех выплюнет, тот настоящий молодец!

Какое-то время мы увлеченно плевались пучками травы, потом переключились на листья плакучей ивы. Листья оказались горькими на вкус, и плевать ими получалось особенно быстро, потому что долго мусолить во рту такую гадость было просто невозможно.

Чемпионкой по плевкам стала Маринка, она плевалась дальше и прицельнее всех.

– Ты прямо настоящий Робин Гуд! – похвалили мы ее.

– Ну хоть в чем-то я чемпионка, а то ни подраться, ни по дереву вскарабкаться... – снова закручинилась Маринка.

– У каждого свои таланты, – дипломатично перебила Манька, вывалила язык и несколько раз провела по нему ладонью, пытаясь стереть остатки ивовых листьев, – у этих листьев вкус шпинатного «Бибимикса». Буэ!

– Чего?

– Шпинатного «Бибимикса». Это еда такая, для маленьких детей. Вроде «Малыша», но коробочка другая, импортная. Внутри порошок, его надо разбавлять тепленькой водой. Получается каша. Бывает с разными вкусами – пшеничная, гречневая, со вкусом яблок. А бывает зеленая, со шпинатом. Чистая отравка!

– Откуда ты знаешь, что чистая отравка?

– Потому что сама попробовала. Мама этой кашей маленького Алика кормит. Бедный, бедный Алик, как можно такое есть? Он и не ест ее вовсе и плюется похлеще Маринки. Все исплюет: и себя, и маму, и складной стульчик, и стену напротив, и пол! А мама только и делает, что мгновенно все подтирает. И не сдается, кормит его и кормит. Водит ложкой перед носом, говорит: «Открывайте ангар, сейчас туда залетит самолет, – и громко гудит: – Ввввв!» Алик, заслышав мамино гудение, тут же открывает рот, а потом, опомнившись, начинает усиленно плевать шпинатным «Бибимиксом». Вот мне и стало интересно, чего это он так плюется. Попросила у мамы попробовать. – Манька упала лицом в руки, лежала так какое-то время, потом уставилась на нас вытаращенными глазами. – Девочки, это такая гадость, меня чуть не вырвало. Говорю маме – ну зачем ты кормишь этой гадостью Алика, ее же есть невозможно. А мама говорит – тебе невозможно, а ему возможно. Ага, возможно! Стал бы он отплевываться, если каша была бы ему вкусной!

Мы какое-то время молчим, представляя себе перемазанного «Бибимиксом» Алика и тетю Галю, водящую у него перед носом ложкой.

– Тебе хоть нравится у мамы? – наконец решаюсь спросить у Маньки я.

– Ну конечно нравится, – откликается Манька и начинает загибать пальцы, перечисляя преимущества: – Во-первых, она красивая, во-вторых, она меня очень любит, называет доченькой и ангелочком, в-третьих – у нее смешной муж. Он учит играть меня в шахматы, но постоянно отвлекается. Я могу как угодно переставлять фигуры на доске, он ничего не замечает. Совсем слепой. Однажды вообще переставила фигуры, как в шашках, и он стал дальше в шашки играть, даже не вспомнил, что вроде как начинали с шахмат.

– Он что, дурак?

– Вообще-то нет. Но ведет себя странно. Мама ему говорит – Роберт, я тебе выгладила голубую рубашку и светлые брюки. Вон они, в спальне, на спинке стула висят. И уходит за хлебом. Возвращается, а дядя Роберт так до сих пор и не одет. Сидит на стуле, на спинке которого висит выглаженная одежда, и страдает. Не нашел!

– Значит, точно дурак.

– Говорю же – нет! Наоборот, очень умный. И от этого странный. Похож на Жака Паганеля из «Детей капитана Гранта». Мама удивляется, как он вообще дорогу домой находит. Говорит – с его рассеянностью каждый раз можно в новый дом возвращаться.

– А детей своих он не путает? – волнуемся мы.

– Детей не путает. Но имена путает, может Алика Мариком назвать. А вообще он хороший. И добрый. И братья у меня хорошие. Например, Алик. Его тискать можно, он это очень любит. И потом Марик. Вроде маленький, но такой ловкий! На спор разбил двухлитровую банку абрикосового варенья футбольным мячом. Я говорю – не попадешь. Он говорит – попаду. Я говорю – а вот и нет. А он говорит – а вот и да. Разбежался, вдарил и разбил.

– И чего? – похолодели мы.

– Ну, – отвела глаза в сторону Манька, – иногда мама мне очень Ба напоминает. Как выйдет из себя, как разорется! Хотя ее тоже можно понять, три дня возилась с вареньем, закатала в банки, поставила на пол – остывать. А тут Марик с мячом. В общем – одни траты.

– А разве нельзя было варенье обратно в банку собрать? – подала голос Маринка.

– Нет. Во-первых, с пола ничего не едят. Особенно когда взрослые это видят.

– А если мороженое уронил? – встряла я.

– Тогда нужно как-нибудь незаметно допинать его за угол и там быстро съесть, пока не отобрали. Не перебивай меня, Нарка, а то я забываю, о чем говорила. И так, во-первых, нельзя ничего с пола есть. А во-вторых – от разбитой банки осколков много, если они попадут в живот, могут поранить кишки. И тогда всё. Кирдык.

– Чего-о-о-о?

– Кирдык. Ну, то есть всё, умер. Слово смешное, да? Дядя Роберт очень любит его повторять. Кирдык!

Мы сначала посмеялись, а потом принялись повторять новое слово на всякий лад. С каждым разом оно нам почему-то казалось смешнее и смешнее.

– Кир-дык, – выговаривали мы по слогам и срывались в визг.

– Ой, кирды-ы-ы-ы-ык!

– Кирдычок!

– Ахаха-а-а-а!!!

– Кирдыкуля-какуля!

– Гагага-а-а-а!!!

– Девочки, – раздвинув ветки плакучей ивы, нависла над нами тетя Сирун из тринадцатой.

– А мы чего, мы ничего! – зачастили мы.

– Вижу, что ничего, поэтому разговариваю с вами нормальным голосом. Вас мама ищет, звала несколько раз, а вы не слышите.

– Это потому, что мы громко смеялись, – объяснили мы и побежали узнавать, зачем понадобились маме.

– Маня, помоги мне плед сложить, а то одна я не справлюсь! – крикнула Маринка.

– Я тебе помогу, – отозвалась тетя Сирун.

Мы помахали Маринке и нырнули в виноградные кусты под нашими окнами. Балкон пустовал, а звать маму, если он пустует, нельзя. Может, она Сонечку укладывает, а мы своим ором ее разбудим. Поэтому мы кинулись наперегонки домой. Впереди летела Каринка, за Каринкой – Манюня, замыкала кросс я. Первой до нашей квартиры добежала сестра и принялась колотиться телом в дверь. В свое время мама запретила нам звонить в звонок, чтобы не будить Сонечку.

– Лучше постучите, и я вам открою.

Теперь, наверное, мама сильно жалела о том, что не разрешила нам звонить. Потому что колотились мы в дверь с таким остервенением, что казалось – если еще немного поднажать – она слетит с петель.

Мама открыла в ту минуту, когда долбиться в дверь вместе с Каринкой начала Манька. Если бы остался просвет, воткнулась бы и я, но места для меня, к сожалению, не нашлось, поэтому я стояла в сторонке, в нетерпении подпрыгивая на одной ножке.

Щелкнул замок, распахнулась дверь:

– Ну зачем так шуметь? – принялась сердито выговаривать мама.

– Мам, дай попить!

Мама пошла на кухню, причитая, что с такими детьми даже дубовые двери не выдерживают.

– Это ж не дети, – бурчала она, – а чистые варвары.

Мы, скромно потупившись, ждали, когда она вернется. Получив по стакану воды, стали пить, давась большими глотками.

– Если бы вы ели так, как пьете! – не вытерпела мама.

– Еще чего! – оторвалась от воды Каринка. – Пить вкусно, а есть – совсем наоборот. Особенно тушеные овощи!

– Или твое ужасное блюдо из картофеля с луком и зернышками барбариса и граната! – отозвалась я.

– Что вы понимаете в изысканной еде! – махнула рукой мама.

– Очень даже понимаем, Тетьнадь. А вот вы, взрослые, в правильной еде ничего не понимаете. Потому что когда ваши дети говорят, что жареная картошка – лучшая в мире еда, то готовить надо жареную картошку, а не эти противные тушеные овощи. Правда, девочки? – Манька обратилась за поддержкой к нам.

– Конечно, правда, – отозвались мы.

– Ну-ну, – встала руки в боки мама. – Вот и будете круглый год жарить своим детям картошку, ясно? А я вас буду кормить тушеными овощами. Из вредности!

– Мам, тетя Сирун сказала, что ты звала нас, – увела тему разговора в сторону я.

Мама отобрала у нас стаканы.

– К нам гости заезжали, а я не смогла вас дозваться.

– Какие гости?

– Девочка Наринэ из Москвы. Помните папиного двоюродного брата Юрика?

– Который работает следователем?

– Да.

– И чего?

– А того. У него есть дочка Наринэ. Она приехала погостить.

– К нам?

– К своей бабушке. А к нам будет в гости ходить.

– Что, она совсем москвичка? – подала голос Манька.

– Совсем. Родилась и выросла в Москве. – Тут мама вспомнила, что мы стоим на пороге. – Мы так и будем переминаться здесь с ноги на ногу? Может, все-таки пройдете в квартиру?

Мы втиснулись в прихожую, скинули сандалии, переобулись в тапки. Пошли гуськом мыть руки.

– А сколько ей лет? – крикнули маме.

– Семь.

– А чего ее зовут как нашу Нарку? – не вытерпела Манька.

– Тебе жалко?

– Жалко, ага!

– Мария!

– Шучу, гыгы. Спросить, что ли, нельзя? Буду называть ее московской Наркой, чтобы не путать.

– Можешь ее Настей называть, ее все на русский манер Настей называют.

– Во, здорово, так и будем ее звать, да, девочки?

– Угум.

– А чего она не стала нас дожидаться?

– Они поздороваться заехали. А завтра Настя к нам с официальным визитом придет.

– Небось вся расфуфырится? – высунулась из ванной комнаты Манька.

– Зачем расфуфырится? – удивилась мама.

– Знаю я этих городских. Наденет какое-нибудь пышное платье, надушится духами, накрутит волосы. И гольфы небось с завязками-помпончиками натянет!

– С чем?!

– С помпончиками. Здесь, – Манька задрала ногу и показала рукой от щиколотки до колена, – обычные гольфы, а здесь, – повела она ладошкой вокруг колена, – завязки! С помпончиками!

– И где ты такие гольфы видела?

– В Кировакане. На одной девочке! – закручинилась Манька.

– Так помпоны легко можно смастерить. Я научу вас, и вы сделаете такие завязки, – обещала мама.

– Ура! – запрыгали мы с Манькой. – Помпоны!

– Очень надо, – прогудела Каринка.

– Дочка, я понимаю, что помпоны тебе ни к чему. Но пуленепробиваемые жилеты шить я не умею, – погладила Каринку по волосам мама.

Каринка увернулась от маминой руки. Кроме девчачьих финтифлюшек она еще не признавала телячьих нежностей.

– Ничего, я сама себе смастерю такой жилет. Только материала поднаберу.

– Какого материала? – встрепенулась мама.

– Пуленепробиваемого!

Мама всплеснула руками, открыла рот, чтобы что-то сказать, но Манька ее перебила:

– Тетьнадь! К встрече с Настей нам надо уже сейчас готовиться.

– Это почему?

– Ну, мы же не станем ее в чем попало встречать? Она небось вся из себя нарядная придет! Вот и нам надо принарядиться в ответ. Пойдем. – Манька вцепилась в мамину руку и потянула ее в кабинет.

– Куда пойдем? – заупиралась мама.

– Помпоны мастерить! Нам надо четыре помпона сделать! Два помпона мне, а два – Нарке.

– Их вроде должно быть по два на каждой ноге, – встряла я.

– Конечно, два. – Манька обошла маму и уперлась руками ей в спину. – Ну пошли, Тетьнадь!

– Тогда получается, что нужно сделать восемь помпончиков. Каждой по четыре.

– Как это по четыре? Ну да, по четыре! Тетьнадь, восемь помпончиков! – взвывала Манька.

– Вы же не отстанете от меня, так? – вздохнула мама.

– Так! – хором отозвались мы.

– Ну ладно, пойдемте мастерить помпончики.

И мы пошли в кабинет. Придавать своему провинциальному экстерьеру неповторимый городской лоск.

Глава 10

Манюня готовится к встрече с московской незнакомкой, или Погоны нашей Каринки

Мастерить помпончики оказалось очень увлекательным занятием. Сначала мы долго ковырялись в мотках ниток, потому что не могли решить, какого цвета будут наши помпончики. После кровопролитных дебатов остановили свой выбор на желтом. Мама вырезала из картона два бублика и велела нам с Манькой хорошо обмотать их нитью. Чтобы равномерно и со всех сторон. Потом под ее неустанным контролем мы прошли иголкой по внутренней стороне картонного «бублика» и завязали намотанную нить в аккуратный узелок. А внешний край осторожно обрезаем маникюрными ножницами. Обхватили у основания новым узелком, подровняли концы. Получился пышный и очень симпатичный помпончик «колокольчиком».

– Вот и замечательно, – удовлетворенно кивнула мама, – дальше вы сами справитесь. А мне готовить надо.

И ушла на кухню.

Если бы не завтрашний визит московской незнакомки, мы бы, конечно, быстро забросили возню с нитками. Один помпон на двоих тоже неплохо, можно носить его по очереди, приколов булавкой к груди, например. Я даже готова была уступить его Маньке в единоличное пользование, но сделать это она мне не дала.

– Нарка, не говори глупостей, – рассердилась Манюня, – нам надо выглядеть завтра принцессами. Чтобы это.

– Чтобы что?

– Ну, чтобы лицо в грязь не уронить.

– Может, лицом в грязь не ударить? – фыркнула Каринка.

– А ты вообще помолчи! – рассердилась Манька. – Ты бы лучше раздумывала над материалом для своего бронежилета!

– А что раздумывать, я уже знаю, из чего надо смастерить бронежилет.

– Из чего?

– Как из чего? Из жилета.

И Каринка побежала в нашу спальню. Какое-то время оттуда раздавались звуки битвы со шкафом – шерудел в замочной скважине ключ, клацали вешалки. Затем хрястнула дверца. Мы с Манькой переглянулись. Не оторвалась – и на том спасибо. Тут прибежала Каринка с загадочными глазами и жилетом под мышкой. Жилет ей связала мама – зеленый, с красным накладным кармашком. К этому жилету прилагались брюки, тоже зеленые, правда, их мама не связала, а сшила. Но брюки давно почили в бозе – Каринка сгубила их одним прекрасным осенним днем, когда на маршруте «дом – художественная школа» остановилась подразнить незнакомого волкодава. Незнакомый волкодав никого не трогал, сидел в тени своей огромной конуры, скучал в пространство. Имел обманчиво пристегнутый вид. Каринка наметила длину цепи, накинула сверху на всякий пожарный еще метр, встала на безопасном расстоянии и принялась дружелюбно кидаться в волкодава разной мелочью растительного происхождения – сучьями, опилками, всякой другой ерундой. Волкодав, в отличие от нас, плохо знал Каринку, поэтому счел ее измывательства не признаком особого расположения, а наглой попыткой напроситься на нагоняй. Какое-то время он, конечно же, терпел, но потом рванул с места и в два прыжка достиг Каринки.

Сестра в тот день поставила мировой рекорд по спринту, спурту и прочим видам скоростных видов бега с преодолением препятствий на нестандартных расстояниях. Почему

нестандартных – потому что стандартным ее прыжок через забор и приземление в густые кусты колючей ежевики при всем желании не назовешь.

Волкодав почему-то остался за забором, а Каринка потом долго выпутывалась из ежевики. Вернулась домой довольная, вся в синтепоновых клочьях и ошметках от куртки и зеленых брюк. Уцелел только жилет, и то благодаря куртке. Ну и колготки благодаря брюкам остались невредимы.

Когда дети нашего двора увидели, в каком виде возвращается Каринка, они построились тевтонской «свиньей» и повели ее домой. Во-первых, чтобы отенить ее расхристаный вид, а во-вторых, понаблюдать за выражением лица мамы.

К сожалению, я застала только отголоски мамино выражения лица, потому что была на занятии по фортепиано. Когда вернулась через два часа, скандал уже отгремел, сестра раздумывала над своим поведением в спальне, а мама страдала на диване с клочком красной нитки на дергающемся веке.

Достаточно было одного взгляда на мамино веко, чтобы понять, что случилось что-то совсем уж экстраординарное. Дело в том, что это был метод нашей бабули – скатывать из красной нитки шарик и прикладывать к веку. Потому что дергающееся веко – признак сглаза. Так в Архангельской губернии, откуда наша бабулечка родом, издревле боролись с бесом и его происками. Мама всегда смеялась над суевериями и говорила, что это пережитки темного прошлого. А тут взяла и сдалась. Видать, сильно прижало. Так и лежала, с ниткой на дергающемся веке, тихо стонала и бормотала что-то про грехи, за которые ей достался такой ребенок.

В память о знаменательном прыжке на спинке Каринкиного жилета осталась некрасивая зацепка. Сначала мама хотела перевязать жилет, но потом рассердилась:

– Зачем мне тратить время на перевязывание, если этот ребенок не ценит моего труда? – заявила она, отпоролла от своего старого пиджака карман и пришила там, где красовалась зацепка. Вот так на спинке Каринкиного жилета ни к селу ни к городу образовался карман. Сестра не унывает и хранит в этом кармане разную стратегического назначения мелочь – монеты, гвозди, магнит, несколько затупленных боров папиной бормашины. Ведет готовый к отпору образ жизни.

– Главное, – она расстелила на письменном столе жилет, – темно-зеленый, по цвету совсем как военный.

– Да, по цвету очень даже военный, – согласились мы с Манькой. – А как ты будешь ему пуленепробиваемость придавать?

– Легко. Мне нужны две крышки, такие, от железных кастрюль...

– Может, алюминиевых? – уточнила я.

– Алюминиевых, ага. Я их приделаю впереди, справа и слева.

– Как приделаешь?

– Ну... Можно крест-накрест пришить нитью, вот так и так, как ты думаешь, держаться будет?

– Будет.

– А еще мне нужен наш квадратный поднос из нержавеющей стали, чтобы сзади под спинку приделать. И фольга нужна.

– Фольга зачем? – встрепенулись мы с Манькой. Фольгу трогать ни в коем разе нельзя, она была жутко дефицитная, и доставали ее с большим боем. Мама с Ба наловчились пользоваться ею по нескольку раз – аккуратно, чтобы не помять, мыли под проточной водой, сушили в сушилке и хранили до следующей готовки.

– Мне немного надо, просто вырезать из картона погоны на плечи и обклеить фольгой. Пойду за материалом! – И сестра пришпорила в сторону кухни.

– Ты только у мамы попроси, фольгу без спроса не бери, – окликнула ее я.

– Думаешь, рассердится?

– Ба бы за такое, наверное, побила, – прошепелявила Манька – она перекусывала нитку, поэтому говорила невнятно, – точно бы побила!

– Ладно, спрошу.

Каринка вернулась через пять минут, загруженная кухонным скарбом и тарелкой с бутербродами.

– Мама передала. Сказала, чтобы всё съели. Скоро придет посмотреть, что у нас получилось.

– И фольги тебе дала?

– Угум. Так обрадовалась, что я не сама взяла, а попросила у нее, что отдала мне кусочек новой фольги.

– Непользованой? – встрепенулись мы с Манькой.

– Совсем новой!

Вот так, на удивление мирно переговариваясь, мы и готовились к завтрашнему визиту московской незнакомки. Мама осталась довольна нашими помпонами, только немного подровняла их. Мои помпоны мы пришили к гольфам, а Манькины убрали в пакет. Чтобы вечером Ба довела до ума ее гольфы. А потом мы всем миром любовались Каринкой. Каринка ходила в своем пуленепробиваемом жилете, растопыренная крышками и подносом из нержавеющей стали, бликовала погонями из фольги и имела вполне воинственный вид.

Думаю, моя сестра все-таки не совсем правильная девочка. Я не знаю ни одной другой девятилетней девочки, которая бы дразнила волкодава и ходила в пуленепробиваемом жилете. Или умела выражать свои горячие чувства только посредством побоев и прочих телесных повреждений. Наверное, наша Каринка – действительно из ряда вон выходящее явление. Не зря же Ба ее называет «Тунгусским метеоритом» и «Апокалипсисом сегодня».

Вот сейчас я об этом думаю, а в носу щиплет. От гордости за нашу семью. Потому что только нам повезло с такой выдающейся девочкой. Потому что второй такой Каринки во всем мире не сыскать. Еще бы. Еще одна такая Каринка – и участь человечества была бы решена не в пользу человечества. Определенно.

* * *

Утро следующего дня мы провели в лихорадочных приготовлениях – наводили марафет. Вскипятили бигуди, накрутили мне волосы. Попросили у мамы косметики, получили категорический отказ. Обиделись, но унывать не стали. Густо надушились туалетным освежителем воздуха «Лесные ягоды» и подвели глаза Каринкиным химическим карандашом. Подвели неумело, зигзагом. Зато хорошо обслюнявили карандаш. Чтобы макияж держался намертво.

Мама по достоинству оценила наш неземной вид – наорала и немедленно поволокла в ванную – умываться. Только неземной вид полностью смываться отказывался.

– Ну не пемзой же оттирать, – сокрушалась мама, намыливая то мое, то Манино лицо. Потом она какое-то время без зазрения совести смеялась в наши разношерстные глаза.

– Вот и ходите такие красивые, – всхлипывала она.

Но мы с Манькой обиженно заявили, что не желаем иметь неконкурентоспособный вид.

– Тетьнадь, неужели ты не понимаешь! – втолковывала маме Манька. – Хочется, чтоб московская девочка увидела нас красавицами!

– Красавицами так красавицами, – вздохнула мама, принесла свою косметичку и красиво обвела нам глаза сурьмой.

– А губы? – попросили мы.

– Не наклейте, – отрезала мама. – И зарубите себе на носу – еще раз увижу, что вы экспериментируете с химическим карандашом, накажу обеих. А лучше Ба на вас нажалуюсь. Ясно?

– Ясно!

Время до прихода гостей мы убивали как могли. Манька постоянно бегала в ванную комнату – обильно смачивать боевой чубчик. Боевой чубчик, хоть и был крепко зафиксирован многочисленными заколками, вел себя безобразно – немилосердно кудрявился во все стороны и портил «городской вид» хозяйки. Я щеголяла в голубом сарафане, Манька – в красивом синем комбинезоне, у обеих на гольфах весело подпрыгивали желтые помпончики. Каринка франтила в пуленепробиваемом жилете и шортах цвета хаки. Имела фальшиво праздничный, но в целом милитаристский вид. Гаянэ заплела свои густые волосы в коротенькую, смешно торчащую косу и не расставалась с бордовой сумочкой через плечо. И только Сонечке было безразлично наше лихорадочное ожидание. Сонечка в силу своих неполных двух лет ничего в городском лоске не понимала и топала по дому в надетой задом наперед и шиворот-навыворот маечке. Попытки переодеть майку пресекала громким ревом – нашей младшей сестре очень нравился красный ярлык на спинке маечки, и она желала лицезреть его исключительно у себя на груди. И нигде более.

Гости нагрянули ровно в два часа. Когда раздался звонок в дверь, мы кинулись гурьбой в прихожую. Но открывать не стали, выстроились в нарядную шеренгу, с правого фланга Гаянэ, потом Манька, потом Каринка с рогаткой наперевес. Замыкала праздничный караул я. Это был коварный стратегический ход – раскинуться цветущим букетом и сразить своим неотразимым видом столичную гостью наповал. Мама, вытирая руки кухонным полотенцем, аккуратно обошла нашу торжественную композицию и отворила дверь.

Мы вытянули шеи. На пороге стояла бабушка Заринэ. Из-за ее спины испуганно выглядывала кареглазая и круглощекая девочка.

– Здравствуй, Надя, – поздоровалась бабушка Заринэ. – Вот, пришли знакомиться с твоими девочками. Надеюсь, они подружатся с моей Настей.

Она подвинулась, уступая авансцену московской гостье.

– Здравствуйте, тетя Заринэ, – поздоровалась мама. – Здравствуй, Настенька.

– Здрасьти, – пискнула Настя и робко шагнула в прихожую.

– Вот, придела девочку во все наше, натуральное. А то привезли в каких-то дурацких нарядах, разве можно ребенка синтетикой мучить? – бухтела бабушка Заринэ, выдвигаясь следом за внучкой в прихожую.

Мы молча расступились, пропуская гостей. Московская девочка выглядела так, словно приехала к нам прямо из дремучего Средневековья – грубой вязки жакет, холщовая блузка на простеньких пуговицах, длинная юбка в клетку. На ногах – коричневые носочки. И только нарядные сандалии выдавали ее городское происхождение. Видимо, смастерить трехи⁹ для внучки бабушка Заринэ не успела.

– Накормила ее на ужин сали, напоила парным молоком. А ее с утра обсыпало! – Бабушка Заринэ погладила шершавой ладонью красные диатезные щечки внучки. – Вон что означает городской ребенок. На нормальную еду аллергия высыпает!

Настя смотрела на маму таким жалостливым взглядом, словно просила выкупить ее из рабства. Мама растерялась, зачем-то протерла девочке лицо кухонным полотенцем. Смешалась еще больше.

– Кхм. Настенька, детка. Знакомься. Это мои дочки. Самая высокая – Наринэ. В пуленепробиваемом жилете Каринка. С сумочкой через плечо Гаянэ. Самая маленькая – Сонечка.

⁹ Крестьянская обувь.

А это Маня, закадычный друг нашей семьи. Дети, идите поиграйте в детской, пока я на стол накрываю.

– Сали – очень тяжелая еда, – повела мама под локоток бабушку Заринэ в кухню. – Вот у девочки с непривычки и высыпало. Сейчас поищу в аптечке антиаллергенный препарат. А вам надо кормить ее щадящей пищей.

– Надя! Можно подумать, сали – это кавурма! Это же простое деревенское блюдо – слоеное бездрожжевое тесто на сливочном масле! Я же не стала его на топленом масле, как наши предки, готовить! Замесила тесто, раскатала, смазала маслом, сложила, снова раскатала, снова намазала маслом. И так восемь раз. Испекла на печке, посыпала сахарным песком. Я что-то не так сделала?

– Не знаю, тетя Заринэ, я не умею готовить сали.

– А кавурму умеешь?

– И кавурму не умею.

– Неправильная ты невестка, Надя, сразу видно, что городская девочка. Ничего из исконно нашего готовить не умеешь.

– Так кавурма вроде тюркское блюдо, разве нет?

– Какая разница? Пусть тюркское. Главное, что вкусно. И сытно. А ты не готовишь, ай-ай-ай! Не беда, я научу тебя делать кавурму. Весь секрет в правильном мясе. Нужно брать или говядину, или баранину. Если кто-то предложит тебе сделать кавурму из свинины – смело плюй ему в глаз. Он тебе добра не желает, это я тебе гарантирую!

– Пошли с нами, – шепнула я Насте, – или тебе интересно про рецепт кавурмы послушать?

– Пошли, – кивнула она. – Мне бы этот жакет снять, а то он даже через блузку чешется.

– Жакет чешется? – захихикала Манька.

– Ага, – захихикала в ответ наша гостья.

– А ты умеешь по-армянски говорить? – лязгнула жилетом Каринка.

– Нет.

– Если хочешь, я могу научить тебя бранным словам.

– Хочу, – важно кивнула Настя и потыкала Каринку пальцем в спину. – А зачем тебе такой гремящий жилет?

– Это не гремящий жилет, а пуленепробиваемый. От врагов.

– Хочу себе такой же!

Мы с Манькой настороженно переглянулись. Второго агрессора в наших рядах мы бы просто не пережили. Правда, наши страхи оказались беспочвенными, потому что Настя оказалась мировой девочкой. В меру шепутная, в меру любознательная. Если в первые часы знакомства она немного стеснялась нас, то к вечеру уже бегала, улюлюкая, по двору, лазала по деревьям и стреляла из Каринкиной рогатки. Потом мы лежали на пледе под ивой, и Настя рассказывала нам про далекую Москву. Про большой и шумный метрополитен, про кукольный театр Образцова, про цирк с клоунами и акробатами, про шоколадное мороженое в хрустальном вафельном стаканчике с кремовой розочкой, про Красную площадь. А мы в свою очередь рассказали ей про наш ДК, про цыган, которые ежемесячно разбивают свой табор на окраине нашего городка, про то, как стреляли в физрука, но, к сожалению, не попали. Про разные другие страсти рассказали, например – про озеро Цили с его двухголовыми змеями, про то, что если летучая мышь вцепится тебе в лицо, то уже не отцепится никогда.

Насте так понравились наши страшилки, что она изъявила желание поселиться у нас дома. Бабушке Заринэ с большим трудом удалось увести ее к себе.

– Тетьнадь, завтра буду ровно в девять! – предупредила Настя, уже стоя в дверях, а потом, чуть подумав, добавила: – Можно, пожалуйста?

– Конечно, можно, – улыбнулась мама.

Московская гостья оказалась на удивление пунктуальной девочкой и в девять ноль-ноль следующего утра позвонила в нашу дверь. Правда, мы давно пребывали в полной боевой готовности, потому что ни свет ни заря примчалась Манька – будить нас к приходу Насти. А то на дворе раннее утро, вон, даже первые петухи кричат, а вы спите без задних ног! Так что к девяти часам мы много чего успели переделать – заправили постели, умылись, почистили зубы, позавтракали. И даже в пылу дискуссии чем еще заняться немного подрались. Принять более масштабные габариты драка не успела – в дверь позвонили.

– Я сказала бабушке, что если она будет заставлять меня надевать эти ужасные одежды, то я переселюсь к вам! – заявила с порога Настя и повертелась, чтобы мы оценили ее нарядное платье.

– Красота какая! – поцокали языком мы. – А она чего?

– Кто она?

– Бабушка.

– А! Она ничего. Согласилась. Куда пойдем сегодня гулять?

Мы крепко задумались. Берд, конечно, не Москва. Поэтому достопримечательностей раз-два – и обчелся. Имеется краеведческий музей, но он уже два месяца как на ремонте. Атракционов у нас, к сожалению, не наблюдается. На макушке холма, где расположен квартал Соран, раскинулся красивый парк. Только никто там не гуляет. Да и какой интерес в парке, если кругом, куда ни глянь, сплошные леса. Поэтому деревьями бердцев не удивить. Но, может, нашей гостье будет интересно там погулять?

– Неа, – покачала головой Настя, – в Москве мы живем рядом с Ботаническим садом, так что меня тоже деревьями не удивить.

– А давайте сходим на развалины крепости, – предложила Каринка.

– Заодно искупаемся в речке! – подпрыгнула Манька.

– А давайте! – подхватили мы с Настей.

Мама собрала нам припасов для перекуса – бутерброды с сыром и колбасой, помидоры-огурцы, немного фруктов, печенье. Все это она аккуратно сложила в линялый и мятый от частого мытья полиэтиленовый пакет. Новый пакет доверять нам не стала – новые пакеты были наперечет, да и щеголяли с ними только взрослые, ведь нарядным полиэтиленовым пакетом легко можно облагородить любой унылый советский экстерьер!

Старая крепость пришлась Насте по душе. Я бы даже сказала, что чрезвычайно пришлась по душе, – заметив вдали ее развалины, она сначала встала как вкопанная, потом издала восторженный клич и рванула с места, сверкая на лету пятками. Мы какое-то время, разинув рты, наблюдали, как стремительно удаляется в голубые дали наша московская гостья.

– Чего это она? – промычала Манька.

– Догонять надо. Там разберемся, – скомандовала Каринка и рванула следом.

Мы с Манькой пришпорили, путаясь в пакетах, – я прижимала к груди припасы, а Манька – полотенца, на которых мы планировали поваляться после купания в речке. Потерять из виду Настю мы не боялись – ориентировались на пыль столбом, которая клубилась по маршруту ее движения.

Догнали мы нашу московскую гостью уже в крепости – резво цепляясь за выступы, она взобралась на наружную стену и, раскинув в стороны руки, стояла на самом краю, подставив лицо утреннему солнцу.

– Здесь так тихо, только ветер слышно, – крикнула она нам сверху.

– Потому что ветер – хозяин высоты, – отозвались мы словами Ба.

– Сейчас послушаем эхо. Э-э-э-э-э-эй, хозяин высоты! – прокричала Настя.

На ее крик миготом отозвалась вся живность со дворов соседнего холма – залаяли собаки, загоготали гуси, закричали петухи, замычали коровы.

– А-а-а-а-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!!! – крикнула Настя.

Живность с готовностью откликнулась новым оглушительным гвалтом.

– Все равно перекричу вас, – топнула ногой Настя, уперла руки в боки и завела в соседний холм: – Ох, какая же ты близкая и ласковая / альпинистка моя, скалльлльлолазка моя! / Каждый раз меня по трещинам выискивая, / Ты бранила меня, альпинистка моя!

Соседний холм, пронзенный в самое сердце оригинальным исполнением песни Высоцкого, несколько секунд хранил гробовое молчание. Мы даже успели схватить за хвост настоящее эхо. «Ая-ая-ая», – выводило оно детским альтом.

Потом животные пришли в себя и отозвались такой зубодробительной какофонией, что, если бы еще чуть поднажали – вызвали бы смерч и цунами.

Настя обернулась к нам.

– Чего вы внизу стоите? Поднимайтесь.

– А чего мы там не видели? – отмахнулись мы. – Пойдем лучше в речке искупаемся!

– Ну пожалуйста! Только на минуточку!

Мы побросали припасы и резво вскарабкались наверх.

Постояли, балансируя на самом краю, потихонечку свыкаясь с потрясающей картиной – серебристой змейкой речки у подножия холма, утопающим во фруктовых садах Бердом, пронзительно-синими небесами. Быстренько рассказали Насте, что где в нашем городке находится. Если обернуться, то у восточного подножия холма, на маленьком пятчке среди аккуратных виноградников, можно увидеть трехэтажное здание из розового туфа. Это релейный завод, там работает дядя Миша. А если повернуть голову налево, то на макушке соседнего холма можно разглядеть двухкорпусное здание из желтого туфа. Это больница, там работает наш папа. А во-о-он там, на перекрестке трех дорог, стоит каменное трехэтажное здание – это Бердская средняя школа номер два, там учимся мы с Каринкой. А еще там работает наша мама. Манина школа называется Бердская средняя школа номер три, ее отсюда не видать, она на макушке третьего холма, который вот за этим, с больницей.

– А почему вы не в одной школе учитесь? – любопытствовала Настя.

– Манина школа – самая новая и самая большая, мы бы с радостью там учились, но мама работает во второй школе, вот и мы учимся там, – терпеливо объяснили мы.

– А что, обязательно учиться в той школе, где работает мама?

– Ну, – замаялась я и покосилась на Каринку, – в нашем случае обязательно. Чтобы мы постоянно были у нее на виду и чего-нибудь не вытворили.

– Ага, теперь я про вас почти все знаю, – удовлетворенно потерла руки Настя. – А сейчас знаете что вы будете делать? Сейчас вы будете со мной «Скалолазку» петь!

– Какую «Скалолазку»?

– Это песня такая. Известная. Не помню, как певца зовут.

– Не знаем мы такой песни.

– Совсем не знаете?

– Совсем.

– Тогда давайте я буду петь по строчке, а вы следом будете повторять то «скалльлльлльлолазка моя», то «аллльлльлльлльпинисточка моя»! Нам надо животных перекричать. Ну как?

Вообще с первого раза мы мало что понимаем. Нам можно по восемь раз повторять «иди, сделай уроки» или «убери за собой со стола». Вроде слова мы слышим и даже в смысл вникаем. Но на свой счет отнести этот смысл не умеем. Посему периодически напрашиваемся на нагоняй.

Однако есть вещи, которые мы схватываем буквально на лету. Чаще всего это вещи, которые категорически не по душе взрослым. Непонятно, как оно так выходит, но угодить родителям у нас получается в тысячу раз реже, чем подсуропить им. Поэтому ничего уди-

вительного, что второй раз просить нас перекричать живность Насте не пришлось. Мы с готовностью набрали полные мехи воздуха и завели такой нечеловеческий ор, что содрогнулись все соседние холмы.

– Я спросил тебя: зачем идете в горы вы? – орала Настя.

– Скаллллллллолллллллзлазка моя! – вторили мы. – Скаллллллллолллллллзлазочка!

– А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой...

– Алллллллллллллльпинистка моя! Алллллллллллльпинисточка!

Живность с холма напротив билась в несусветном раже. Собаки выворачивались наизнанку от бешеного лая, мычали коровы, мемекали козы, хрюкали свиньи. Казалось – еще немного, и холм добровольно выдерется с корнем и ляжет на какой-нибудь дальний, безвозвратный курс. Мы так распалились в попытке перекричать взбесившихся животных, что не сразу обратили внимание на какой-то посторонний, но очень знакомый звук.

– Мария!

– А потом, за эти проклятые трещины...

– Дети! Маня!

– Скаллллллллолллллллзлазка моя! Скаллллллллолллллллзлазочка!

– МАРИЯ!

Мы резко обернулись.

Под крепостной стеной, близоруко щурясь и бликуя на солнце очками, стоял дядя Миша. Несмотря на невыигрышное место дислокации, вид он имел такой, что мы молча потопали вниз. Пока мы с виноватым видом строились перед дядей Мишей в понурую шеренгу, живность с соседнего холма продолжала биться в истерике, и только через минутувторую, тяжело отлаиваясь и отхрюкиваясь, начала притихать.

– Что тут происходит? – Дядя Миша навис над нами грозовой тучей.

– Здравсьти, Дядьмиш! – попытались отвлечь его вежливым приветствием мы.

– Ничего себе «здравсьти»! Я вас спрашиваю – что тут происходит? Это надо было такой шум поднять, чтобы я в своем кабинета его услышал и примчался утихомиривать вас?

– Мы «Скалолазку» поем, – пискнула Настя. – Высоцкого. Во, от страха вспомнила фамилию певца.

– Это называется петь?

– Пап, мы хотели живность перекричать, – вступила Манька.

– Зачем?!

– Чтоб эхо услышать.

Дядя Миша какое-то время глядел на нас вытаращенными от изумления глазами. Потом начал смешно приседать и хлопать себя по бокам. Если бы он это делал с улыбкой, мы бы расхохотались, но он выдавал эти свои телодвижения с таким свирепым лицом, что мы смотрели на него молча.

Через минуту он все-таки перестал приседать, побагровел лицом и устроил нам настоящую головомойку в лучших традициях Ба. Правда, до лексикона Ба ему было далеко, поэтому мы периодически подсказывали ему правильные слова. Дядя Миша подхватывал их и распекал нас дальше. Так что благодаря нашим подсказкам его воспитательная речь обогатилась словами «азраилы», «аспиды», «иблисы» и «дегенератки».

Вдоволь выговорившись, он загрузился припасами и погнал нас вниз – к речке. Постелил на берегу полотенца, разложил на скатерти бутерброды, проследил, чтобы мы всё съели, и, грозно рыкнув на прощание, ушел обратно на релейный завод – медитировать в очередное свое открытие.

– Па, а как ты нас из окна разглядел? – крикнула ему в спину Манька.

– В бинокль, – буркнул дядя Миша.

– У тебя в кабинете есть бинокль?

– Нет. У заводского сторожа взял. Смотрите у меня!

– Смотрим, смотрим!

Остальное утро мы провели просто замечательно. Сначала плавали в речке, мы – в купальниках, а Каринка – при полном боевом обмундировании – в жилете и с двумя рогатками наперевес. Объяснила она это тем, что нужно тренироваться на случай диверсии с вражеской стороны. Потом мы загорали на солнышке и Настя рассказывала про своего папу. Оказалось, что дядя Юрик работает в месте с таинственным названием «Петровка». В этой Петровке работают все следователи Москвы. Расследуют такие опасные дела, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Да ну эту Америку, пойду на Петровку работать, – лязгнула из-под сохнувшего бронжилета Каринка. Картонные погоны пали в воде смертью храбрых, поэтому сестра сейчас сосредоточенно оттирала их ошметки с жилета и раздумывала, из чего бы такого сделать погоны, чтобы они переносили любые погодные условия.

– Хорошо переносит влагу камень, – важно задвигала бровями я.

Каринка вынырнула из-под жилета и постучала себя по лбу:

– Ты вообще соображаешь, что говоришь?

– А железо? – пошла на уступки я.

– Железо – это идея. Ладно, посмотрим, – шмыгнула носом сестра.

Вдоволь позагорав, мы вдруг резко проголодались, взяли штурмом соседний виноградник и, отчаянно гримасничая, сожрали целый куст незрелого, обработанного от вредителей каким-то пахучим химикатом винограда. Настя плакала от такого вселенского счастья и приговаривала, что в Москве ничего подобного в жизни бы с ней не приключилось. Чтобы прямо с куста! Грязными руками! Есть немый виноград!

– Вот, тут даже какая-то птичья какашка, – ткнула она пальцем в белую кляксу, – есть или не надо?

– Ты чего? Не надо! – зашикали на нее мы.

– А то мало ли, – вздохнула Настя.

Потом мы пошли на релейный завод – представлять нашу московскую гостью дяде Мише. А то наорать-то он на нее наорал, а по-человечески познакомиться не успел.

Застали мы дядю Мишу с телефонной трубкой у уха – мама просила его сходить на речку и посмотреть, как мы там, а то давно уже пора возвращаться на обед, а нас все нет и нет.

– Надя, они у меня, – успокоил ее дядя Миша, – сейчас мне на перерыв уезжать, так что забери их с собой. Пусть у нас пообедают.

Потом мы весело ехали на Васе к Маньке домой, и Настя, высоко подпрыгивая на деревянной лавке от немилосердной тряски, ахала, что никогда в жизни не видела такой замечательной машины – чтобы страшная снаружи и гремучая внутри.

Ба встретила нас, запаренная готовкой, и погнала обедать. Обедали мы под неустанный рассказ Насти про Петровку и Москву. Ба благосклонно внимала гостье – Настя оказалась правильной девочкой, спрашивала разрешения помыть руки и сесть за стол, благодарила за первое и второе. А под конец махнула рукой на манеры, протерла горбушкой тарелку, собирая остатки жаркого и пюре, чем окончательно снискала расположение Ба. Правда, от добавки отказалась.

– В жару много есть нельзя, – заметила она резонно, – и потом, я сейчас домой вернусь, а там небось бабушка Заринэ меня с обедом ждет. Не могу же я ее отказом обидеть!

– Какая золотая девочка! – всплеснула руками Ба и осуждающе уставилась на нас. Мы молча протерли горбушками свои тарелки.

– То-то! – хмыкнула Ба.

Потом зазвонил телефон, и она побежала отвечать. Какое-то время ахала в трубку.

– Мам, что там случилось? – крикнул дядя Миша.

– Звонила Рая. Сегодня какие-то дети довели до истерики всю живность их квартала.

– Так. – Дядя Миша кинул на нас многозначительный взгляд. Мы покрылись мурашками. Ба, не замечая наших каменных лиц, продолжала рассказывать:

– Помнишь, какой у Раи был красивый петух? Прямо не петух, а настоящий прости-господи. Всех окрестных кур терроризировал. Бабник!

Тут Ба уставилась своим фирменным немигающим взглядом на сына.

– Та-а-а-ак! – собрался дядя Миша.

– Умер от разрыва сердца. Орал-надрывался на шум, и вот. Знать бы, кто были эти изверги, которые животных дразнили, и повыдергивать им ноги! Мария, вы же на речке были, неужели ничего не слышали?

– Ничего не слышали, Ба, мы вверх по течению пошли, в сторону дальнего ельника. Чтобы подальше от дороги, – зачастила Манька.

– Кхм, – отозвался дядя Миша.

– Ба, а зачем ты петуха назвала «прости-господи»? – встряла я.

– Это вы уже у Миши спрашивайте, – хмыкнула Ба. – Да, Мойше? Видишь, что случается с неразборчивыми бабниками?

– Мамеле, ты опять за свое? – рассердился дядя Миша. – Хоть бы при гостях не выражалась!

– Да разве я выражаюсь? Я на-ме-ка-ю. Ясно? – Ба посмотрела на нас поверх своих больших очков и весело подмигнула.

Мы подобострастно захихикали в ответ. Выбрались из-за стола, поблагодарили за вкусный обед и потрусили к выходу, малодушно оставляя дядю Мишу на растерзание. Главное было унести сейчас ноги, пока Ба не вычислила, кто на самом деле виноват в гибели петуха тети Раи.

Провожали мы Настю до самого ее дома. Правда, во двор заходить не стали, побоялись, что бабушка Заринэ заставит нас по второму кругу обедать.

– Я к вам вечером загляну, – обещала Настя.

– Хорошо, – кивнули мы и пошли прогулочным шагом домой. По дороге заглянули к папе на работу – просто поздороваться. Застали волнующий момент многоборья – папа бегал по кабинету за какой-то тетенькой, пытаясь усадить ее в кресло, чтобы сделать обезболива-

ющий укол. Муж тетеньки в позе вратаря стоял в дверях кабинета – ловить ее на случай, если она попытается вырваться на свободу и ускакать восвояси.

– Ого, придется и нам, видимо, эту тетеньку ловить, – оживилась Каринка.

Но ловить тетеньку не пришлось. Почему-то при виде нас она успокоилась и дала сделать себе укол. Пока она ждала, когда подействует анестезия, Манька забавляла ее разными рассказами про то, как она любит ходить по врачам.

– Особенно люблю, когда делают рентген. Раз – и можно увидеть, какой у тебя скелет. Обязательно попробуйте, вам понравится! Вы, например, знаете, как выглядит ваш таз? – любопытствовала она.

Тетенька смеялась так вдохновенно, что даже не заметила, как папа удалил ей зуб.

– Фух, – утер он пот со лба, когда пациентка, завернув в салфетку выданный зуб на память, попрощалась и ушла, – дети, просите чего хотите, вы меня сегодня крепко выручили!

– Пап, сделай мне железные погоны, – вспомнила о своем Каринка.

– Какие железные погоны? – поперхнулся папа.

– Ну такие, на плечи. Чтобы в воде не мокли. А то картонные испортились. И фольга пропала, потому что сильно помялась.

Папа побарабанил пальцами по столу.

– Пойдем в кабинет дяди Максима. Он у нас зубной техник, авось чего придумает.

– Из зубов погоны сделает? – обрадовалась Каринка.

Папа рассмеялся.

– Может, и из зубов.

Зубной техник дядя Максим встретил нас с распростертыми объятиями. Пряча улыбку в пышные усы, выслушал просьбу о железных погонах.

– Юрик Драстаматыч, как вы думаете, заслужила ваша дочка булатные погоны?

– Максим Иванович, думаю, заслужила. Да и выбора у нас, кроме как согласиться, нет. Или мы ей погоны, или она нам испортит месяц спокойной жизни.

– Это я легко могу, – подтвердила Каринка.

– Ладно, уговорила, – кивнул дядя Максим, – что-нибудь придумаю. Правда, погоны никогда не делал, поэтому не уверен, что они у меня получатся.

– Максим Иванович, вся надежда на вас! – сдвинул белоснежный колпак на затылок папа.

– Юрик Драстаматыч, обещаю, что сделаю все от меня зависящее!

Вечер мы провели в традиционном времяпрепровождении – расположившись под ивовым деревом, слушали рассказ Насти о Москве. Правда, теперь ее рассказ приобрел несколько трагический оттенок.

– Цирк – это, конечно же, хорошо, – вздыхала она, – но и покричать со стены крепости очень даже здорово. Шоколадное эскимо – это очень вкусно. Но и кислый виноград самое оно!

– Переезжай к нам, – предложили мы ей.

– Вряд ли папа с мамой согласятся, – грустила Настя, – и потом, в Москве моя близкая подруга живет, Танька Шаповалова. На кого я ее оставлю? Она же совсем слабенькая, только и делает, что на пианино играет. А если выйдет во двор, обязательно в какую-нибудь историю вляпается. То в яму провалится, то мячом по голове получит, то деньги потеряет!

– Много потеряет? – заволновались мы.

– Однажды вообще рубль потеряла! Железный, юбилейный.

– Сильно ей попало?

– Неа, ей вообще не попало. У нее родители очень мирные, никогда Таньку не ругают.

– А если она пожар устроит на кухне? Или унитаза половником забьет? – заволновались мы.

– А что? Вы уни-уни-таз половником заби-заби-вали? – стала заикаться Настя.

– Было дело, ага, – важно кивнули мы и принялись наперебой рассказывать Насте историю про унитаза, половник и поездку в Адлер¹⁰.

– Ну вы дай-о-о-о-о-о-оте! – вздыхала периодически Настя. – Ну вы ваще-е-е-е-е!

Окрыленные ее восторгами, мы много чего ей понарасказывали. И если бы не наступивший вечер и низко летающие над нами летучие мыши, мы бы вообще не останавливались. Но их лихорадочный полет мигом разогнал нас по домам. Еще бы, кому охота всю оставшуюся жизнь ходить с противной летучей мышью на лице? Никому!

– Буду завтра, в девять ноль-ноль, – снова крикнула нам на прощание Настя.

– Значит, надо будет будильник на шесть поставить, – решила Манька.

– А чего это на шесть?

– Ну, пока проснусь, пока почищу зубы и прибегу к вам, как раз девять и будет!

– Ты сегодня у нас вообще в семь была.

– Да? Тогда поставлю будильник на шесть тридцать. Чтобы прийти к вам не слишком рано, но и не совсем поздно! В семь пятнадцать, например.

Гостила у нас Настя две недели. Уехала вся в слезах, обещала вернуться в следующем году.

– На все лето приеду, – предупредила она бабушку Заринэ.

Бабушка Заринэ была на седьмом небе от счастья. Набрала в дорогу много припасов, поехала с внучкой в Ереван – провожать ее на самолет. Настя должна была лететь в Москву с близким другом и коллегой дяди Юрика дядей Сергеем. Когда дядя Сергей увидел багаж Насти, чуть в обморок не грохнулся – шутка ли, пять двухлитровых банок кавурмы, корзина со свежайшими фруктами, а еще два чемодана домашних сладостей и прочей «правильной» деревенской еды!

– Куда, куда столько? – лепетал дядя Сергей.

– Фундук пусть первым делом съедят, – не обращая на его протесты внимания, инструктировала бабушка Заринэ, – а то он молочный, созреть не успел, поэтому лежать долго не будет.

Дядя Юрик потом отчитывал свою маму по телефону, мол, мам, ты хоть соображаешь что творишь, это же мой непосредственный начальник, следовательно номер один в Москве! А ты из него вьючное животное сделала!

– Можно подумать, у этого твоего начальника матери нет. Можно подумать, она себя как-то по-другому ведет! – встала руки в боки бабушка Заринэ. – Ты мне вот что скажи, фундук съели?

– Съели! – рявкнул дядя Юрик.

– Вот и молодцы!

Отъезд Насти мы очень переживали, потому что успели привыкнуть к ней. Своих в доску девочек в этом мире очень мало, поэтому, если уж попадается какой-нибудь один экземпляр, отпускать его от себя не хочется.

Особенно переживала Каринка. Потому что Настя не успела оценить ее обновленный бронжилет. Дядя Максим сдержал свое слово и смастерил Каринке булатные погоны. Они были не шибко гладкие и вообще неправильной формы, но оказались вполне себе блестящие, с дырочками по краям, чтобы легче было пришивать их к жилету.

Дядя Миша остаться равнодушным к такой красоте не смог и сделал на релейном заводе специальные накладки. И мама, наконец, получила обратно свой поднос и кастрюльные крышки.

¹⁰ Обо всех этих захватывающих дух событиях рассказано в книге «Манюня».

Каринка теперь ходит вся из себя довольная, бронированная, как настоящий тамплиер. Недавно задумалась над шлемом. Выпросила у Ба глубокий эмалированный тазик, а потом прилипла баннным листом к дяде Мише – убеждает его просверлить в тазике правильные отверстия для глаз и приделать шнурки, чтобы можно было завязывать их под подбородком.

– Тогда шлем будет держаться намертво, и моя голова выдержит удар молотом, – мечтательно выговаривает Каринка.

– Каким молотом? – пугается дядя Миша.

– Большим!

Мы с Манькой в Каринкины переговоры не вмешиваемся. Мы-то понимаем, к чему такие приготовления. Скоро из Кисловодска возвращается Рубик, вот сестра и готовится к незабываемой встрече с ним.

Посему у нас к вам обращение. Пожалуйста, передайте кто-нибудь Рубику, чтобы он не возвращался. А то тут его Каринка ждет. В шлеме из тазика и в бронированном жилете с булатными погонами. С карманом, набитым железными гайками, на спине. Он небось жить хочет, этот Рубик. Вот пусть и сидит безвылазно в Кисловодске. Иначе мы за нашу Каринку не отвечаем. (Подумав.) Да и за себя тоже не отвечаем.

Мы вообще безответственные дети. Оказывается.

Глава 11

Манюня спешит на выручку, или Подарок для тети Кира

Медсестру, которая долгие годы преданно ассистирует папе, зовут тетя Кира. Мама говорит, что тете Кире надо памятник поставить, прямо перед входом в стоматологическое отделение. Потому что тетя Кира – героическая женщина. Не каждой медсестре по плечу работать в творческом тандеме с таким грозоточивым человеком, как наш папа. Это надо же быть таким хорошим и чутким специалистом, чтобы: а) по форме изогнутой брови определить, какой инструмент нужно передать доктору, б) служить амортизатором между ним и истеричными пациентками, в) головой отвечать за постоянную готовность операционной, д) без отрыва от «производства» одновременно находиться в разных концах отделения. И самое главное – отвечать за душевное спокойствие больных. Потому что хоть наш папа замечательный врач, и руки у него золотые, но чуткости в нем, как в охотничьем тесаке. То есть ноль. И с состраданием относиться к капризным пациентам он не умеет. – Да что с ними сюсюкать! – взрывается каждый раз папа. – Доводят дело до гнойного пульпита, и давай потом в кресле кочевряжиться! Нет чтобы вовремя к врачу пойти!

– Вот я и говорю, что Кире надо памятник поставить, – не унимается мама. – Она как голубь мира между вами реет.

– Между кем это между нами?

– Между тобой и твоими жертвами, ой, извини, больными.

– Женщина, ты понимаешь что говоришь? – оскорбляется папа. – Какие такие жертвы?

– Да шучу я, шучу! – отмахивается мама с таким выражением лица, что не очень и понятно, шутит она или нет.

Так как веры маминому выражению лица кот наплакал, папа, периодически озираясь на нее, какое-то время профилактически булькает, словно забытый на электроплите закипевший чайник.

– Кировабадци¹¹! – гундит он себе под нос. – Наказал Бог женой!

– А надо было мужем наказать, да? – язвительно вклинивается в его гундеж мама.

– Чего это мужем?

– Да ничего! Так просто, о птичках поговорить!

Тетю Киру любят не только взрослые. Дети тоже в ней души не чают. Но особенно ее любит Манька.

– Ах-ах! – закатывает она глаза каждый раз, когда разговор заходит о папиной медсестре. – Тетя Кира такая добрая, такая ласковая. Всегда конфеткой угостит. А еще она с утра до ночи работает с Дядьурой и видит, как он людям зубы выдирает! И на операциях много чего страшного видит! Это надо же, чтобы человеку так повезло!

– А ты становись стоматологом, и тоже каждый день будешь выдирать людям зубы! – как-то предложили мы ей.

– Не исключено, но вряд ли, – вздохнула Манька, – мне бы лучше мороженым торговать!

– Мороженым каждый дурак захочет торговать. А вот зубы выдирать не каждый дурак пойдет! – пожала плечом я.

Каринка захихикала:

¹¹ Так папа обычно называл маму в споре, когда ему больше нечем было крыть. Мама родом из Кировабада, а уроженки этого города всегда славились своей капризностью и неуживчивым нравом.

– Ты хочешь сказать, что наш папа дурак?

– Нет! Я хотела сказать...

Манька нетерпеливо махнула рукой:

– Нарка, это понятно, что ты хотела сказать. Но мороженым торговать ведь интереснее, чем зубы вырывать, так?

– Так, – кивнула я.

– Ну вот. Об этом я и говорю!

Тот факт, что мороженым торговать в миллион раз интереснее, чем зубы выдирать, ни в коем разе не умаляет Тетикириного светлого образа в наших глазах. Потому что тетя Кира – самый приветливый, добрый и отзывчивый человек на свете. И чаем угостит, и покажет, как инструменты стерилизуют, и, когда папа этого не видит, покатает нас в стоматологическом кресле. Чтобы поднять или опустить кресло, нужно надавливать на специальную педаль. Сидящий в кресле человек дотянуться до нее никак не может. Поэтому тетя Кира по очереди усаживает в кресло то Маньку, то Каринку и, резво надавливая на педаль, катает их вверх и вниз. Я наблюдаю этот аттракцион издали, потому что нет в мире силы, которая заставила бы меня добровольно сесть в стоматологическое кресло. А если даже такая сила и существует, то ей придется мобилизовать все свои резервы, чтобы до этого кресла меня доволочь. Уж не знаю, откуда во мне столько страха, но любой поход к врачу я превращаю в такое светопреставление, что самой потом совестно. Но это потом, когда тебя уже привели домой, и ты, не в силах больше плакать, тихо икаешь в угол, куда тебя поставили за «примерное» поведение. Честно говоря, я плохо помню, что в кабинете врача творю. Судя по квадратным глазам медперсонала – что-то несусветное. И главное, откуда у меня силы берутся сопротивляться целому отделению, ума не приложу! Но факт остается фактом – ни одному работнику нашей поликлиники еще не удалось меня по-человечески осмотреть. Только ухо-горло-носу тете Тамаре удалось. И то издали.

А Манька врачей совсем не боится. Тоже ненормальная, скажете? Как такое может быть, чтобы девочка не боялась врачей? Совсем не боялась? Ни капельки? Но вот ведь удивительная история – Манька действительно их не боится! Если бы не рамки приличия (то есть строгий запрет Ба), она каждый день, как на работу, ходила бы на прием в поликлинику. Притом она ведь не с визитом вежливости туда приходит! Она ведь напрашивается на разные процедуры – кровь из пальца сдать, может, какие еще анализы. К папе обязательно зайдет, а то мало ли, вдруг пришла пора несколько зубов запломбировать, а остальные вообще вырвать! Папа Маньку за такое трепетное отношение к своему организму очень хвалит и постоянно ставит мне в пример. А я в ответ обиженно соплю. Мне бы очень хотелось быть такой же бесстрашной, как моя подруга. Но у меня не получается.

Что касается нашей Каринки, то врачей она просто не замечает. Наверное, над Каринкой можно какие угодно медицинские эксперименты ставить, она даже ухом не поведет. А всё почему? А всё потому, что в кабинет врача Каринка приходит не за лечением, а за больничным оборудованием и прочими клещами... клешнями... в общем, страшными штуками. Поэтому, если она появляется в поликлинике, все врачи и медсестры баррикадируются в кабинетах и глаз не сводят со своих пинцетов и ланцетов. Ведь все отлично помнят, как однажды тетя Тамара опрометчиво оставила Каринку буквально на секундочку в кабинете, а потом недосчиталась ларингоскопа и каких-то специальных ножниц! Инструменты нашлись через неделю, когда мама меняла наше постельное белье. Обнаружив их под Каринкиным матрасом, она первым делом побежала выяснять у папы, что это такое. Папа мигом вычислил ларингоскоп, вспомнил, как тетя Тамара на пятиминутке жаловалась на пропажу инструментов...

– Твоя дочь снова умудрилась отличиться! – задымился он ушами.

– Почему это моя дочь? – встала руки в боки мама.

– А чья?

– Чья-чья! Ничья! То есть наша общая!

Так как «наша общая дочь» наотрез отказалась объяснять, зачем ей понадобились медицинские инструменты, думать над своим поведением ей пришлось дольше обычного – аж до самого обеда, целых три часа. За эти три часа Каринка разобрала и обратно собрала напольные часы, распорол край покрывала, посчитала все загогулины на шторах, начертила разные фигурки ребром пятикопеечной монеты на боковой панели шкафа. В довершение дел расковыряла нехилую лунку под батареей отопления, с далеко идущими планами расковыряла – под лаз. Мало ли, может, терпение родителей когда-нибудь закончится, и они запрут ее в спальне навсегда! А лавры узника замка Иф, четырнадцать лет просидевшего в осклизлых тюремных стенах, Каринку почему-то не прельщали. Поэтому она, во-первых, проковыряла лунку под лаз, а во-вторых, решила пойти на переговоры.

За обедом сестра заявила, что много чего передумала и теперь решила начать жизнь с чистого листа.

– Это как? – замерла с вилкой у рта мама.

– Пока не знаю как. Но про чистый лист точно решила.

– Ты хоть понимаешь, что означает это выражение?

– Понимаю. Не шалить. Никого не бить. Ничего не ломать... – Каринка тяжело вздохнула. – Так ведь со скуки умереть можно!

– Но другие дети ведь не умирают!

– Не умирают.

– Почему бы и тебе не попробовать?

– Попробую. Только, если у меня не получится, пеняйте на себя.

– То есть как это пеняйте на себя? – опешила мама.

– А вот так.

На кухне воцарилась такая тишина, что слышно было, как внизу, в квартире тети Маруси, кто-то страстно скребет ложкой дно тарелки.

– Мам, «пеняйте» от слова «пень», да? – решила вывести маму из оцепенения я.

– Что? – очнулась мама. – Какой пень? А! Нет. Это разные слова.

– В общем, все меня слышали, – вздохнула Каринка и выбралась из-за стола, – я буду очень стараться, вот прямо клянусь.

И сумбурно потыкала себя пальцами в грудь. Видимо, перекрестилась. Для остратки.

В тот день папа вернулся с работы сильно озабоченный.

– Оказывается, у Киры скоро юбилей. Двадцать пять лет работы в нашем отделении. Надо ей подарок купить.

Мама усадила мужа за стол, машинально завернула в лаваш брынзу с зеленью и вручила ему: – Ешь!

– Да я как бы сам могу, – рассмеялся папа.

– Фух, завертелась я тут с детьми, – заулыбалась мама и села напротив. – Так что же Кире дарить будем?

– Надо что-то знаковое. Дорогое. Давай чеканку подарим!

– Ты с ума сошел? Какая чеканка?

– Большая. Метр на метр. С изображением Арарата.

– Женщине! Чеканку! Ты бы лучше сразу ее уволил!

– Ну тогда сама придумай. Тебе лучше знать, что женщине дарить. Была бы Кира мужчиной...

– Ты бы подарил ей чеканку. Это мы уже слышали! Нет, тут надо что-то хорошее дарить. Дефицитное. Может, из одежды.

– Вот с Розой и решите, что ей подарить. А я умываю руки, – обрадовался папа.

– Так-так, – мама уже крутила диск телефона, – тетя Роза, здравствуйте, поговорить надо... У Киры скоро юбилей, двадцать пять лет работы в стоматологическом отделении. Что бы ей такое подарить? Ой, как хорошо, я как раз бисквит испекла! Всё, жду.

– Тетя Роза обещала на чай заглянуть. Так что не волнуйся, мы что-нибудь придумаем, – вернулась на кухню мама.

– Женщина, – резко заволновался папа, – придумывайте что-нибудь в пределах пятидесяти рублей. А то знаю я вас. Денег мало, в отделении всего восемь человек, скидываются по пять рублей!

– Так это получается сорок, а не пятьдесят?

– Мы с Максимом по десять рублей скидываемся.

Мама быстренько посчитала в уме, кивнула.

– Пятьдесят так пятьдесят. Налей себе компоту. Вон, кастрюля на плите стоит. Стой! Не двигайся! Я сама налью. А то снова придется пол на кухне протирать.

– Гхмптху.

– А чего это ты обижаешься? Забыл, как на той неделе суп разогревал? Я потом еле плиту оттерла.

– Хм!

– Вот тебе и хм! – Мама поставила перед папой стакан с яблочно-грушевым компотом. – На, пей.

– Нсвй влс!

– М?

– Говорю спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Клятва – дело такое. Незаживное. Коль уж поклялся, обратной дороги тебе нет. Правда, имеется легкое послабление – если человек прикусывает кончик языка или сплетает пальцы, то клятва теряет силу. Ну, это такое заведомое мошенничество, на которое хоть раз в жизни идет каждый уважающий себя советский ребенок. А то мало ли, может, родители приперли тебя к стенке и требуют контрольную по русскому языку на пять написать! А как ты можешь написать ее на пять, если подлежащее с прямым дополнением путаешь? Вот и приходится выкручиваться – язык прикусывать, ноги скрещивать. Ну или пальцы сплестать. В общем – выживать наобум.

К сожалению, никаких душеспасительных манипуляций наша Каринка себе не позволила. Поэтому после обеда ходила задумчивая и даже мрачная. Гремела бронежилетом. Горько вздыхала. Пинала встречные дворовые камушки. Камушки, весело отскакивая от ее туфель, с громким стуком вписывались в железные двери гаражей. Каринка на каждый громкий стук вяло шмыгала носом. Страдала.

Мы с Манькой молча плелись следом. Придумывали шепотом утешительные слова и тут же отметали их. Они казались нам мелкими и неубедительными. Не изобрело человечество таких слов, которыми можно веско успокоить нашу решившую встать на путь исправления Каринку. Мне было искренне жаль сестру. Потому что быть прилежной девочкой не каждому дано. А уж ей – подавно.

Кто знает, чем бы закончилась история с Каринкиным исправлением, не вернись в тот день из Кисловодска Рубик. Может, моя сестра превратилась бы во вторую мать Терезу и ушла в святые угодники навсегда. И родители ходили бы грудь колесом и только и делали, что принимали поздравления за столь чудесное превращение своей термоядерной дочери в нежную маргаритку. Но, видимо, нашей семье были уготованы несколько иные, тернистые маршруты, поэтому провидение выслало нам не белокрылого ангела, а гонца в лице Маринки из тридцать восьмой.

Гонец Маринка выскочила из-за крайнего гаража с таким выражением тела, что сразу стало ясно – случилось нечто несусветное.

– Берегись! – крикнула она и ринулась выписывать зигзаги по двору.

Не успели мы толком удивиться такому странному поведению нашей подруги, как следом за ней из-за гаража вылетела большая автомобильная шина и, подпрыгивая на неровном асфальте, покатила в нашу сторону. Мы отскочили к стене, пропуская ее. Шина благополучно просвистела мимо, проехала еще какое-то расстояние, запнулась о неровную крышку люка, отлетела в сторону и со всего размаха вцепилась в тощую дверь деревянной подсобки. Дверь всхлипнула, но с честью выдержала удар.

– Видали? – заорала Маринка. – Это все он!

– Кто он? – мигом собралась Каринка.

– Рубик! Вернуться не успел, а уже достаёт! – Маринка притормозила возле нас, громко хрюкнула, повела челюстью и сердито плюнула. Плевок повел себя по-идиотски – вместо того чтобы выстрелить тугой струей, жалко подпрыгнул и повис на подбородке. Маринка задрала подол юбки и виновато протерла слюни.

– Это я забегалась, дышать трудно, вот и не получается нормально плюнуть, – объяснила она свое фиаско. – А еще Рубик! Гоняется за мной и шинами швыряется!

– Ябеда-корябеда! – раздалось за нашими спинами.

Мы обернулись на голос и оцепенели. В пяти метрах от нас, в окружении вредных мальчиков Сережи и Завена, стоял кровный враг нашей Каринки Рубик. За два месяца отсутствия враг очень изменился – резко вытянулся и сильно загорел. А еще похудел и обзавелся колючиво-острыми локтями и коленками.

– Чего уставились? – крикнул Рубик и вразвалочку направился к шине.

– Достаёт меня! Ваше дурак! – забулькала Маринка.

– Слышь, ты, дурак! Ты чего это вернулся? – встала руки в боки Каринка.

– От дур-ры слышу, – беззлобно огрызнулся Рубик.

– Я сама видела, как их «Победа» во двор въезжала! – зачастила Маринка. – Тетя Лаура с дядей Хореном вещи наверх понесли, а этот не стал. Кинулся у меня шину отбирать!

– А откуда у тебя шина? – обернулась сестра к Маринке.

– Нашла! Во дворе девятиэтажки. Хорошая такая шина, хоть и дырявая. Ее выкинуть не успели, а я тут как тут. Сама до нашего двора волокла, через дорогу. Чуть под трактор не попала, но сдаваться не стала. Думала, мы с вами с горочки на ней прокатимся. А тут вернулся этот осел с ушами и отнял! И давай швыряться в меня!

Рубик Маринкину речь выслушал с удивительным хладнокровием. Даже на осла с ушами не отреагировал. Только коленку себе почесал. Громко так почесал, со значением.

– Все лето тренировался, – завел он разговор как бы сам с собой, – теперь умею на лопатки в два счета положить.

Сережа с Завеном гаденько захихикали.

– Жаль, каску не взяли, – шепнула я Маньке.

– Аха, – закручинилась она.

– И без каски справлюсь, – лязгнула бронежилетом Каринка.

Рубика лязг бронежилета сильно насторожил.

– А чего это у тебя в карманах?

– Это не в карманах. Это жилет такой. Военный.

– Рубик, тебе конец. – Манька обошла Каринку справа, обняла ее за плечо и выставила вперед ногу.

– Совсем конец! – Я обняла сестру за другое плечо и, сверяясь с Маней, симметрично выставила ногу.

Маринка какое-то время металась вокруг нас, потом пристроилась с моей стороны, привстала на цыпочки и облокотилась локтем о мое плечо:

– И шина наша!

– А вот фиг вам! – огрызнулся Рубик, поднял шину и прислонил ее к своей ноге.

– А вот фиг вам! – отозвались эхом Сережа с Завеном, обхватили за плечи Рубика и с вызовом уставились на нас.

– Спорим, что я всех вас поколочу? – дернул подбородком Рубик.

– Спорим, что у тебя ничего не получится? – мигом откликнулась Каринка.

– Спорим, что получится?

– Спорим. Только не здесь. А то взрослые вмешаются. Пойдем на стройку.

– Пойдем.

Мы двинулись в сторону недостроенной аптеки. Впереди, катя перед собой шину, шли мальчишки, следом, приобняв друг друга за плечи, вышагивали девочки. Было щекотно в лопатках и страшно на душе, но виду мы не подавали.

– Вы, главное, не вмешивайтесь, – инструктировала нас шепотом Каринка. – Я сама с ними справлюсь.

– Одна против троих? – кручинилась я.

– Можно подумать!

Здание аптеки уже практически возвели – первый и второй этажи были полностью доделаны, и даже крышу местами перекрыли. Внутри крепко пахло сыростью и цементом, да и грязи было хоть отбавляй. Но зато здесь можно было вдоволь выяснять отношения – ни один взрослый бы не вмешался.

Сначала мы выбирали место для драки. После недолгих пререканий остановили свой выбор на втором этаже – там было чище, да и света больше, чем на первом.

– Тут я вас и поколочу, – хмыкнул Рубик.

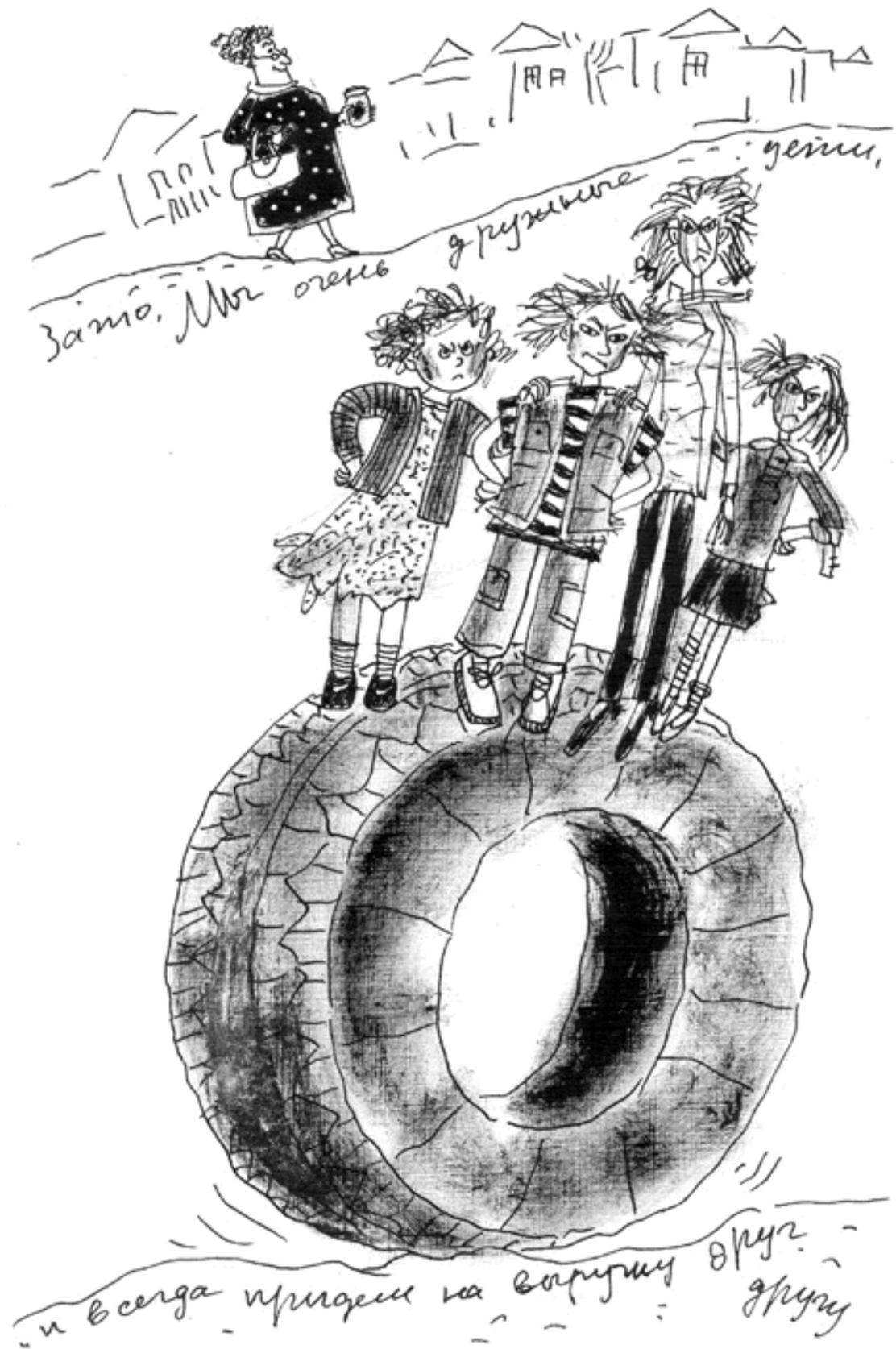
– Это мы еще посмотрим, кто кого поколотит, – не осталась в долгу Каринка.

– Тебя первой и поколочу, спорим?

– А чего спорить, когда и так все с тобой ясно? – закатала рукава Каринка и подалась вперед. Рубик среагировал молниеносно – резко наклонился и толкнул ей под ноги шину. Мы успели брызнуть в стороны, сестра попыталась перепрыгнуть, но зацепилась ногой за край шины и с высоты своего немалого роста рухнула на бетонный пол.

– У-у-у-у-у-у, – затопала ногами Маринка, – запрещенный прием!

Мы с Манькой кинулись на Рубика. Манька бегала быстрее меня, поэтому добралась до него первой и попыталась вцепиться ему в волосы. Рубик резво увернулся и ударил ее локтем в правый бок. Манька всхлипнула и согнулась пополам. Меня он уложил метким ударом в живот. Я взвыла от боли, но не растерялась и, падая, крепко вцепилась ему в футболку. Удержаться на ногах он не смог и рухнул на меня. Я повторно взвыла, лягнула его пребольно ногой и попыталась отползти в сторону. Правда, тщетно – Завен блокировал мне пути к отступлению.

– Я сейчас тебе... – зарычала Манюня, подлетела к Завену и ввинтилась головой ему в спину.

– Отцепись! – заорал Завен.

Тем временем Маринка ввязалась в рукопашную с Сережей – крепко зажмурившись и коротко взвизгивая, дубасила его по рукам.

– Плечо! – выкрикивала она периодически. – Вывихнешь плечо – Сурик тебя убьет.

– Да помню я про плечо, – пыхтел Сережа, с обезьяньей резвостью прыгал вокруг Маринки и с криками «иййиййяя» отвешивал ей звонкие подзатыльники.

Честно говоря, не будь с нами Каринки, мы бы давно уже кинулись врассыпную. Но мысль о том, что наш главный защитник сейчас поднимется и навалит обидчикам так, что мало не покажется, придавала нам сил и отчаянной уверенности в победе.

И Каринка, конечно же, не подкачала. Она прыгнула разъяренной тигрицей в эпицентр драки и за секунду раскидала всех. В том числе нас. Мы отнеслись к ее горячности с пониманием – в пылу драки очень сложно отличить своих от чужих. Поэтому, зализывая раны, молча отползли в сторону. Сережа с Завеном тоже отступили. На спине Завена, аккуратно между лопатками, алел большой круг со следами от зубов.

– А, – догадалась я, – вон что Манька с его спиной вытворяла. Откусить пыталась!

Тут раздался душераздирающий вопль Рубика – Каринка повалила его на живот и старалась оторвать ему ногу. Нога, к сожалению, была крепко приварена к туловищу, поэтому не отрывалась. Рубик выкрутился, опрокинул сестру на бок и принялся выворачивать ей руку. Каринка вырвалась, подпрыгнула и с размаху впечаталась бронежилетом Рубику в спину.

– А-а-а-а-а! – взвыли от боли оба.

– Карин, может, хватит? – заскулила я.

– Пусть он сам попросит, – прохрипела Каринка и попыталась оторвать Рубику руку. Но рука тоже была крепко приварена к телу и отрываться не хотела.

– Ладно, – выдохнул Рубик, – подрались, и нормально.

– Может, и нормально, – ослабила хватку Каринка, – но шина остается за нами.

– Очень нам нужна ваша шина! – огрызнулся Рубик.

– Вот и идите отсюда!

– А вы не командуйте!

– Не ваше это дело, хотим – и командуем!

– Пойдем, что ли, – дернул Рубика за рукав Сережа. – А то сейчас снова подеретесь.

Рубик глянул на него снизу вверх, но ничего не ответил. Молча поднялся и похромал вниз. Следом поплелись Сережа с Завеном, на спине Завена все так же алел след от Маниного укуса.

– И скажите спасибо, что мы вас стекловатой не натерли! – злорадно крикнула им вслед Маринка.

Мы дружно захихикали. Историю со стекловатой наши родители до сих пор вспоминают с содроганием. Прошлым летом Рубик опрометчиво затеял с Каринкой драку. Из-за сущего пустяка – не поделили коровью лепешку. Такое с провинциальными детьми иногда случается. Кругом пасутся стада коров, в частном секторе у каждого двора своя буренка, а лепешек все равно на всех не наберешься. Отсюда недопонимание и прочие телесные повреждения. Уступать никто не собирался, так что случилась драка. Притом драка такая, знаете ли, знатная. Про которую в книжках пишут «не на жизнь, а на смерть». И в пылу этой драки Каринка скрутила Рубика и натерла его стекловатой. Тут полагается написать «немая сцена», потому что знатоки стекловаты небось вздрогнули и покрылись мурашками. А если кто-то из вас не является знатоком стекловаты и не имеет представления, какие случаются последствия от контакта с ней, то считайте, что вам крупно повезло.

В общем, надругалась Каринка над Рубиком посредством куса стекловаты, и потом, когда драка утихла, они дружно чесались. И если у Каринки чесались только руки, то у Рубика немилосердно чесалось почти все тело. Руки, ноги, спина. И даже немножко голова. Рубик терпел-терпел, потом не вытерпел и побежал домой мыться. Увлёкся мытьем и крепко

натерся мочалкой. А натираться мочалкой ни в коем разе нельзя, потому что ты вгоняешь мелкие иголки стекловаты себе под кожу. А Рубик об этом не знал. И страдал потом от чесотки еще целую неделю.

Каринке тогда крупно влетело. Мама с папой лично ходили к родителям Рубика – извиняться. Правда, тетя Лаура с дядей Хореном сказали, что можно было и не извиняться, потому что буквально за неделю до этого Рубик покалечил дворник нашей «копейки» Генриетты. Просто так покалечил, из чистого интереса «оторвется или нет». И теперь папа ездил по городку с торчащим поперек капота дворником, потому что обратно он не складывался, а оторвать его с концами у папы рука не поднималась, он все надеялся, что в мастерской починят, и на новый дворник тратиться не придется. Так что у наших с Рубиком родителей на почве стекловаты вышла боевая ничья, и на том они радостно разошлись.

Когда мальчики скрылись из виду, мы попытались привести себя в порядок. Но тщетно – волосы всклокочены, пуговицы оторваны, одежда в каких-то жутких пятнах.

– Все равно нам влетит. Пойдем хоть на шине покатаемся, – махнула рукой Манька.

– Пойдем, – обрадовались мы и поволокли шину на пригорок. Правда, покататься так и не удалось, потому что только мы выползли со стройки, как навстречу нам выплыла Ба. Она шла по улице, вся такая благодушная, в красивом темном платье в мелкий горох, в светлых лодочках и с баночкой малинового варенья. Душа Ба пела – впереди приятный разговор за чашечкой крепкозаваренного чая с лимонным бисквитом изготовления моей мамы и ароматным вареньем. Душа Ба цвела и пахла – одно удовольствие придумывать подарок хорошему человеку, а в том, что Кира хороший человек, не сомневалась даже Ба!

И тут наперекор ее благостному расположению духа из недостроенной аптеки вырывает процессия. Состоящая из лопнувшей шины и жалких, насквозь пыльных, имеющих самое непосредственное отношение к ней детей. Конечно, при таком визуальном насилии от любого радостного пения и цветения и следов не останется!

Ба встала как вкопанная. Мы замерли напротив, предусмотрительно выставив перед собой шину. Чтобы, если что, она послужила смягчающим обстоятельством между нами и Ба.

– Вот, – подала голос Манька, – шину на стройке нашли, тащим выкидывать.

Ба пробулькала что-то нечленораздельное в ответ.

– Чивой?

– Девять, десять. Считаю про себя, чтобы сдержаться. Пошли, деточки.

– Куда? – попытались выиграть время мы.

– Домой. Чаю попьем. С вареньем.

– Бить будете, да? – высунулась вперед Маринка.

– Пусть тебя твои родители воспитывают. А с этими разговаривать буду я. Пошли!

Ба выполнила разворот через левое плечо и, чеканя шаг, направилась к нашему подъезду.

Мы отдали шину Маринке.

– Спрячь на стройке, – велела Каринка. – Сейчас нас немножко накажут, а завтра мы покатаемся с пригорка.

– Хорошо.

– Я долго буду вас ждать? – крикнула Ба.

Мы мелко потрусили к дому – впереди гремела жилетом Каринка, следом трепыхалась Манька, замыкала эстафету я. Ба сверлила нас своим колючим немигающим взглядом поверх очков. Пропустила вперед, пошла, бухтя, следом.

Это. Я что хотела в наше оправдание сказать. Хотя оправдания нам, конечно же, нет. Мы сами видим, как тяжело приходится маме, – обстирывать и обглаживать четверых детей

не просто сложно, а очень сложно. Плюс папа и его больничные халаты. Это же белые медицинские халаты, из капризного хлопка, который имеет обыкновение намертво срастаться с пятнами и расстается с ними с большой неохотой. У мамы практически каждый день стирка и глажка, и это не считая прочей работы по дому. А тут мы. Сушие вандалы. Что ни день, то новый подвиг. Накажи, проведи педагогическую работу. Никаких нервов не хватит. И главное, все бестолку! Дядя Миша вообще говорит, что наши головы работают навывлет, потому что в одно ухо влетает, а в другое беспрепятственно вылетает.

Может, всё так. Но я хотела в наше оправдание сказать. Зато мы очень дружные дети и всегда приходим на выручку друг другу. Вот как сегодня, например. Если бы драка была честной, один на один, мы вмешиваться не стали бы. Просто болели бы за Каринку. Но драка была нечестной, и наблюдать со стороны, как сестра дерется с тремя мальчиками, мы не могли. И, хоть знали, что по итогам боя шкуры спустят со всех, все равно вмешались. Потому что есть такое понятие, как взаимовыручка. И если в обычной жизни мы можем задирать друг друга, обзывать и даже драться, то перед лицом опасности всегда сплачиваемся. Не знаю, оправдывает нас это или нет, но за сегодняшнюю рукопашную мне не очень стыдно. Тем более что победа осталась за нами.

Ну а то, что нам влетело от взрослых, ничего страшного. Можно подумать! Ну наорали, ну поджопников отвесили, ну в ванную мыться погнали. Потом еще стирать заставили в воспитательных целях, и мы себе натерли знатные волдыри, пытаюсь смыть пятна с одежды.

– Надя, все равно придется перестирывать, – вздыхала Ба, рассматривая Каринкины шорты, – здесь мазут, а здесь вообще ржавчина, ее ничем не извести.

– Значит, будет с ржавыми пятнами ходить, где я ей новые шорты возьму? Я тебя спрашиваю, где? – обернулась мама к Каринке.

– В универмаге? – предположила Каринка.

– Ага! – мигом отозвалась Ба. – В универмаге продаются огромные байковые тумбаны, будешь в них щеголять?

– Не буду! – насупилась Каринка.

– Надо же! А я-то думала, что с радостью согласишься.

Потом мы подбирали одежду Маньке, а она привередничала – это ей мало, то наоборот велико, а это вообще без воланчиков! Итого она влезла в мое синее платье и недовольно бурчала – платье было ей совсем впрытик и смешно топорщилось складками на животе и боках.

После праведных трудов нас усадили пить чай с бисквитом, и мы, громко отхлебывая из блюдец, слушали дебаты Ба с мамой на тему того, что можно купить тете Кире в подарок.

Ба предлагала взять что-то полезное по дому и даже рвалась позвонить тете Фае, которая Жмайлик, чтобы та поговорила со своими знакомыми в «Посуде». А мама предлагала подобрать что-то из одежды, что-нибудь такое, что красиво оттеняло бы цвет Тетикириных глаз.

– А какого цвета у нее глаза? – полюбопытствовали мы.

Мама крепко задумалась.

– Вроде серые. Или вообще карие. Нет, черные. Кажется.

– А чего гадать? У Юрика уточним, – предложила Ба.

– Ахаха-а-а-а-а, – засмеялась мама, – Юрик в такие мелочи, как цвет глаз, никогда не вникает!

Тут как по заказу с работы вернулся папа, и мы высыпали в прихожую – выпрашивать у него цвет Тетикириных глаз. Папа какое-то время пытался честно вспомнить, а потом махнул рукой и начал юлить:

– Обычный у нее цвет глаз!

Но обтекаемыми ответами нас было не провести.

– Обычный – это какой? – потребовали уточнений мы.

– Как у всех! – отрезал папа. – Дайте мне переобуться, что вы над душой стоите?

– Вы спросите лучше, какого цвета у меня глаза, и отстаньте от него! – крикнула мама.

– А какого цвета у мамы глаза? – оживились мы.

Папа замер с тапками в руках.

– Какого? – спросил у нас заговорщицким шепотом.

– Зеленого, – пошутила Каринка.

– Конечно, зеленого, – возвестил в сторону кухни папа, – тринадцать лет живем вместе, я что, не знаю, какого цвета у моей жены глаза?

Мы покатались со смеху.

– Вот шлимазл, – высунулась в коридор Ба.

– Я же говорила, отстаньте от него, – выглянула следом мама.

– Пап, я пошутила, – прыснула Каринка, – у мамы карие глаза!

– Значит, и у Киры тоже карие – попытался увести разговор в сторону папа.

– Это с какой стати? – полюбопытствовала Ба.

– Мне так интуиция подсказывает!

– Я прошу прощения, зиселе, но в деревянном чурбане интуиции больше, чем в тебе!

Папа оскорбленно надул щеками:

– Я мужик, и у меня мозг! Понятно? Это у вас за неимением логического мышления одна интуиция! Женщины! Волос длинный, ум короткий!

– Ой, как страшно, ой, напуга-а-а-ал! – Ба тыльной стороной ладони утерла выступившие над верхней губой капельки пота и подняла трубку телефона. – Ты мне скажи, Кира дома или на дежурстве?

– На дежурстве.

– Диктуй номер. Я сейчас все у нее узнаю. Вы только не шумите.

Мы столпились вокруг Ба, задержали дыхание.

– Алё? Кира, дорогая? Здравствуй, это Роза Иосифовна... Которая Шац, ага... Я что спросить хотела. Ты синие блузки носишь? Чтобы нарядные и цвет твоих зеленых глаз подчеркивали? Ах, глаза у тебя карие... А я-то думала, что зеленые... Какие блузки? Нет, это я просто так спросила, чтобы разговор поддержать, хе-хе... Я что спросить хотела. Юрик уже уехал? Вот и хорошо. До свиданья.

Ба торжественно положила трубку, оставилась поверх очков на нас:

– По крайней мере, теперь мы знаем – глаза у Киры карие, и синей блузки у нее нет!

– Ну ты, Роза, даешь, – расхохотался папа. – Теперь Кира всю ночь будет думать, что это было.

– Чем, интересно, думать будет? У женщин ведь мозга нет! Одни волосы, – пошла в наступление Ба.

– Вот волосами и будет думать! – не дрогнул папа.

– Зиселе, не заставляй меня уточнять при детях, каким местом думаете вы, ясно?

– Мозгом! – рубанул ладонью по воздуху папа.

– Не смешите мои букли! – хмыкнула Ба.

Покататься с пригорка нам так и не удалось. На следующее утро Маринка пробралась на стройку, но оказалось, что рабочие нашли шину и приспособили ее под какие-то свои нужды. Скандалить с ними Маринка не решилась и ушла несолоно хлебавши. Зато Рубик недели три обходил нас большой дугой. Особенно после того, как Каринка прошла победным маршем по двору в своей новой каске. Каска представляла собой модифицированную и насквозь милитаризированную эмалированную миску в убедительный крапчатый окрас.

На темечке каски дядя Миша выбил устрашающий лозунг: «Смерть душманам». Учитывая ширину дуги, по какой Рубик обходил Каринку, лозунг он крепко принял на свой счет.

А мама с Ба вернулись от фарцовщика Тевоса невероятно довольные – купили тете Кире красивую кожаную сумку насыщенного шоколадного цвета. С застежкой под затемненное серебро и длинным съемным ремешком.

Сумка папе очень понравилась.

– О, коричневого цвета! – обрадовался он. – Удачно будет оттенять цвет ее карих глаз.

Мама с Ба потом долго смеялись, представляя, как тетя Кира ходит по нашему городку с шоколадной сумкой на голове. Чтобы удачно оттеняла цвет ее глаз.

Глава 12

Манюня, или Как дядя Миша романтичные маршруты по болотам прокладывал

– У каждого свои тараканы в голове. Но у этих разве тараканы? У этих настоящие динозавры! – Ба стояла на пороге нашей квартиры с таким видом, словно ее немножко ударило током, – вьющийся волос, выбившись из пучка, дыбился вокруг головы, ворот платья воинственно торчал вверх, и даже свисающая с локтя сумка, вопреки своему обычно флегматичному поведению, качалась, словно заправский маятник Фуко, туда-сюда. Ба умирляла движение сумки раздраженным жестом – дергала локтем и прижимала его плотно к боку. Сумка на секунду успокаивалась, а потом снова принималась за свое.

– Динозавры – это еще мягко сказано, тетя Роза! – посторонилась мама, пропуская гостью в дом. – Что Миша натворил?

– Ай, Надя, не спрашивай! Ай, Надя, он меня в гроб вгонит!

Ба скинула туфли, выудила из шкафчика с обувью домашние большие тапки, надела. Сдернула с локтя сумку, запулила ей в шкафчик, громко хлопнула дверцей.

– Сейчас тебе все расскажу, ты только чайник поставь. Руки вымою и все расскажу.

Мама, чутко прислушиваясь к звуку льющейся воды, воровато открыла дверцу обувного шкафчика, выудила оттуда сумку, быстро протерла ее первым попавшимся под руку шарфом и водрузила на комод. А потом припустила на кухню – ставить чайник.

Когда Ба вышла из ванной, на столе красовались большая пузатая сахарница с ее любимым твердым сахаром, черешневое варенье и вазочка с конфетами «Грильяж». Ба плюхнулась на угловой диванчик, выудила из вазочки конфету, развернула ее, потом снова завернула. Положила на краешек стола. Придвинулась впритык, полюбовалась черешневым вареньем, удовлетворенно хмыкнула – варенье золотилось на просвет, вкусно пахло сладким и корицей, а в каждой прозрачной ягоде можно было разглядеть орешек.

Черешневое варенье мамы – настоящая сказка. Правда, его готовка – долгий и кропотливый труд. Надо обжарить фундук, очистить от шелухи, разобрать на две половинки. Черешню нужно выбирать с умом – она должна быть белой, крупной и слегка незрелой, иначе развалится при варке. Специального приспособления для выковыривания косточек у мамы не было, поэтому она завела под эти нужды обычную шпильку для волос – поддевала круглым концом косточку и аккуратно удаляла её из ягоды. На место косточки быстренько вставляла жареный фундук. Заливала горячим сиропом, варила в три приема по пять минут с момента закипания. После каждой варки черешня отстаивалась ночь – думала. В последнюю варку в сироп добавлялась корица и сушеные лимонные корочки – совсем чуть-чуть, буквально несколько долек. Иногда, под настроение, мама могла положить две-три палочки гвоздики, правда, это случалось крайне редко, раз в сто лет. Гвоздику мама не очень жаловала и с большой неохотой пускала в ход. Хотя возни с ягодами требовалось неимоверное количество, а времени у мамы было в обрез, она каждый год обязательно выкраивала несколько часов для готовки черешневого варенья.

Ба вытащила из сахарницы щипчики и принялась остервенело колоть сахар. Мама молча заваривала чай – ждала, когда гостя сама разговорится. Ведь подгонять расстроенную Ба себе дороже – она может распалиться до такого состояния, что придется потом отпавать ее валерьянкой. Чайник шумно закипал на плите – мама сдернула его с огня буквально за секунду до того, как заверещал свисток. Залила крутым кипятком заварку, накрыла чайничек полотенцем. Вытащила темно-синие чашки с золотистой каемкой. Красиво сложила салфетки.

– Шлимазлы! – выдохнула Ба.

– А то! – поддакнула мама.

Наши женщины завели себе удивительную привычку – ругали мужчин «оптом». То есть не имело значения, кто именно отличился на этот раз, дядя Миша или папа. Любой проступок автоматически распространялся на обоих мужчин и обсуждался во множественном числе. Сегодняшний день, конечно же, исключением не стал. Поэтому Ба начала с традиционных «шлимазлов» и только потом перешла к конкретике. Притом сразу пошла с козыря:

– Повел ребенка в гости!

– Та-а-а-а-ак! – напряглась мама.

– Ну! А я что говорю? – Ба вытащила из кармана платок и протерла выступившие над верхней губой мелкие капельки пота. Сложила платок, но убирать в карман не стала. Накрыла им конфету, оставленную на краешке стола. Немножко подумала, украсила конструкцию салфеткой, а сверху припоровила кусочек сахара.

Мама следила за ее манипуляциями с нескрываемым беспокойством. Если Ба взялась выкладывать из подручных средств футуристические фигуры, значит, дело плохо. Значит, она не только рассержена, но и крепко расстроена.

– Тетя Роза, ну чего вы! – Она села рядом и обняла Ба за плечи.

– Надя-джан, я все понимаю. Не можешь по бабам не шляться – черт с тобой. Шляйся за счет своего здоровья. Но ребенка зачем впутывать?

– А к кому он ее повел?

– Вот! – резко выпрямилась Ба. – Вот видишь?

– Чего... вижу?

– Ты просто к своему вопросу прислушайся! «К кому он ее повел!»! Это со сколькими бабами надо одновременно встречаться, чтобы люди сидели и гадали, к которой из них ты повел свою дочь?

Мама смешалась. Дядю Мишу она искренне любила и ни в коем разе не хотела подливать масла в его изнуренные пылким материнским диктатом будни.

– Тетя Роза, – поспешила она исправить ситуацию, – вы меня не так поняли. Я имела в виду...

– Надя! – встопорщилась Ба. – Давай мы с тобой на этом берегу договоримся. Пока я в расстройстве, ты Мишу не выгораживаешь. Понятно?

– Понятно, – сдалась мама.

– Лучше чаю налей, небось заварился.

Пока мама разливала чай, Ба присовокупила к футуристической конструкции чайную ложку. Поддела указательным пальцем – она стала раскачиваться. Ба подставила ладонь, но ложка падать не собиралась, несколько раз качнулась и замерла на кусочке сахара.

– Тётя Роза, вот как оно у вас получается? – Мама села напротив, придвинула к себе чашку. – Вроде держится на честном слове, а падать не собирается.

– Во мне умер великий архитектор, Надя, вот как оно у меня получается! Мне надо было идти учиться на архитектурный. А я на филологический пошла.

– Зато благодаря филологическому образованию мы можем позволить себе перекидываться фразами на французском. Никто не понимает, зато нам хорошо, – хихикнула мама.

– Это да, – расплылась Ба в улыбке.

Она отпила большой глоток горячего чая, громко булькнула на глотке и уставилась на маму:

– А теперь давай к делу. Кто такая эта Софа?

Мама поперхнулась вареньем.

– Тетя Роза, вы бы еще в лучших традициях следователей НКВД посветили мне в лицо лампой!

– Надя, не юли!

Мама тяжело вздохнула. Сохранить нейтралитет между Ба и дядей Мишей у нее никогда не получалось. Если папа спокойно мог, сославшись на мужскую солидарность, не отвечать на расспросы, то мама под натиском всегда тушевалась. И не только потому, что козырем в виде мужской солидарности она не располагала, но еще и по-женски очень хорошо понимала Ба. Одно дело, когда ты заводишь амурные дела, и совсем другое, когда водишь к своей пассии десятилетнюю Маньку!

– Софа – старшая сестра нашей химички.

– Подожди. Они на Маштоца живут? Амиряны?

– Да.

– Эта черная сорока с длинным носом и кривыми ногами?

– Ну почему сорока, тетя Роза! И ноги у нее вполне себе красивые.

– Надя! Да если ее выпустить из дома после девяти, в сумерках ее не заметишь, до того она смуглая! И ноги у нее кривые, не спорь со мной! Сама видела!

Мама очень хотела спросить, где это она видела ноги Софы, но не решилась. Положила на тарелочку несколько ягод черешни, придвинула к Ба:

– Попробуйте, очень вкусно.

Ба зачерпнула ложкой варенье, пожевала ягодку. Расплылась в довольной улыбке: «Мммм, вкуснятина!»

– Тетя Роза, вы зря так переживаете. Софа – очень хорошая, воспитанная девушка. Я бы на вашем месте ее пожалела.

– Это почему?

– Вы же знаете легкомысленную натуру своего сына. Через месяц он ее разлюбит и бросит. А бедной девочке страдать.

Ба побарабанила пальцами по столу. Допила в молчании чай. Встала, чтобы налить себе еще.

- Умешь ты меня утешить, дочка.
- Мама зарделась, как школьница.
- Ну что вы, тетя Роза.
- Не спорь со мной, я тебе дело говорю.

– А знаете, как она меня называла? Барышня. Вот так и говорит – барышня, проходите, пожалуйста. Чувствуйте себя как дома!

Манька глядела на меня круглыми вишневыми глазами. На левой щечке по ходу разговора то появлялась, то исчезала смешная ямочка. Почему смешная, потому что, мало того что она находилась не как у нормальных людей – по центру щеки, а практически под скулой, так ещё имелась в единственном числе. Второй ямочки почему-то не было, хотя мы с Манькой всячески ее искали и даже пальцем тыкали в то место на правой щеке, где, по идее, эта ямочка должна появляться. Как бы подсказывали щеке, как надо себя правильно вести. Но тщетно – правая щека вести себя аналогично левой не желала, и поэтому Манька щеголяла одной-единственной ямочкой на все свое круглое улыбочливое личико.

– А она чего? – прокряхтела сверху Каринка. Сестра взобралась на тутовое дерево и слушала нас, распластавшись на широкой ветке, как ленивый кот, – свесив вниз руки и ноги и смешно выглядывая то с одной, то с другой стороны. Мы с Манькой тоже хотели вскарабкаться на дерево, но никакой другой подходящей для такого лежания ветки не обнаружили, поэтому остались сидеть на деревянной скамейке. С этой скамейкой у нас связаны самые прекрасные и самые душедробительные воспоминания – именно здесь Ба обрила нас наголо и нанесла на голову знаменитую маску из синьки, бараньих катышков и желтков¹², мотивируя свой странный поступок тетей Фаей, которая Жмайлик, и тем, что теперь у нас пойдут густые и вьющиеся волосы. Самое смешное, что после этой маски у меня действительно стали виться волосы, и, если после мытья не расчесываться, можно превратиться во вполне себе кудрявую девочку. А Манька кучерявится в любое время года и в любую погоду, потому что она с рождения кучерявая, вся в дядю Мишу и Ба.

Под этой приснопамятной скамейкой мы остервенело копали клад. К сожалению, ничего не выкопали, зато сделали великое открытие – копать яму можно очень долго, аж до посинения, зато забросать ее землей ничего не стоит, раз-два – и готово. На этой скамейке часто играют в шахматы или в нарды наши папы, а потом с победителем сражается Ба. И тут надо затыкать уши, потому что ор стоит просто нечеловеческий – Ба редко кто может обыграть, и наши махровые до мозга костей мужчины с пеной у рта отстаивают каждый свой ход. Что, впрочем, не мешает им раз за разом проигрывать Ба.

А еще на этой скамейке, вернувшись с дачи, мы обнаружили в тридцатиградусный жаркий день дядю Мишу в облике воина отступающей наполеоновской армии – в красной Маниной шапке, в крест-накрест повязанном на груди пуховом платке и брюках, заправленных в вязаные носки. Так Ба лечила от ангины свою кровиночку.

В общем, скамейка под тутовым деревом – не просто наше любимое место для посиделок. Это символическое и даже судьбоносное место, где не раз решалась участь членов семей Абгарян и Шац. Поэтому для серьезного разговора Манька повела нас именно сюда. И сейчас рассказывает про свою встречу с тетей Софой. Оказывается, дядя Миша, коварным образом не поставив в известность Ба, пока та, ни о чем не подозревая, возилась на кухне, забрал Маньку из школы и по дороге домой заехал к своей зазнобе Софе.

– Вообще-то в гости заходить он не собирался, просто хотел о чем-то переговорить с ней. Но тетя Софа настояла на том, чтобы мы заглянули на минуточку в дом. Я папе сразу сказала, что Ба это может не понравиться, – рассказывала Манька, – но папа ответил, что мы зайдем буквально на секундочку, чтобы не обижать тетю Софу, а потом сразу уедем домой. И что если я не стану его выдавать, то ничего о нашем визите Ба не узнает.

¹² Историю об этом читайте в книге «Манюня».

– А эта тетя Софа красивая? – прогудела я. Отчего-то мне было неприятно и ревниво, что дядя Миша завел шашни с очередной женщиной. Никак заразилась неприязнью к его дамам сердца от Ба.

– Красивая, ага. У нее черные длинные волосы, вот такие, аж до попы. – Манька вскочила со скамейки, повернулась ко мне спиной и повела ладонью по своей пояснице. – А еще у нее большие глаза с длинными ресницами. Вот такенными. – Манька приставила к своим верхним векам большие пальцы и далеко отставила указательные – получилось, что у тети Софы ресницы чуть ли не в десять сантиметров длиной!

– А-а-а-а, – восхищенно выдохнула я. Ревность как рукой сняло – такой красавице дядю Мишу не жалко было отдавать.

– А драться она умеет? – подала сверху голос Каринка.

– Ну зачем ей драться, она же взрослая тетечка! – удивилась Манька.

– Ладно, – махнула рукой Каринка, – рассказывай дальше.

– Ну вот, – продолжила Манька, – и называла она меня барышней. Барышня, здравствуйте, барышня, проходите! Усадила за стол, угощала какао и ореховым рулетом. Вкусно-о-о-о! И папа очень нахваливал выпечку, все выспрашивал, что за приправа в начинке. Тетя Софа ее назвала, но я забыла. Звучит как аккордеон. Но не аккордеон, а другое слово. Вроде гардеон. Или гардемон.

– Артемон? – встрепелась я.

– Неа. Подожди, Нарка, сейчас вспомню!

И Манька вскочила со скамейки и принялась с задумчивым видом ходить вокруг тутового дерева. Мы с Каринкой терпеливо ждали – мешать нашей подруге, когда она пытается что-то вспомнить, бесполезная затея. Если уж Манька решила что-то вспомнить, то делать это она будет до победного конца.

– Манюня, – высунулась в окно соседка тетя Валя, – а где твоя бабушка?

– У Тетьнади, – притормозила Манька, – пошла жаловаться на меня и на папу.

– А что вы такое выкинули?

– Ничего. Сходили в гости к кому не надо.

– Это к Софе, что ли?

– Ага! – Манька шмыгнула носом. – А вы откуда знаете?

– Она мне с утра рассказала. Ну, все ясно с вами.

– Тетя Валя, подождите, не закрывайте окно. Вы не знаете, как правильно называется приправа гардемон?

– Чего? – Тетя Валя подалась вперед и приложила ладонь к уху. – Повтори, а то я плохо расслышала.

– Гардемон! – заголосили мы.

– Нет такой приправы, это я вам точно говорю. А зачем она вам?

– Да так, вспомнить хочется.

– Может, кардамон?

– Вот! – взвизгнула Манька. – Я же говорила, что вспомню! Кардамон! Спасибо, тетя Валя!

– Да не за что! – засмеялась тетя Валя. – Ну ладно, когда Роза вернется, скажите ей, чтобы ко мне заглянула.

– Хорошо!

– И ведите себя прилично, слышите?

– Слышим!

Тетя Валя закрыла окно и профилактически погрозила нам пальцем. Мы принялись выводить успокаивающие пассы руками, мол, не волнуйтесь, всё в порядке, всё под контролем.

– А дальше чего? – подала сверху голос Каринка.

– А дальше мы приехали домой. И я забыла, что обещала не выдавать папу, и сболтнула про тетю Софу. И всё.

– Подожди, – крикнула Каринка и в долю секунды ссыпалась вниз, – а теперь дальше рассказывай.

– Ты зачем вниз спустилась? – удивилась я.

– Чтобы ничего не пропустить. Рассказывай, Мань.

– А чего рассказывать? Ба устроила такой скандал папе, что вообще.

– Кричала?

– Кричала и ногами топала. Зачем, мол, шлимазл, ты ребенка с собой взял!

– А он чего?

– А он говорил, что не специально взял, просто на минуту заглянул в гости.

– А она чего?

– Ну, Ба все равно долго ругаться не умеет. Поорала сначала, а потом повела нас ужинать. И тут я снова не сдержалась и сказала про ореховый рулет!

– Мань, ну ты даешь! – похолодела я.

– Да вообще! Никогда предателем не была, а тут два раза папу предала! Правда, Ба второй раз скандалить не стала, только губы поджала. Вот так. – Манька затянула рот в нитку и насупила брови.

Мы с Каринкой переглянулись. За три года тесного общения мы успели достаточно хорошо изучить все гримасы Ба и теперь могли поклясться чем угодно – такое лицо она делает неспроста. Такое лицо у Ба случается буквально на подступах, буквально в миллиметре от «господибожетымая». То есть еще чуть-чуть – и дяде Мише пришла бы каюк-кампания, как любит повторять Манька.

Дядю Мишу мы очень любили. Души, можно сказать, в нем не чаяли. Опекали, как умели. Сильно переживали, когда он скандалил с Ба. Конечно, мы были уже достаточно большими, чтобы понимать, что ругать его есть за что, – он безалаберный и даже иногда безответственный, а еще совсем косорукий. Попросишь его прибить полку в гостиной – и потом приходится восстанавливать всю стену от разрушений. Но зато дядя Миша невероятно добрый и отзывчивый, может возиться с нами часами, играть в разные игры. Но и тут не обходится без эксцессов – однажды он затеял с нами прятки, спрятался на чердаке дома и нечаянно заснул. И мы замучились ползать по разным углам и закоулкам, разыскивая его.

А еще дядя Миша очень умный – вон сколько разных открытий сделал. Что ни год, то новое открытие. То какую-нибудь штуковину придумает для улучшения производства релейных модулей, то станки до совершенства доводит. Грамот у него столько, что ими можно обклеить стены комнаты, и даже на потолок останется. Но дядя Миша совсем ими не хвастается – сложил стопкой на полке и никому не показывает. Только знай в проводах своих ковыряется да новые приборы на заднем дворе завода испытывает. Почему на заднем дворе, а чтобы не создавать пожароопасных ситуаций на непосредственном своем рабочем месте.

Ну и, конечно же, самый главный Дядимишин козырь, перед которым не может устоять ни одно женское сердце, – это его бесспорная и очень мужественная красота. Дядя Миша высок и широкоплеч, у него темные вьющиеся волосы и зеленые глаза. И даже очки в тяжелой роговой оправе не портят его красоты. В довершение ко всему он замечательный и очень артистичный рассказчик. И тут они с нашим папой просто счастливо спелись, потому что, когда они принимаются, перебивая друг друга, пересказывать в лицах какую-нибудь историю, слушатели просто за животики хватаются от смеха.

Я почему так подробно расписала Дядимишины достоинства? Чтобы оправдать его бесконечные амурные дела. Мы-то как раз по этому поводу совсем не переживали, и даже Манька, кажется, относилась к этому с пониманием. Но вот Ба любвеобильное поведение

сына сильно осуждала и каждый раз нервничала, когда дама сердца слишком близко подбиралась к ее кровиночке. Наши родители на вечное противостояние матери и сына смотрели сочувственно и по мере возможности сглаживали возникающие конфликты. Обязательно держались негласного правила – папа всегда поддерживал и покрывал дядю Мишу, а мама стояла горой за Ба. Может, благодаря их обдуманному поведению каждый оставался при своем – уверенный в поддержке друга дядя Миша не слишком переживал обструкцию матери и продолжал заводить необременительные амурные связи на стороне, а Ба, прогромыхав маме очередные свои претензии к сыну, счастливо спускала пары и возвращалась домой в благостном расположении духа. В общем, если равновесие в природе и существует, то отношения между нашими семьями – самое убедительное тому подтверждение.

Дослушав Манькин рассказ, мы какое-то время молча переваривали информацию.

– То есть эта тетя Софа тебе понравилась, да? – спросила я.

– Ага, понравилась. И волосы у нее длинные, и босоножки красивые, такие, на высоком каблуке, застегиваются на ноге как туфельки балерины. – Манька крест-накрест повела руками вокруг своей лодыжки, показывая, как проходят ремешки босоножек.

– Красота какая! – выдохнула я.

– Ну!

– Подождите! – топнула ногой Каринка. – Мань, а если дядя Миша захочет на этой Софе жениться?

Манюня вздохнула. Поковырялась носком туфли в земле, выудила дождевого червя.

– Во, – хмыкнула, – мне надо копальщиком червей работать.

Поймала наши серьезные взгляды, нахохлилась. Пригладила торчащий ворот, подтянула колготки. Застегнула жакет на все пуговицы.

– Ну и пусть женится. Я лично не против.

– Да? Ну тогда и мы не против, – обрадовалась Каринка.

Видимо, Маньке очень важно было наше одобрение. Она выдохнула и с явным облегчением расстегнула пуговицы жакета.

– Вообще-то я немного против, – зачастила она, – но совсем капелюшечку. Так что потерплю.

– Вот и мы потерпим!

Разговор на взрослую тему нас порядком утомил, поэтому мы решили скрасить день походом на чердак. Чердак Маниного дома – самое замечательное место в мире. Большой, светлый, чисто прибранный, обставленный по углам многочисленными коробками и двумя большими сундуками, он представлялся нам сказочной пещерой, в закоулках которой, если хорошо порыться, можно найти много разных сокровищ. В дальнем углу чердака стояло старое, покрытое какими-то ржавыми пятнами зеркало. Если сильно наловчиться, то в нем можно было поймать свое отрывчатое отражение. В большой картонной коробке из-под телевизора Ба хранила вышедшие из моды туфли и сапоги – на высокой платформе, лаковые и кожаные, с красивыми пряжками и длинной молнией. В другой коробке, щедро переложенные мешочками с лавандой и нафталином, лежали два пальто – одно с облетевшим лисьим воротом, а второе – с облысевшими локтями и с манжетами из каракуля. Ба хранила их на случай жуткого дефицита, «а то вдруг дело дойдет до перелицовки старья»! Пока Каринка, с комфортом расположившись на подоконнике, стреляла из рогатки в пролетающих мимо ворон, мы с Манькой, напялив пальто и туфли Ба, ковыляли на высоких каблуках по чердаку, периодически выхватывая оценивающим взглядом свои отражения в старом зеркале. Отражения были бесподобны – два самодовольных чучела в монументальных в своем пошиве советских бурках. Еще в коробке лежала пара настоящих театральных перчаток – длинных, покрывающих локоть, из искрящейся синей материи, плотно облегающей руку. Перчатки остались со студенческой поры Ба – в молодости она мечтала стать театральной актрисой

и даже играла в доморощенных постановках филологического факультета Ереванского университета. Перчатки мы честно поделили – правую носила Манька, а левую носила я. Натягивали на самые плечи, влезали в пальто и фланировали по чердаку, раздражая Каринку своим расфуфыренным видом.

Каринка наше поведение сильно не одобряла. И пока мы кривлялись перед зеркалом, она забавлялась тем, что сбивала меткими выстрелами ворон. За то, что они своим карканьем нагоняют плохую погоду. Про плохую погоду нам поведала наша прабабушка Тамар. Прабабушка была очень старенькой, аж восьмидесятилетней, и знала много народных примет. Как-то в погожий весенний день, когда яркое апрельское солнце залило окрестности живительным теплом, мы сидели на ступеньках ее дома и, гримасничая и громко причмокивая, ели алычу. Прабабушка сидела рядом и посмеивалась над нами. Тут откуда-то из-под крыши дома закаркала ворона. Через секунду отозвалась вторая, потом третья.

– Ох, чтоб вам пусто было, – рассердилась прабабушка, – едва распогодилось – а вы тут как тут со своим карканьем.

– А что такое? – наострили ушки мы.

– Если вороны, сварливо перебивая друг друга, громко каркают, значит, погода испортится.

– Да ладно!

– А вот увидите.

И действительно, буквально через десять минут небо затянуло низкими тучами, и пошел мелкий, колючий дождь.

С того дня сестра заточила зуб на ворон. И, чтобы пресечь подрывные синоптические поползновения, не покладая рук сбивала их из двух разнокалиберных рогаток. Вороны от Каринкиных выстрелов падали градом, правда, быстро приходили в себя и, громко откаркиваясь, улетали прочь. Небось долго потом возмущались по своим гнездам, куда смотрят «Гринпис» и конвенция по правам птиц! Куда-куда, ясно куда! «Гринпис» тоже хочет жить, поэтому, дабы не переводить огонь на себя, смотрит в противоположном от третируемых ворон направлении.

Пока Каринка наводила за окном хорошую погоду, мы с Манькой, утомленные хождениями перед зеркалом, переключили внимание на большой деревянный сундук. Этот сундук мы очень любили – там Ба хранила Дядимишины детские игрушки и первые школьные тетрадки. Из игрушек нам особенно нравилась деревянная лошадка на истертых колесиках, с облупленными боками и криво постриженной гривой. Кособокая прическа лошадки объяснялась просто – как-то Ба коротко постригла сына, и тот, расстроенный потерей собственных кудрей, решил отомстить матери по-своему – стащил большие ножницы и выстриг красивую проплешину в гриве лошадки.

– Зачем, ну зачем ты ее изуродовал? – отчитывала потом Ба сына.

– Мишина лошадка, что хочу, то и делаю, – упрямо бубнил дядя Миша.

Над школьными тетрадками мы тихо вздыхали – Ба ничуть не преувеличивала, когда говорила, что дядя Миша буквально с первых закорючек писал правильным, аж каллиграфическим почерком. Пятерки, пятерки с плюсами и даже пятерки с красиво утолщенной спинкой и хвостиком – это был высший шик, такие оценки ставились только за выдающиеся способности, так вот, эти пятерки в тетрадках дяди Миши встречались сплошь и рядом. Ни одной четверки, ни одной помарки!

У Маньки с почерком была сплошная беда – писала она так, словно кто-то ее с завидным постоянством толкал под локоть. Ба скандалила с любым учителем, который пытался за почерк снизить внучке оценку. Действительно, с какой стати снижать оценку, если диктант написан без единой ошибки, но прыгающим птичьим почерком? Где, спрашивается, справедливость?

– Ой! – вдруг отпрянула от окна Каринка.

– Чего «ой»? – оторвались от созерцания Дядимишиных тетрадок мы.

– А-а-а-а!!! – раздалось снизу.

Мы с Манькой похолодели. Это была Ба.

– Спрячьте меня, – заметалась по чердаку Каринка, подбежала к открытому сундуку и ласточкой сиганула внутрь, – захлопните крышку!

– Чего это ты натворила? – Мы стали лихорадочно закидывать ее тетрадками.

– В Ба попала! Вижу, она идет, дай, думаю, стрельну в сумку. Промахнулась, попала в нее.

– Как это в нее? Куда в нее?

– Не знаю, в голову, наверное. Она дернула ею вот так. – Каринка высунулась из сундука и показала, как Ба дернула головой. – А потом глянула на окно чердака. Я еле успела отскочить.

– Ты с ума сошла в Ба стрелять? – вылупилась я.

– Мария! – раздался снизу голос Ба. – Вы на чердаке?

Мы с Манькой захлопнули сундук и опасливо высунулись в дверь. Ба стояла на нижней ступеньке деревянной лестницы и, прижимая к голове кухонное полотенце, глядела на нас поверх своих больших очков.

– Да! – пискнули мы.

– А где Каринэ? – прищурилась Ба.

– Ушла.

– Куда ушла?

– Давно ушла. Ба, а чего это у тебя с головой? – зачастила Манька.

– Ага, – крикнула Ба и принялась медленно подниматься по ступенькам, – значит, ушла, да? Говорите – давно ушла, да?!

– Да! – Мы отступили вглубь чердака, но вовремя вспомнили про сундук. Подбежали к нему и попытались замаскировать – встали напротив, распушили подола пальто и расклячили локти. Справа, оттопырившись в сторону рукой в синей театральной перчатке, стояла Манька, а слева, соответственно, – я.

– Та-а-а-ак. – Ба зашла на чердак, окинула нас взглядом, хмыкнула. – Вырядились!

– Вырядились, – шмыгнули мы носами. Манька выставила вперед правую ногу в большой лаковой босоножке с переливающейся пряжкой, а левую, в высоком замшевом сапоге на громоздкой платформе, убрала назад, чтобы не дразнить бабушку высоким каблуком. Я затынула голову в ворот облетевшей рыжей лисы и оттуда следила бегающими глазками за Ба.

Ба убрала с головы полотенце, зашуршала им. Ага, значит, она успела забежать на кухню и вытащить из морозилки пакет с чем-нибудь замороженным.

– А чего это ты полотенце к голове приложила? – фальшиво тренькнула Манька.

– Так просто, голова немного болит. Видно, припекло, – Ба подошла к окну, выглянула во двор, – вроде осень, солнце убывает, но греет почти по-летнему. Да?

– Да, – кивнули мы, но с места не сдвинулись. Наоборот, нашарили полами крышку сундука и плотно уселись – мы не такие наивные, чтобы на речи Ба покушаться! Она ведь у нас будь здоров хитренькая и легко может кого угодно провести.

Ба хмуро проследила наши телодвижения, всплеснула руками:

– Почему не убрали лошадку в сундук?

Я проследила за ее взглядом и помертвела – деревянная лошадка с криво остриженной гривой осталась сиротливо стоять посреди чердака.

– Потом уберем, – просипела я – голос от волнения куда-то пропал.

Сундук под нами взволнованно закопошился.

– Кхм-кхм, – кинулась откашливаться Манька, чтобы заглушить шум.

– Надо обязательно убрать лошадку, зачем ей тут пылиться? – Ба подхватила игрушку под уздцы и покатила ее к нам. Мы с Манькой заелозили попами по крышке, но слезать не стали, только теснее прижались друг к другу. Копошение в сундуке, вместо того чтобы затихнуть, усилилось!

– Сами встанете или помочь? – нависла над нами грозовой тучей Ба.

– Ладно! – подала голос из сундука Каринка. – Вставайте.

– Ой, – подбоченилась Ба, – неужели Чингисхан вернулся?

– Она откуда-то снизу говорит, наверное, с первого этажа, – попыталась надышаться перед смертью Манька, но было уже поздно.

Ба сдернула нас за меховые шивороты с сундука и распахнула крышку.

– Опачки, – прогудела колоколом, – вот где наш косорукий моджахед прячется!

– А чего сразу косорукий! – вынырнула из-под тетрадок Каринка.

– То есть ты мне специально в голову метила, да?

– Я в сумку метила, но не рассчитала скорость твоего движения. Пока камушек летел, ты прошла вперед. Ну и вот.

Ба подхватила Каринку за ухо и потянула вверх. Каринка ойкнула и встала на цыпочки. Ба потянула выше. Сестра проворно взобралась на борт сундука. Ба не растерялась и дернула ее за ухо вниз. Пришлось Каринке спрыгнуть вслед за своим ухом.

– А если бы ты мне глаз выбила? Вон, смотри, что натворила. – Ба нагнулась и продемонстрировала здоровенную шишку на голове.

– Я больше не буду, – засопела Каринка.

– Ба, она больше не будет! – заступились мы с Манькой.

– А вы вообще помолчите, с вами отдельный разговор будет. Горе-укрыватели! Это же надо было с такими испуганными лицами на сундук усесться! Мигом ее выдали!

– А как надо было правильно глядеть?

– Буду я на свою голову объяснять! – Ба наградила нас звучными подзатыльниками, потом велела переодеваться. Мы резво скинули с себя пальто и сапоги-туфли, аккуратно убрали все в коробки, переложили мешочками лаванды и нафталина. Особенно старалась Каринка – и тетрадки собрала, и игрушки разложила, и даже подолом Манькиной юбки крышку сундука протерла.

– Я бы своими брюками протерла, но брючина не натягивается на крышку, – пояснила она. Ба хмыкнула, но отвечать ничего не стала.

– Роза, – крикнула снизу тетя Валя, – ты уже вернулась?

– Вернулась. – Ба высунулась в окно.

– Что с головой? – всполошилась тетя Валя.

– Так, ерунда.

– А полотенце тогда зачем?

– Валя, ничего страшного! Говорю тебе!

– Как скажешь, Роза. Я чего тебя зову. Газарова нас в гости пригласила. На разговор!

– Какой?

– Важный!

– Хоть намекни.

– Меню к свадьбе их сына будем составлять! Только строго между нами говорю, они не хотят раньше времени шумиху поднимать.

– Валя, ты только что протрубила об этом на весь город. И даже соседние села покрыла.

– Ты попросила, я намекнула!

– А шепотом не могла?

– Ты бы с чердака мой шепот услышала?

Ба легла животом на подоконник, подалась вперед. Мы с Манькой взвизгнули и вцепились ей в ноги.

– Валя, я смотрю, мы с тобой не очень сегодня друг друга понимаем! – прогрохотала она.

Тетя Валя вцепилась руками в забор, поднялась на цыпочки, поправила косынку на голове.

– Ты, главное, не свались оттуда, Роза. А то на мероприятии придется на костылях шейк танцевать!

– Ыхыхы-ы-ы-ы-ы, – затряслась Ба, – ыхыхы-ы-ы-ы-ы!

– Вот тебе и «ыхыхы-ы-ы-ы», – передразнила ее смех тетя Валя. – В общем, минут через пять зайду за тобой. Собирайся!

Оставлять нас одних Ба не стала. Спровадила со словами «там у вас во дворе народу много, проследят за вами».

Но до двора и народа мы не добрались. Перед нашим подъездом, прижавшись боком к гаражу тридцать восьмой квартиры, стоял нахохленный, забрызганный по самые брови Вася.

– А чего это он такой грязный? – удивилась Манька. – Вроде папа его вчера мыл.

– Может, он куда-то ездил? – предположили мы с Каринкой.

– Куда это он ездил? И зачем к вам заехал? – заволновалась Манька. – Натворил чего?

Пойдем, узнаем.

Обгоняя друг друга, мы поскакали наверх, но до ритуального битья телами в дверь дело не дошло. Да и как могло дойти, если на пороге нашей квартиры лежала пара изгвазданных донельзя, разящих затхлым болотом и серными миазмами опорок. Мы резко затормозили, зажали пальцами носы и принялись рассматривать башмаки. Такой грязной обуви мы в жизни не видели. Она, конечно, была не истоптанной и даже, может быть, совсем новой, но количество налипшей на нее грязи было таково, что казалось странным, как в такой обуви человек поднялся на третий этаж, а не прирос к земле где-нибудь на подступах к нашему подъезду.

– Это же папины ботинки! – вдруг взвизгнула Манька.

– Да ладно! – не поверили мы. Это было так непохоже на Дядю Мишу, ведь он был из той породы мужчин, которые считали зеркалом души не глаза, а несколько другие части экстерьера, и поэтому щеголял исключительно в доведенной до ослепительного блеска обуви и тщательно отутюженной одежде.

– Да вот же! – Манька ткнула в направлении ботинок пальцем. – Шнурок. Видите, у основания завязан двойным узлом. Это я завязала, а папа развязать не смог!

Вместо ответа мы с Каринкой постучали в дверь. Раз Манька говорит, что это Дядимишины шнурки, то спорить мы не будем. Главное теперь узнать, что такое произошло с дядей Мишей, что он заявился к нам в таком виде.

Открыла нам мама.

– Тётьнадь, а что это с папиными ботинками? – спросила Манька.

– Если бы только с ботинками! – Мама посторонилась и пропустила нас в квартиру. – Вся одежда заляпана по самый ворот, такая вонища стоит – глаза слезятся!

– А что случилось?

– Машина провалилась в болото. Пришлось Мише выталкивать ее оттуда. Еле справился.

– А зачем он в болото поехал?

– Откуда мне знать? Сейчас помоемся, и узнаем у него.

Манька вздохнула:

– Хорошо, что он к вам приехал. Если бы Ба застала его в таком виде...

– ...оторвала бы ему голову, – заключила Каринка.

Мама нахмурилась, хотела сделать замечание, но махнула рукой. Да и что тут скажешь – все знают вспыльчивость Ба, так что по головке свою кровиночку она бы точно не погладила. Особенно после вчерашнего скандала!

Дядя Миша долго мылся, потом стирал свою одежду, отколупывал грязь с ботинок и чистил их, а потом, плотно пообедав рагу, запивал его чаем с вареньем и, в ответ на настойчивые расспросы, заговаривал нам зубы. Признаваться, что на самом деле случилось, не стал. Ясно было одно – он заехал на Васе в какие-то нечеловеческие дебри, долго выковыривался оттуда и, победно выковырявшись, приехал к нам – заметать следы.

Мама смотрела на него жалостливым взглядом и называла «Свет-наш-горюшко Михайло Шац». Дядя Миша неубедительно хорохорился и сыпал в ответ бородатыми анекдотами. Мы с готовностью хихикали, а мама качала головой.

Скоро вернулся с дежурства папа, и друзья традиционно пошли изливать душу на балкон. Мама периодически носила им кофе и вставляла язвительные комментарии в их сердечный разговор.

– Женщина, не мешай нам разговаривать! – каждый раз вскидывался папа.

– Ой-ой, можно подумать! – пожимала плечами мама. – Очень надо!

Потом, конечно, мы узнали, что случилось в тот злосчастный день. Дядя Миша пригласил Софу в ресторан. Обрадованная Софа оделась во все самое красивое, пышно накрутила волосы, надушилась сладкими духами и выплыла из дома. Дядя Миша, сраженный ее красотой, предложил сначала прокатиться по горам – наработать аппетит.

У Софы уже урчало в животе, но прекословить своему кавалеру она не стала. Окрыленный ее покладистостью кавалер пришпорил своего железного коня, скатился с трассы и заехал в лесную гущу – прокладывать романтические маршруты. Лесная гуща повела себя по-свински, романтический Дядимишин настрой не поддержала, обернулась мелким, но зловредным болотом и засосала Васю по самые колеса. Пришлось красиво накрученной и сладко пахнущей Софе, увязая по колено в вонючей жиже, на пару с дядей Мишей выталкивать из болотного плена беспомощный «газик». За время самоотверженных спасительных работ Софу многократно покусали комары и слепни, она порвала платье, сломала каблук и ногти, потеряла сережку и вдобавок ко всем бедам сорвала себе спину и заработала жесточайший радикулит.

– Такая девушка! – вздыхал дядя Миша. – Ни слова упрека! Ее комары поедом едят, а она молчит. Ей спину скрутило – а она меня утешает, мол, Мишенька, всё в порядке, главное, Васю вытолкнуть. А этот остолоп, – кивок в сторону нахохленного Васи, – весит полторы тонны! Мы ему под колеса и камней накидали – по всему лесу собирали, и широких еловых лап подложили, и кору с деревьев сдирали. Еле вытолкали!

– А чего тебя в лес потянуло? – не вытерпел папа. – Нейдется тебе. Нет чтобы сразу в ресторан ее повезти!

– Захотелось романтики, – вздыхал дядя Миша, – лес, птицы поют!

– Романтики ему захотелось, – передразнил папа. – Знаем мы твой «лес» и «птицы поют»!

В тот погожий осенний день наши папы сидела на балконе до победного, пока Дядимишина одежда окончательно не высохла, а вторая бутылка пятизвездочного армянского не была допита до последней капли. Потом, на ночь глядя, поехали мыть в речке Васю. На увещевания мамы оставить это дело на завтра ответили традиционным: «Женщина, волос длинный, ум короткий». С речки вернулись продрогшие до костей. Лечились сначала чаем, потом тутовкой. Слегли на второй день с высокой температурой – папу скрутил его приступ периодической средиземноморской лихорадки, а дядю Мишу – жесточайшая ангина.

– Надя! – грохотала Ба в трубку. – У каждого свои тараканы в голове. Но у этих разве тараканы? У этих настоящие динозавры!

– Динозавры – это еще мягко сказано, тетя Роза! – с готовностью откликнулась мама. – Мужчины, что с них взять, ни ума, ни волос!

Глава 13

Манюня едет на пикник, или Дед Амбо, бабушка Сара и прочая взрывоопасная родословная

Любите ли вы пикники так, как любим их мы? Эти замечательные выезды на природу, когда кругом раздолье – хочешь, по склону наперегонки вниз несись, хочешь, ладони хной крась, хочешь, перепрыгивая с одного покатога камня на другой, вверх по течению реки пробирайся, а хочешь, перекрикивай с макушки холма эхо! Пикники – самое любимое времяпрепровождение наших горожан. Каждый выходной, каждый праздник, каждый юбилей, если, конечно, позволяет погода, люди выезжают за пределы Берда – на благословенный отдых на природе. Вокруг множество мелких чистых родников, возле которых сооружены специальные места для отдыха – крытый каменный мангал, большой навес-беседка с деревянным столом и грубо сколоченными, но вполне себе удобными скамьями. Если встать на цыпочки и пошарить рукой под шиферной крышей навеса, можно найти коробок спичек, несколько газет и пачку соли. Этот стратегический запас необходимого для пикника инвентаря бдительно пополняется самими горожанами, а то мало ли, может, кто-то выехал на природу, а о самом главном – соли, спичках и материале для растопки костра – забыл! Не возвращаться же человеку домой!

Будь на то воля бердцев, они бы все выходные проводили на пикниках. Но времена года диктуют свои правила. Зима, пожалуй, единственная пора, когда окрестности городка отдыхают от наплыва любителей проводить время на свежем воздухе. Безобидные для северянина минус два или, не дай бог, минус пять за окном оборачиваются для южного человека целым испытанием, если не вызовом его стойкости. Видимо, с терморегуляцией у южных людей дела обстоят не очень, потому в холодное время года они предпочитают сидеть по домам и жарить шашлыки исключительно под окном.

Зато с весной все вокруг оживает. С утра до вечера светит солнышко, дожди ласковы и скоропалительны, и лишь грозы сокрушительны и немилосердны. Но упертый бердец так просто не сдастся! Вершиной своего личного антропогенеза он считает наработанное годами победное умение эвакуироваться за считанные секунды. Поэтому грозой, молниями и прочими синоптическими всплесками его не напугать.

Да и как можно удержаться от поездки на природу, когда кругом такая красота – непролазные мохнатые леса, зеленые, подернутые на макушках низким облаками холмы, чистейшие речки. В чаще много непуганой живности – косуль, кабанов, волков, лис и даже медведей. Зимой, в холод, они спускаются в низины, жмутся к домам, словно просят защиты. А в теплое время года возвращаются в свои привычные места обитания.

Когда созревает малина, а на опушках лесов ее полным-полно – она растет большими колючими кустами и алеет на июньском солнце крупной, сладкой ягодой, – из чащи выходят медведи. Будучи настоящими сладкоежками, они то ягоды из-под носа у горожан уведут, то на чьей-то пасеке покуролесят, то дикую грушу объедят. Дикой груши кругом много, она обильно плодоносит мелкими вяжуще-сладкими плодами, вот медведям и счастье.

Осенью, когда леса сплошь застелены буковым орехом и желудями, наступает раздолье для кабанов. Они объедаются ими до такого состояния, что иногда с места сдвинуться не могут. Однажды Ба снарядила дядю Мишу в горы – за сепарированной сметаной и домашним маслом. День был туманным, в горах очень часто случаются густые, молочные туманы, дядя Миша рулил осторожно, чуть ли не на ощупь пробирался, чуть ли не по-пластунски, и посреди горной дороги неожиданно уткнулся Васиным бампером в пяточок кабана. Обо-

шло без жертв, кабан не пострадал, Вася возмущенно тарыхтел, но в целом не выкаблучивался.

– Вы бы видели, какой несчастный вид имел кабан, – рассказывал потом дядя Миша, – отъелся до такого состояния, что сдвинуться с места не мог, глядел осоловелыми глазами и лишь изредка протяжно похрюкивал, аж всхлипывал. Пришлось долго сигналить, чтобы бедолага отполз в придорожные кусты.

А еще в наших горах растут трюфели. Те самые трюфели, чтобы полакомиться которыми эксцентричный француз может и машину свою заложить. Да-да, встречаются среди французов такие нерачительные люди.

К трюфелям бердцы относятся настороженно. Как к инопланетному разуму. Это ведь не сладкий топинамбур – выдернул из земли, очистил и съел – это нечто непонятное, вызывающее скорее живой интерес и даже священный трепет, чем желание использовать его по прямому назначению.

В четвертом подъезде нашего дома проживает местная достопримечательность, эстетствующий алкоголик дядя Володя. Первую половину дня, если позволяет погода, небрежно облокотившись о перила балкона и попивая вино, он декламирует прохожим поэтов Серебряного века. Вторую половину дня скрашивает стихами Бодлера. Так что уходим мы в школу под «О закрой свои бледные ноги», а возвращаемся под «О, завитое в пышные букли руно!». Из родных у дяди Володи измученная жена тетя Маргрит – высокая худющая женщина с выражением вечной загнанности на лице – и поджарый хряк Ара Прекрасный.

Тетя Маргрит общается с мужем исключительно со двора и исключительно на повышенных тонах.

– Опять с утра зенки залил, – причитает она, глядя снизу вверх на непутевого мужа, – и чего ты на весь город позоришься, а? Господи, за что мне такое, у всех мужья как мужья, а у меня – горький пьяница!

От претензий жены у дяди Володи затуманиваются глаза и делается страдальческое выражение лица. До прямого ответа он не снисходит, откликается выразительным взглядом и стихами про «лазури гордый царь два белые крыла» и «простертый на земле, освистанный шутами, ты исполинских крыл своих не развернешь»¹³. Иносказательные намеки мужа оскорбляют тетю Маргрит до глубины души – она плотно сжимает губы и, чеканя шаг и беспомощно сутулясь, уходит в сторону улицы Маштоца, в нотариальную контору, где работает секретарем.

– «Ты плачешь? Послушай – далеко на озере Чад изысканный бродит жираф»¹⁴, – декламирует вслед уходящей жене поэтический муж.

Ара Прекрасный живет в гараже – там ему отвели самый теплый и благоустроенный угол. В сезон грибов дядя Володя уходит с ним в горы – охотиться на трюфели. Хряк прекрасно науськан на поиск драгоценных грибов, резво вспахивает землю под дубами, ориентируясь на запах. Дядя Володя нюхом Ары Прекрасного похвастаться не может, поэтому ориентируется на косвенные признаки, например – на традиционно роящихся над местом схрона грибов мошек. Одновременно он зорко следит, чтобы поисковые работы Ары Прекрасного не закончились триумфальным поеданием драгоценных грибов, и отдергивает его за импровизированный веревочный поводок за секунду до того, как хряк, счастливо похрюкивая, попытается воровато их сожрать. Задетый таким неджентльменским поведением хозяина, Ара Прекрасный отзывается оскорбленным визгом и с удвоенной силой кидается на поиски новых трюфелей.

«Уж в этот раз ты их из-под моего носа не уведешь!» решительно хрюкает он.

¹³ Шарль Бодлер, «Альбатрос».

¹⁴ Николай Гумилев, «Жираф».

Дядя Володя петляет следом и, не изменяя своему изысканному вкусу, декламирует стихи, притом предпочитает на природе Чаренца¹⁵.

– «Поднимите глаза! Я иду, я иду! Из угрюмого чрева веков...» – обращается он к неведомым далям. Неведомые дали впечатленно внимают поэзии.

Субботний вечер накануне пикника проходит в приятном волнении – взрослые готовятся к выезду на природу, а дети корпят над учебниками – нужно успеть доделать уроки, чтобы весь завтрашний день со спокойной душой колобродить на свежем воздухе, ура!

Так уж завелось исторически, что за мясо для шашлыков отвечает папа – дядя Миша покупать его не умеет, а если раз в сто лет и решается на такой неосторожный шаг, то приносит домой такие доисторические мослы, что Ба потом три дня всполохами исходит, отчитывая сына. Поэтому обязанность покупать мясо папа раз и навсегда взвалил на себя. Сначала он придирчиво выбирает у знакомого мясника сочную корейку, когда свиную, а когда баранью, разделяет дома мясо на крупные куски, пересыпает солью и кольцами лука, добавляет немного сушеного горного майорана. В идеале мясо должно мариноваться с вечера, но в целом двух-трех часов может быть вполне достаточно. В отдельной миске, засыпанная солью и специями, лежит мелкорубленая печень и несколько пленок нутряного сала. Шашлык из печени – любимое яство взрослых. Печень плотным рядом нанизывают на шампур, обматывают пленкой сала и быстро жарят на углях – жир схватывается хрустящей корочкой, подергивается дымом костра. «Ммм, как вкусно», – приговаривает папа, поливая скворчащие кусочки шашлыка соусом из барбариса и быстренько заворачивая их в лаваш. Нам вкус печени не очень нравится, мы строим гримасы и отказываемся ее есть. Нам обычное мясо подавай!

– Тем лучше, – хмыкает Ба, – нам больше достанется. Что вы понимаете в правильной еде!

А чего понимать в правильной еде? Правильная еда – это когда тебе не тыкают в нос тарелкой супа или тушеными овощами. Правильная еда – это жареная картошечка, например. Или жареная курочка. Или же правильный, завернутый в лаваш на минуту-другую «подумать», пересыпанный кольцами злого лука шашлык. Такую вкуснятину можно есть с утра и до вечера каждый день! Берешь кусочек мяса, впиваешься зубами в сочную мякоть и урчишь от удовольствия. А потом еще косточку грызешь, потому что косточка – объединение и вообще приятное времяпрепровождение. Нагрызешь целую тарелку ребрышек от корейки, заешь салатом из запеченных овощей, запьешь шипучим лимонадом «Буратино». Вот это я понимаю «ммм»! А то печень или сыр с плесенью. Фу! Как вообще можно такое есть?

Утро воскресенья – счастливая пора. Просыпаешься спозаранку и припускаешь к окну. В кварталах с частными домами с вызовом перекукарекиваются петухи, по дороге, отчаянно гремя запчастями, прокатывается древний грузовик, на востоке, тяжело вздыхая, поднимается солнце – ему снова выспаться не дали, разбудили ни свет ни заря и погнали на небо – сонно потягиваться и исходить золотыми лучами. Наспех позавтракав и сложив пикничные скрбы в машины, мы дружной кавалькадой выдвигаемся за город – впереди едет пучеглазая Генриетта, следом – надутый от такой беспардонной наглости – где ж это видано, чтобы бабы форсили впереди мужчин, – Вася. Пока дядя Миша с папой разводят костер, мама с Ба накрывают на стол – расстилают клеенчатую скатерть, раскладывают миски с брынзой, домашними соленьями, зеленью и овощами, баночки с аджикой и барбарисовым соусом. На этом женские обязанности заканчиваются – все остальное – шашлык, печенная в золе и щедро приправленная сливочным маслом и мелкорубленным зеленым луком картошка, скворчащие с огня шляпки шампиньонов, печень в нутряном сале и даже салат из запеченных овощей готовят мужчины. Такая у нас традиция – женщина к открытому огню не допуска-

¹⁵ Егише Чаренц – армянский поэт.

ется, потому что считается, что не женское это дело – возиться у огня. Мама с Ба редко когда соглашаются с нашими традициями, но эту всячески поддерживают.

– В кои веки почувствуем себя людьми, – выдыхает Ба, расстилает на деревянной лавочке плед, с комфортом усаживается и отвинчивает крышку большого китайского термоса с синей лилией на боку. В термосе она заварила стратегический запас крепкого чая с чабрецом. Пока мужчины хлопочут вокруг огня и, периодически покрикивая на нас, гоняют за водой, женщины чаевничают и тихо беседуют о чем-то своем, взрослом. Оставшаяся без внимания Сонечка топает по поляне с батоном под мышкой, отщипывает по кусочку и одаривает вполосненную от такой щедрости живность – жучков, птичек, прочих зверушек.

– Хьёбусик будись? – ведет она басовитые переговоры с ползающей по стволу бука шеренгой бойких муравьев. – Бу-у-у-удись! – и с размаху припечатывает сокрушительным куском хлеба. А потом по муравьиным пенатам ходит легенда о трубном глазе, свалившемся с небес недельном запасе манны небесной и всяких других необъяснимых чудесах!

Гаянэ всегда держится в шаговой доступности от взрослых. Очень правильный, кстати, стратегический ход. Ведь взрослые – невероятно наивные люди, они почему-то считают, что если ребенок рядом, то никаких подвохов от него ждать не стоит, ну не станет же он под твоим носом заниматься подрывной деятельностью! Воспользовавшись такой неосмотрительной доверчивостью взрослых, Гаянэ оттягивается по полной программе – резво ковыряясь в земле, выкапывает и подкидывает в огонь дождевых червей, ведет переговоры с бабочками и божьими коровками, забивает себе нос и уши подручными средствами – орешками, ягодами или каким другим ботаническим изыском. А однажды она нашла под деревом кучку бараньих катышков, затолкала парочку себе в уши и прибежала хвастаться маме с Ба, мол, посмотрите, какие я красивые бусины нашла!

Мама с Ба оказались нечуткими людьми, дизайнерский порыв Гаянэ не оценили, более того, подняли такой крик, по сравнению с которым ор тетечки медсестры из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» кажется просто детским лепетом! Гаянэ быстро смекнула, что сейчас будут насильно реквизируют ее украшения, поэтому с криком: «Мои бусинки, никому не отдам», – кинулась к папе с дядей Мишей. Мужчины оказались не такими трепетными и впечатлительными, как женщины, сначала посмеялись, а потом все-таки скрутили Гаянэ, выковыряли из ушей катышки, промыли водой и до кучи протерли листьями подорожника. Сестра была крайне оскорблена столь бесчувственным отношением взрослых, кое-как вырвалась из их цепких рук, отбежала на безопасное расстояние и не успокаивалась до тех пор, пока не набрела на кусачие заросли ежевики. Ежевика была твердокаменной, потому что незрелой, но невероятно красивой. Сестра нарвала горсть «бусинок», красиво инкрустировала ноздри (раз уши не дают!) и победно вернулась к родителям.

– Ду деберь-до вы видиде, чдо эдо бусинги? – прогундосила она.

– Боже мой, – всплеснула руками мама, – час от часу не легче!

– Надя, надо менять тактику, – просипела конспиративным шепотом Ба, – если мы не станем ругать ее за выходки, то она перестанет запихивать всякую дрянь себе в нос и уши.

Мама вздохнула. Она хорошо знала своих дочек и понимала, что хитростью их не проймешь.

– Давай хоть попробуем, – предложила Ба и обратилась к Гаянэ: – Какая ты красивая, Гаечка, и бусинки такие красивые. Так они тебе идут! – И восхищённо поцокала языком: – Тц-тц-тц!

Сестра запнулась на полушаге. Перевела недоверчивый взгляд от Ба к маме. Мама широко улыбнулась и кивнула:

– Очень красивая, очень!

– Да? – обрадовалась Гаянэ. – Ду догда я бойду еще боищу бусиног. Можед быдь, даже бубырцадые найду! Для вас!

– Только бубырцадых бусинок нам не хватало, – всплеснула руками Ба.

Маневр, конечно же, не прошел. Теперь взрослым нужно было не только следить за тем, чтобы Гаянэ не переусердствовала в подборе бижутерии, но вежливо и убедительно, чтобы не обидеть ребенка, отказываться обвешивать себя той растительной и околорастительной мелочью, которую она радостно притаскивала им.

Мы с Манькой и Каринкой на природе совсем распоясываемся. Потому что природа, в отличие от вазы на комод, не ломается. Ну, по крайней мере, мы так считаем. Пока взрослые заняты готовкой, мы колобродим со страшной силой: то, завернувшись в пледы, скатываемся вниз по склону холма, а потом глаза долго в кучку собираем, потому что просвистеть с бешеной скоростью, перекатываясь с боку на бок, и не заработать себе тошноту и головокружение мало кто сумеет, то в речке купаемся, то грибов ядовитых полные карманы наберем, то еще какими несъедобными, зато жутко красивыми ягодами затаримся. А то, взобравшись на деревья, орем друг другу разные идиотские вещи.

– Нарка-а-а-а-а-а-а-а, – трубит Манька из густой кроны здоровенного бука, – ты красные панталоны надела или дома забыла?

– Наделаа-а-а-а-а-а! – ору я, болтаясь на хлипкой ветви лещины. – А ты надела свои зеленые панталоны-ы-ы-ы?

– Ага-а-а-а-а-а-а!!!

– А покажи!!!

– Щаз! – сварливо откликается Манька. – Сначала ты свои покажи.

– Я первая сказала!

– А я первая показать попросила!

– Ну вы ваще дуры, ваще-е-е-е-е! – отзывается Каринка со своего дерева. – Нашли о чем шуметь!

– А о чем надо было?

– Чего вы про панталоны врете?

– Нравится нам врать, вот и врем!

– Вруши-вруши... – Каринка на минуту смолкает, придумывая рифму.

– Кислые груши, – подсказываю я.

– Лопохуе уши! – не отстаёт от меня Манька.

– Ну вот, сами за себя и сказали. Вруши-вруши, уши как груши, – резюмирует Каринка.

– Га-га-га-а-а-а-а-а-а, – срываемся мы в дружный хохот. Очень нам нравится стихотворение про вруш.

Скоро начинает тянуть шашлычным духом, и мы резво ссыпаемся вниз. Через несколько секунд мы уже у стола – толкаясь локтями, занимаем стратегически важные места – подальше от всяких огурцов-помидоров-зелени и поближе к лимонаду. Папа несет большую эмалированную кастрюлю, ставит на краешек стола, торжественно поднимает крышку!!! А внутри, завернутый в тонкий лаваш и переложённый луком, лежит ароматный, сочный, вкуснющий шашлык. Вот где впору говорить «ммм»! Вот где надо, закатывая глаза и игнорируя попытки Ба соблазнить тебя то кусочком огурца, то ломтиком сыра, то зеленью, то еще какой полезной с ее точки зрения едой, пожирать хорошо прожаренное, пахнущее дымным костром мясо и запивать его пузырящимся, сладким лимонадом! И спешно, пока не замечают взрослые, облизывать стекающий с пальцев сок!

Папа с дядей Мишей обязательно выпивают по стопочке тутовки, произносят тост за женщин и детей и, удостоверившись, что никто не обделен шашлыком, приступают к еде.

- Приятного аппетита! – назидательно говорит Ба.
- Шпашибо! – отзываемся с набитыми ртами мы.

– Пожалушта!

С наступлением осени выезды на природу приобретают немного лихорадочный характер – впереди зима, и народ пытается наотдыхаться на свежем воздухе вволю. Поэтому ничего удивительного, что каждый погожий осенний выходной мы стремимся на природу – скоро с гор потянет холодным колючим ветром, облетят деревья, станет сыро и промозгло, а потом, на излете декабря, крупными хлопьями повалит недолгий, в тяжелые мокрые хлопья, снег.

В этом году конец октября выдался особенно прекрасным – стояла двадцатиградусная теплынь, клены по самую макушку обсыпали город и его окрестности багряным и золотым, с прощальными криками пролетали последние перелетные стаи. Городок расслабился и отдыхал – закончилась напряженная закаточная пора, урожай с полей убран, развеялся дынно-арбузный аромат над большим базаром. Погребов до отказа набиты припасами на зиму – орехами, медом, домашней ветчиной и бастурмой, сухофруктами и вареньями, соленьями, тушенкой собственного приготовления и прочими вкусностями. В пузатых дубовых бочках бродит игристое, молодое, но уже крепкое вино, в темных запотевших бутылках ждут своего праздничного часа наливки и домашний самогон. Природа словно замешкалась на секунду – передохнуть и понежиться в тепле, чтобы потом, нехотя, с тяжким вздохом, нагнать из-за холмов низкие темные облака и погрузиться в долгое, беспросветное ненастье.

Последнее воскресенье октября семейство Шац традиционно отводит визиту вежливости Ицхаковым – деду Амбо и бабушке Саре, Маниным бабушке и дедушке по материнской линии. Несмотря на неудавшийся брак детей, сваты сохранили между собой достаточно теплые отношения и стараются хотя бы раз в год, но обязательно встречаться. Дед Амбо и бабушка Сара живут в селе Паравакар. Паравакар в переводе с армянского означает «Старухин камень». Под камнем подразумевается высокий утес, у подножия которого раскинулось селение. Легенда гласит, что, когда в эти края пришли войска Арабского халифата, одна старушка обманным путем завела их на этот утес и, не дожидаясь расправы, бросилась в ущелье. С противоположной скалы враги просматривались как на ладони. Затаившиеся в пещерах лучники перестреляли часть непрошенных гостей, остальных добила подоспевшая ополченцы. Это дало маленькую, но передышку в затяжной войне, которую Армения с переменным успехом вела на протяжении многих веков – едва отбились от сасанидской Персии и Рима, пришли арабы, потом будут вероломная Византия, монголы, османы и снова персы – бесконечная, бесконечная война за выживание, тяжелая, изнурительная, кровопролитная борьба.

Там, где разбилась старушка, построили часовню, вокруг выросло селение, которое, как и утес, в память об отважной спасительнице назвали Паравакар.

У Маньки, куда ни глянь, везде примечательная родня. Дед Амбо – карабахский армянин. Бабушка Сара – шамхорская еврейка. На этой нервной почве на протяжении полувековых супружеских отношений в семье Ицхаковых идет непрекращающаяся полемика. Дети давно выросли и разъехались по разным городам нашей большой родины, народились замечательные внуки, а дед Амбо с бабушкой Сарой до сих пор не могут выяснить, кто до кого счастливо снизошел и «где бы ты был (была), если бы не я!». Восклицание сопровождается говорящим жестом, мол, оно и ясно, где бы ты был (была), в выгребной яме, где же еще!

Перефразируя Толстого, можно сказать, что все семьи одинаковы в своих странностях, но каждая семья сходит с ума по-своему. Можно много чего еще напридумывать на эту животрепещущую тему, но бесспорно одно – Ицхаковы могли дать фору любой плавно скатывающейся в неадекват семейной паре. И выиграли бы всухую.

Каждый бывалый паравакарец обходил дом Ицхаковых большой дугой. И этому были очень веские причины. Вот представьте себе ситуацию – собрался паравакарец за покупками. Продуктовый находится в центре села. К нему ведут две дороги. Одна, прямая и даже

местами заасфальтированная, пролегает мимо дома Ицхаковых. По этой дороге, если ме-е-е-едленным черепашным ходом или вообще по-пластунски, до магазина добираться пять минут. А вторая петляет по окраинам села, уходит в картофельные поля, путается в бурьяне и чертополохе, огибает соседское село Варагаван и, коварно пересекая в двух местах границу с Азербайджаном, форсируя вброд реку, возвращается в село, чтобы наконец-то благополучно уткнуться в сельпо. Любой нормальный человек выбрал бы первую дорогу, так? Так. Но стреляный воробей паравакарец выбирает тернистый обходной путь, потому что проще три часа петлять по невспаханым окрестностям и соседним республикам и явиться к прилавку с инкрустированным растительными залежами фасадом, чем пройти мимо калитки Ицхаковых. А всё почему? А всё потому, что дед Амбо – больной на голову в плане гостеприимства человек. Если с Амбо опрометчиво поздороваться, он вместо ответа начинает резать барана. Если не здороваться, он через забор сварливо интересуется, чего это ты его игнорируешь, и, пока ты придумываешь себе алиби, начинает резать барана. Попытки с бешеной скоростью просвистеть мимо калитки ни к чему не приводят – Амбо выскакивает в ворота, цепляет марафонца за шиворот металлическим набалдашником своей клюки и тащит в дом, попутно затевая очередное барановредительство.

– Сара, готовь этот твой слоеный кугель с мясом, есть невозможно, но хрен с ним, пусть будет! – рокочет Амбо.

– Да ты первый его съешь и пальцы проглотишь! – откликается Сара и, споро отщипывая от сухого лаваша мелкую труху, приступает к готовке. Бабушка Сара в плане гостеприимства мужу не уступает, ее хлебом не корми, дай только чего-нибудь вкусенького для подневольного гостя приготовить!

– Амбо-джан, – пытается сопротивляться несдержанный на приветствие человек, – я просто мимо проходил, на работу опаздываю.

– Ты меня вроде как обидеть хочешь? – выпрямляется Амбо и сдвигает на затылок головной убор – в любое время года он ходит в большой, выгоревшей от солнца шляпе с засборенными от дождей полями и лишь в самую жару заменяет ее старой отцовской парусиновой буденновкой.

– Ну что ты такое говоришь, никто тебя и не думал обижать!

– Вот и усаживайся за стол, раз обижать не хочешь. – И, подхватив упирающегося гостя под локоток, Амбо волочет его в дом. – Сара, неси картофельные оладьи, пусть человек с дороги перекусит, пока шашлык жарится.

– С какой дороги, я только что из дома вышел! – пытается оказать сопротивление гость. – Яичницу из пяти яиц съел, двумя чашками крепкого сладкого чая запил!

– Ничего не знаю, садись, сейчас все будет.

Самое страшное в деде Амбо не его гипертрофированное гостеприимство и даже не желание закормить гостя до беспометства. Самое страшное в деде Амбо – это его маниакальное стремление в любом знаменитом человеке найти хоть крупицу армянской крови. Бабушка Сара его так и называет – армянский маньяк. В своем непотопляемом патриотизме дед Амбо дошел до ручки – штудирует энциклопедии и прочие источники знаний в надежде найти подтверждение своей теории «сначала были армяне и только потом – свет», заметив в ФИО какой-нибудь известности характерное окончание – ян или – янц, надувается, как индюк, да так и ходит по дому, гордо выпятив грудь. Мол, знай наших! Не одобряет Шарля Азнавура и Сильви Вардан за то, что они «офранцузили» свои армянские фамилии, победно вздрагивает, услышав имена Себастьян или Валерьян (!), резко осуждает Эмиля Лотяну за ненужное – у (чем его Лотян не устраивал?). На попытки бабушка Сары втолковать ему, что Эмиль Лотяну – представитель совсем другой, не менее симпатичной национальности, дед Амбо раздраженно водит плечом:

– Что ты понимаешь в армянах, женщина!

Однажды, обманным путем заманив к себе приехавшего на неделю погостить у дочки украинского свата соседей, устроил дебаты на тему «кем являются по национальности люди с фамилией Касьян».

– Та забирай их всех себе! – махнул рукой сват, быстро вычислив, на какую несокрушимую твердолобость он натолкнулся.

24 апреля Паравакар предусмотрительно вымирает. Чтобы не нарываться. Потому что в этот день дед Амбо с раннего утра сильно не в духе, ходит по дому обмотанный патрон-ташем, периодически выскакивает на веранду и сыплет ругательствами в гипотетическую сторону турецкой границы.

– Шелудивые собаки! – потрясая кулаками в воздухе, грохочет дед Амбо. – Не сомневайтесь, возмездие еще настигнет вас, и я тогда плюну в ваши трусливые души вот таким плевком!

И, могуче харкнув за порог, уходит в дом.

Каждый раз, когда приходит пора наведаться к Ицхаковым, у дяди Миши сильно портится настроение.

– Юра, будь человеком, поехали с нами! Я один этого не вынесу! – просит он моего папу.

– Миша, ты знаешь, я тебя всегда поддержу. Но к Амбо не поеду. У меня нервная система расшатана, я еще с той поездки не отошел!

В прошлом году мы тоже поехали к Ицхаковым – знакомиться с Маниной паравакарской родней. По возвращении папа три дня дымился ушами – никак не мог отойти от дебатов с дедом Амбо.

– Я ему говорю – не дури и не срамись, – грохотал он. – Д’Артаньян никакого отношения к нам не имеет! А он говорит – позор тебе, Юрик, от своих отрекаешься!

– Юра, ну чего ты кипятишься, нервы побереги, – успокаивала его мама.

– Убери валерьянку, женщина, я в порядке!

– Глаза красные!

– Глаза от возмущения красные. Когда мне говорят: «Юрик, ты позор всех армян, ты даже не знаешь, что Д’Артаньян – наша национальная гордость», – как я могу реагировать? Я не только глазами краснею...

– Но и попой. Как макака!

– Женщина!

Визит к Ицхаковым в этом году прошел в традиционно напряженной, но хлебосольной обстановке.

– На столе всего было много, – рассказывала мне шепотом Манька на уроке сольфеджио, прикрывшись от всевидящего ока Серго Михайловича нотной тетрадкой, – и мяса, и курицы, и разных других едов... еды. Бабушка Сара приготовила такое блюдо, название смешное, типа башмак. Но не башмак. Не вспомню, как правильно называется.

– Блюдо на башмак похоже? – волновалась я.

– Нет. На замазку. Из рыбы и всякой другой ерунды. Но вкусно. Правда, я есть не стала, я шашлыка поела. А Ба почти весь этот башмак скушала. Намажет на хлеб масла, ест и нахваливает. Мол – такой башмак только моя мама умела готовить, больше никто. А бабушка Сара сидела вся из себя довольная, аж с красными щеками.

– А чего с красными щеками? Диатез?

– Нарка! Ну ты ваще дурочка! Какой диатез?! От радости она сидела с красными щеками!

– А-а-а-а!

– Ну!

– А дед Амбо чего?

– С папой спорил.

– Опять?!

– Угум.

– Теперь о чем?

– О том же. Например – что мама у Суворова армянка, и оттого он великий полководец.

– А дядя Миша чего?

– Обхватывал руками голову и стонал.

– Бедный.

– Ага. А еще знаешь чего мне дед Амбо сказал? Посадил меня на колени и говорит: ты у меня на четверть армянка. Притом на лучшую свою четверть, поняла? Помни об этом и никогда не забывай.

– А ты чего?

– Я его крепко обняла, расцеловала и говорю: дед Амбо, не волнуйся, я всегда буду об этом помнить. Но Ба ничего про эту лучшую четверть говорить не буду. А то мало ли.

Манька вздохнула, села прямо, пригладила ладошками складки на юбке, сложила ладони на коленях, окинула себя критичным взглядом. Покосилась в мою сторону и шепнула уголком рта:

– Осталось вычислить, где эта четверть у меня находится.

– Зачем?

– Ну, чтобы не путать с остальными. Я ж говорю – а то мало ли!

Глава 14

Манюня выходит на променад по крышам, или Крысотерапия бабушки Забел

Из чего делают этот шифер – непонятно. Из картона, наверное, делают. Хотела бы я прожечь выразительным взглядом того, кто придумал делать шифер из картона. Прямо насквозь хотела бы прожечь. Или даже покрутить ему пальцем у виска. Это надо было додуматься делать шифер из такого хрупкого материала, что даже прыгать по нему без происшествий нельзя!

Главное – я же не специально! Я неуклюжая и, честно говоря, большая трусиха. Если бы не Манька с Каринкой, моя жизнь была бы скучной и однообразной пыткой – утром школа, днем музыкалка, вечером уроки. Ужас! Хорошо, что мне повезло с девочками. С Манькой и Каринкой некогда скучать, с ними, что дома, что на улице, что в пионерлагере, не жизнь, а сплошное испытание на прочность.

Взобраться на крышу предложила Маринка из тридцать восьмой – еще один залог моих шебутных будней. Как всегда, все завертелось с пустяка. Мы просто ходили по двору и обсуждали способы реанимации старой, изжеванной в хлопья жвачки. Наилучшим методом единогласно признали реанимацию с помощью обложки. Берется обычная тетрадь в двенадцать листов, отрывается от обложки кусочек размером в почтовую марку и энергично разжевывается вместе со старой и уже невкусной жвачкой. Бумага придает жвачке эластичность и нежный зеленый (или желтый, смотря какая вам попалась обложка) колер. Легенда гласит, что благодаря такому нехитрому способу восьмой «А» Бердской средней школы № 3 целый месяц жевал одну жвачку, передавая ее по эстафете друг другу с интервалом в пятнадцать минут. Вкус возрожденной к жизни жевательной резинки особых изменений не претерпевает, только приобретает дополнительный безнадежный и бездарный оттенок. Но второе дыхание у жвачки открывается. Продержавшись еще какое-то время, она падает смертью храбрых. Безвозвратно. А так как толкового метода повторной реанимации мы еще не придумали, то находимся в постоянном поиске. На днях, например, добавили в почившую в бозе апельсиновую жвачку парафин. Чтобы не вызывать ненужных подозрений у взрослых, мы не стали отпиливать кусочек от свечи, просто соскребли с боков застывшие капельки и осторожно сжевали с останками жвачки. Получилась противная на вкус и по консистенции гадостная гадость. Никогда не добавляйте в старую жвачку парафин, вот вам мой наказ. И пластилин не добавляйте, толку ноль и вкус бензиновый.

В общем, ходили мы по двору и шепотом обсуждали стратегические вопросы. И вдруг Маринку осенило. А когда ее осеняет, она первым делом выкатывает глаза и начинает глотать воздух, как выброшенная на берег рыба. Мы тут же притормозили и какое-то время с любопытством наблюдали за нашей подругой.

– Ну чего? – поторопила Каринка.

– А давайте... – очнулась Маринка и снова замолчала.

– Чего давайте? – заволновались мы.

– Давайте по крышам гаражей пойдём гулять!

– Зачем? – сварливо отозвалась я. Словно почувствовала, что не надо нам на эти крыши лезть, ничем хорошим это не закончится.

– Чего-то полезное можем найти! – с нажимом ответила Маринка. – Замаску какую, например. Авось в жвачку добавим. Ну что, пошли?

– Конечно, пошли, – откликнулись Каринка с Манькой. Их вообще спрашивать не надо, просто сделай таинственный вид, и они готовы следовать за тобой в любой конец света!

И что я могла сказать? Нет, не пойдем на крыши, давайте лучше в салочки играть? Меня бы на смех подняли! В салочки мы уже давно не играем, года два точно. Как повзрослели, так и не играем. Увлечения теперь у нас другие, с радикальным уклоном. Например, мы научились гасить во рту зажженные спички. Правда, удовольствие это редкое, потому что спички достать – целая проблема. Дома они хранятся как зеница ока, и не потому, что дефицитные, как раз в магазинах спичек навалом – и в продуктовом, и в скобяном, и в военторге, и даже в овощной лавке на Ленина. А потому, что к спичкам нам строго-настрого запрещено прикасаться. Особенно после истории с тумбанами¹⁶. В магазине мы спички купить не можем, потому что Ба не поленилась заглянуть ко всем продавцам с просьбой не давать их вот этим оглоядкам (широкий жест в сторону наших понурых темечек). И теперь мы табуированные в плане горюче-поджигательных материалов клиенты в любой торговой точке Берда. Эти взрослые, они иногда очень солидарные люди, особенно когда объединяются против детей.

Какое-то время материал для опытов поставляла нам Маринка. Благодаря ей мы имели возможность неустанно совершенствоваться в нелегком деле гашения во рту зажженных спичек. Но потом Маринкин брат Сурик учинил такое, что теперь в каждом доме Берда спички – самый строго охраняемый предмет. Лежат они исключительно в недоступных для детей местах, в окружении медвежьих капканов, заминированных рвов и прочих неприступных приспособлений. А всё почему? А всё потому, что Сурику взбрело в голову впервые в жизни покурить. Такое иногда случается с недалекими на мозг мальчиками тринадцати лет от роду. Некуда такому мальчику девать свою кипучую энергию, вот он и пускает ее на всякие разрушительные мероприятия. Хотя нужно признать – Сурика в этой истории полностью винить нельзя, он стал жертвой обстоятельств. В некотором неоспоримом роде.

В общем, рассказываю, как оно было. Однажды Маринкин папа дядя Давид испачкал мазутом свой кожаный плащ импортного югославского производства. Сначала с дядей Давидом чуть родимчик не приключился, ведь копил он на этот плащ целых два года! А тут такие трагические дела. Хоть ложись и помирай с горя! Но коллеги вовремя нанесли упреждающий удар и подсказали надежный способ избавления от пятна.

– Мазут можно безболезненно свести бензином, – объяснили они Маринкиному папе, чем спасли ему жизнь.

Обрадованный дядя Давид сцедил из бака своего «москвича» пол-литра бензина и приступил к священнодействию. Бензин пятно действительно вывел. Вошедший во вкус дядя Давид пристально изучил плащ на предмет обнаружения новых трудновыводимых пятен, ничего не нашел, зато потом долго ходил по дому, придумывая место, где можно спрятать горючее. Поставил банку с бензином на балкон и прилег отдохнуть. К сожалению, дядя Давид с детства отличался буйной фантазией, поэтому, вместо того чтобы погрузиться в сон, лежал с открытыми глазами и представлял разные ужасы. Например, как сосед сверху выкуривает у себя на балконе сигарету и некультурно выбрасывает бычок во двор. Порыв ветра подхватывает тлеющий окурочок и закидывает на балкон тридцать восьмой квартиры, прямо на злосчастную банку с бензином.

«Бум!» – раздается взрыв, бензин вспыхивает, огонь весело трещит, перекидываясь с одного балкона на другой... Загорается подъезд, потом весь дом, пожар перекидывается на соседние здания... Ужас и кошмар!

Дядя Давид подскочил как ужаленный, выбежал на балкон, забрал банку с бензином и принялся снова бегать по дому в поисках убедительного укромного уголка. Заглянул под кровать. Представил, как жена моет пол, задевает шваброй банку, та опрокидывается, по паркету разливается бензин, тут откуда ни возьмись коротит проводка, искра летит прямо в бензиновую лужу...

¹⁶ Об этом тоже читайте в книге «Манюня».

«Бум!» – раздается взрыв, лужа загорается, пламя, весело цепляясь за ножки мебели, тянется вверх, перекидывается на соседние квартиры...

– Да что за черт побери?! – рассердился дядя Давид. – Сдался мне этот бензин! Надо его вылить в унитаз. Спущу воду, закрою крышкой. Ни одна искра не доберется!

Довольный своей находчивостью, он вылил бензин в унитаз, спустил воду и с чувством выполненного долга прилег отдохнуть. К сожалению, дядя Давид забыл об одной важной особенности бензина – он намного легче воды, поэтому просто так, одним спуском сливного бачка, в канализацию не уйдет.

Как назло, именно в тот день Сурик решил стать взрослым. Пока отец отдыхал, он стащил у него сигарету и заперся в туалете – пускаться во все тяжкие. Не обращая внимания на подозрительный запах бензина, с комфортом уселся на унитаз, неумело закурил и, ничтоже сумняшеся, кинул спичку в слив.

«Бум!» – гаркнул унитаз.

– А-а-а-а-а! – заорал Сурик.

Дядя Давид выскочил из комнаты ровно в ту минуту, когда Сурик вылетал из туалета. С перекошенным лицом, голой алеющей попой, сигаретой в зубах и квадратными глазами навывкате. Не прекращая дымиться попой, он красивой дугой пролетел через коридор и успокоился на подступах к своей кровати лицом вниз.

Первым делом дядя Давид удостоверился, что жизненно важный мальчиковый орган сына не пострадал. Сурик оказался прытким парнишей и отреагировал на бензиновый взрыв таким высоким прыжком, что только попа немножко обгорела.

– Я с тобой потом разберусь! – выдохнул дядя Давид, выдернул из зубов Сурика сигарету и побежал в туалет – тушить пожар. Унитаз самозабвенно полыхал, плюясь огнем, пластмассовый обод и крышка расплавились и скукожились, ядовитым дымом выедало глаза. Дядя Давид какое-то время бестолково прыгал вокруг, потом махнул рукой.

– Ничего не попишешь, бензин должен выгореть, – решил он, распахнул двери и окна и с протяжными вздохами принялся наблюдать, как покрывается трещинами унитаз, а черный густой дым, непрерывно валивший из туалета, оседает темными пятнами на свежепобеленных потолках и белоснежных занавесках.

Бензин выгорал долго, казалось – целую вечность. Когда огонь, наконец, потух, из спальни высунулся Сурик.

– Надо было намочить банное полотенце и кинуть в унитаз, – виновато прогундосил он. – Если перекрыть доступ кислорода к огню, он погаснет.

– А раньше ты не мог это сказать? – крикнул дядя Давид.

Сурик громко сглотнул и попятился:

– Не мог. Только что сообразил.

Дядя Давид молча сдернул ремень и принялся воспитывать Сурика. За сигарету поколотил, за то, что задним умом крепок, а заодно и за другие грядущие прегрешения. В общем, на многие годы вперед поколотил. Сурик стоически вытерпел порку, а потом на пару с отцом принялся наводить порядок в квартире. Ведь скоро из больницы вернется мама, она работает медсестрой и от этого умеет мыслить только стерильными категориями, а любую пылинку воспринимает как личное оскорбление.

Вернувшаяся со смены тетя Тамара застала в квартире плохо замаскированные последствия Армагеддона: обильно замазанный в черные разводы паркетный пол, чудовищная вонь расплавленной пластмассы, задымленные потолки, замоченные в ванне занавески и обломки крышки бачка, который пал жертвой бешеной уборки. Посреди всего этого ландшафтного надругательства замерли соляными столпами два отчаянно чумазых создания. На переднем плане, скрипя металлической вешалкой, качался из стороны в сторону висящий на люстре кожаный плащ.

– Тамара, ты ничего плохого не подумай. Это мы пятно бензином выводили, – виновато развел руками дядя Давид.

Скандал в Маринкиной семье случился грандиозный. Женщины близлежащих кварталов прибегали на шум – поболеть за тетю Тамару, а мужчины благоразумно остались отсиживаться по домам. Во избежание. А то коня на скаку с грехом пополам еще можно остановить. А попробуй на полном скаку остановить взбешенную женщину! То-то!

Из-за Сурикова подвига дети нашего городка надолго остались без спичек. Взрослые охраняют их как военные объекты повышенной секретности. Редко когда нам удается стибрить счастливо оставшийся без внимания коробок. Но если такое случается, мы отрываемся по полной программе – прячемся где-нибудь за гаражами или на стройке и гасим зажженные спички во рту. Чтобы без последствий погасить горящую спичку, нужно помнить о нескольких очень важных вещах. Во-первых, обязательно надо глубоко вдохнуть, чтобы небо ушло высоко вверх. Во-вторых – ни в коем разе нельзя выдыхать. Обхватываешь губами спичку, крепко зажимаешь рот и замираешь. Через секунду спичка гаснет – огню просто не хватает воздуха, чтобы разгореться. И тут ты торжественно извлекаешь погасшую спичку и выдыхаешь дымом. Красота! Во рту остается неприятный привкус серы, зато все окрестные мальчишки в отпаде и относятся к тебе с уважением и почетом. Еще бы, не каждая девочка решится на такой отважный поступок!

Когда Маринка предложила погулять по крышам, у меня внутри что-то жалобно тренькнуло. Прямо так жалобно, что сразу стало ясно — идти на крыши ни в коем разе нельзя. Я даже попыталась остановить девочек, но куда там! Никто меня слушаться не стал. Девочки пришпорили к гаражу восемнадцатой квартиры с такой скоростью, что я еле поспевала за

ними. За этим гаражом растет невысокая, но коренастая слива-венгерка. Если умеючи взобраться на нее – не целой гурьбой, а по очереди, то можно, осторожно приподнявшись на цыпочках, вскарабкаться на пологую шиферную крышу. Главное, не делать резких движений и не подпрыгивать – слива хлипкая, хоть и немолодая. Ей не хватает солнца и воздуха – за гаражами сыро и промозгло, вот она и растет, как умеет, вкривь и вкось, и плодоносит на самой верхушке редкими, но очень вкусными темно-синими плодами с белым восковым налетом. Сливу обрываем мы – она ничья, растет в сторонке, глаз не мозолит, вот люди о ней и забыли. К концу осени она полностью облетает, стоит, скособоленная, переливаясь на самой макушке надтреснутыми сладкими плодами. Мне иногда кажется, что ей очень одиноко. Я глажу ее по стволу и шепчу какие-то ласковые слова. Каринка надо мной откровенно смеется, а Манька говорит, что хоть я и со странностями, но она все равно меня не бросит.

– Буду ухаживать за тобой, когда ты совсем с ума сойдешь, Нарка. Так что не волнуйся, хочешь тебе разговаривать с деревьями – разговаривай. Я-то всегда рядом! – косится на меня озабоченным взглядом Манька.

Взобраться на гараж не представило большого труда – мы резво вскарабкались по локтю сливы и с превеликой осторожностью переползли на крышу. Гаражи в нашем дворе стоят впритык друг к другу, крыша одного перетекает в крышу другого. Все они покрыты шиферными плитами. По таким плитам нужно ходить очень аккуратно – тут и там угрожающе торчат ржавые шляпки специальных гвоздей, которыми фиксируют шифер, и пораниться о такой гвоздь очень опасно. Занесешь инфекцию и потом месяц прихрамываешь, потому что ступню разнесло. С Риткой из тридцать пятой случилась именно такая беда. Напоролась она на гвоздь, и привет, называется, приехали. Два раза в день ей обрабатывали ногу йодом, вонючими мазями и накладывали большую бобину повязки. И так целый месяц! Притом поранилась она в летние каникулы, в самую жару, и пропустила целую вечность оголтелого счастья – ни тебе по двору поскакать, ни в речке искупаться, ни на стройке побеситься. В общем – полная невезуха.

С крыши восемнадцатого гаража открывался красивый обзор на квартиры напротив. На втором этаже никого было не видеть, зато на первом творилось удивительное – семья Овнанын в полном составе ползала на карачках по полу гостиной. Штор на окнах не было, видимо, тетя Бирута сняла их, чтобы постирать. Да так и не постирала, вон, ползает по гостиной вверх попой, заглядывает под диван и кресла, шарит под шкафом с хрустальной горкой. Периодически поднимает голову и, потрясая в воздухе красивыми длинными руками, переругивается с мужем дядей Гариком и свекровью бабушкой Забел. Дядя Гарик и бабушка Забел по-пластунски следуют за тетей Бирутой и шарят руками там же, где только что пошарила она.

Тетя Бирута – единственная в нашем городе литовка. Высокая, светловолосая, с дивными васильковыми глазами, она смотрится на фоне своего коренастого смуглого мужа сказочной принцессой, а уж на фоне старенькой бабушки Забел так вообще королевишной всяя Вселенной! За двадцать лет брака тетя Бирута научилась переговаривать на армянском любого аборигена и готовить местные блюда так, что пальчики оближешь.

– Чего это они ищут? – просипела Манька, неотрывно следя за попой тети Бируты.

– Может, богатства какие? – встрепенулась Маринка.

– Под диваном? – усомнилась я.

Тут тетя Бирута резко вскинулась и посмотрела в нашу сторону. Мы посыпались вниз, прижались к крыше, пытаясь максимально слиться с шифером, – если она нас заметит, то прогонит с гаража, и мы не узнаем, что они ищут. К счастью, тетя Бирута ничего не заметила. Она распахнула окна и вернулась к поискам – встала на четвереньки и, заглядывая под мебель, поползла к выходу из комнаты. Следом, методично шаря по тем углам, куда только что заглядывала тетя Бирута, поползли дядя Гарик и бабушка Забел. Открытым окнам мы

очень обрадовались – теперь можно было не только наблюдать за Овнаниями, но и подслушивать их разговор.

- Дышать нечем, – долетел до нас скрипучий голос бабушки Забел.
 - Мама, чья бы корова мычала, ваша бы молчала! – мигом откликнулась тетя Бирута.
 - Дожили, родная невестка меня коровой ругает!
 - А как вас не ругать?
 - Замолчите обе! – прогрехотал дядя Гарик.
 - А ты вообще заткнись! – мигом откликнулись бабушка Забел с тетей Бирутой.
- И троица, смешно оттопырившись попами, гуськом уползла в прихожую.
- Во дают, – выкатила глаза Каринка.
 - Точно что-то ищут, – кивнула я.
 - Вот только что?
 - Подождем, авось еще появятся.

Ждать пришлось недолго. Минуты через две караван из вскинутых поп показался на кухне. В авангарде колыхался тощий зад тети Бируты, следом ползла обтянутая синими трениками попа дяди Гарика. Шествие замыкал облаченный в цветастый халат обширный тыл бабушки Забел.

- Ох, – трубила бабушка Забел, – все колени себе стерла. И дышать нечем!
 - Мама, ну кто же вас просит ползать за нами? – вскинулась тетя Бирута.
 - Ну, может, вы не заметите!
 - А вы, значит, заметите, да? Без очков!
 - Так я же дальнотворкая, любую пылинку за километр вижу.
 - Ладно, бог с вами. Ползите следом, только подложите себе что-нибудь под колени.
- Вот, – тетя Бирута сдернула со стула подушку и протянула бабушке Забел, – держите.
- А второй подушки нет?
 - Зачем вам вторая? – Попа тети Бируты обернулась к нам, хм, задом, а к бабушке Забел – передом. – Встаньте обоими коленями на подушку и ползите за нами.
 - Я что, акробат?
 - Тогда не мешайте нам!
 - Дожили, родная невестка на меня голос поднимает!
 - А как я могу голос на вас не поднимать?
 - Замолчите обе! – вызверился дядя Гарик.
 - А ты вообще заткнись! – дружно прогремело в ответ.

Попы сделали круг по кухне, заглянули за холодильник, пошуршали в ящичке из-под прищепок и за мусорным ведром и уплыли в том же порядке в прихожую – впереди тетя Бирута, следом дядя Гарик, а в арьергарде, резво перебирая лапками и волоча за собой подушку, – бабушка Забел.

- Пропусти меня вперед! – прогремел жене дядя Гарик.
- Еще чего! А если поранишься или в дохлятину вляпаешься?
- Буэ, – передернулся всем телом дядя Гарик.
- Я без очков, дайте вперед пройду, я все паутины вижу, – прокакала бабушка Забел.
- Мама! – отозвались хором дядя Гарик с тетей Бирутой.
- Захрмар¹⁷ вам, а не мама! Что за дети такие, не дети, а бердские ишаки, – стеная, бабушка Забел скрылась за дверным косяком. Каринка отползла от края крыши, села. Почесала нос, нахохлилась.

- Мы отползли следом, тоже сели. На всякий случай тоже почесали носы и нахохлились.
- Про какую это дохлятину они говорили? – протянула Каринка.

¹⁷ От «захре мар» – змеиный яд (фарси).

- Видимо, у них дома кто-то сдох, вот и ищут, – громко сглотнула Маринка.
- А кто это сдох? – вставила Манька.
- Ну мало ли кто у них сдох, может, котенок, а может...

Договорить Маринка не успела. В следующий миг раздался такой леденящий душу вопль, что мы вскочили как подстегнутые. Вопль был протяжным, со всхлипами, переходящий в истеричные завывания. Мы мигом вспотели. Ясно было, что от большого счастья человек так орать не станет.

- Быстро вниз, – скомандовала Каринка. – У Овнаниянов кого-то убили.

Девочки ринулись к сливовому дереву. Чтобы не отставать от них, я разбежалась и попыталась перепрыгнуть через конек крыши. Прыжок получился неуклюжим, я зацепилась о торчащий край ботинком и ввинтилась с размаху в трещину на плите. Шифер хрястнул, рассыпался на осколки и съехал вниз. В крыше образовалась дыра. Каким-то чудом я спланировала на деревянный шаткий ригель, удержала равновесие, подскочила и помчалась по скату вниз, к водосточной трубе. Надо было смываться как можно быстрее, чтобы хозяева восемнадцатой квартиры не увидели, кто раскурочил крышу их гаража. Поэтому я на одном дыхании ссыпалась вниз, промчалась петляющим зигзагом к подсобке дворника, нырнула за угол, натянула беспечное выражение лица и вынырнула на люди. Из-за гаражей с широко разинутыми ртами выскочили Каринка, Манька и Маринка.

- Ну ты ваще-е-е-е, – крикнула Манька.

– Чего ваще?

- Потом, сначала разберемся, что в шестнадцатой квартире случилось.

Мы припустили к третьему подъезду. На ступеньках уже колосились взволнованные жильцы нашего дома.

- Кто кричал? Что случилось? – расспрашивали они друг друга.

– Это в квартире Овнаниянов кричали, – встряла Маринка.

- Откуда знаете? – обернулись к нам взрослые.

Маринка хотела рассказать про крышу, но вовремя прикусила язык.

– Ну, просто слышно было в открытое окно, – нашлась она. Все повернулись в сторону окон шестнадцатой квартиры. В следующий миг оттуда выглянула всклокоченная бабушка Забел. Один глаз у бабушки Забел непрестанно бегал туда-сюда, платок сполз набок, прикрыв ухо и второй глаз, чем придавал ей залихватский пиратский вид.

- Кто у вас кричал? – пошла в наступление вездесущая активистка тетя Сирун.

– Бирута, – закручинилась бабушка Забел. – Угодила рукой в крысоловку.

- Куда? – заволновались люди.

– В крысоловку! Повадилась к нам крыса бегать. Главное, наглая такая, все обосыт, кашашек накидает, продукты попортит. Я предложила крысоловку поставить. Но Гарик уперся – нет, говорит, давайте за плитусы толченого стекла с сахаром насыплем, крыса съест и подохнет.

- Легко может от толченого стекла подохнуть, – заволновались слушатели.

– В общем, они с Бирутой насыпали стекла за плитусы, а я попросила у нашей Зины крысоловку и поставила под комод. И, голова дырявая, начисто о ней забыла. Сегодня дома завоняло дохлятиной, мы принялись шарить по квартире в поисках крысы. Ну и... – Бабушка Забел поправила платок, щелкнула искусственной челюстью, пожевала губами.

- Чего и? – забеспокоилась толпа.

– В общем, Бирута полезла рукой под комод, и вот. Главное, я ей говорю – пусти нас вперед, а она говорит – не пушу, вы поранитесь. Как чувствовала.

Бабушка Забел тяжело вздохнула, почесала щеку, еще раз щелкнула зубами.

– Гарик повел ее к Софе – перевязывать руку. А крысу мы так и не нашли. Видно, где-то под полом сдохла. Теперь придется мастера вызывать, пол вскрывать. Или в этой вони жить. И эта крысоловка, будь она неладна! Зря только у нашей Зины попросила.

– Ну почему зря? – хохотнул дядя Григор. – Вон, невестка попалась.

– Ахаха-а-а-а, – загоготали люди.

– Балбесом был, балбесом и остался, – махнула рукой на дядю Григора бабушка Забел, – их, дурень!

– А чего это дурень? – запетушился дядя Григор.

– Мозг с грецкий орех, вот и дурень. Весь в своего отца!

– А чего это в отца? – встал руки в боки дядя Григор.

Мы не стали слушать дальше перепалку взрослых, отошли в сторону.

– Брюки не отмоются, – шепнула мне Маринка.

Я глянула на свои брюки и похолодела – они были в больших ржавых пятнах.

– Это когда я успела так испачкаться?

– Ты хоть помнишь, как с крыши спустилась? – спросила Манька.

– Мань, ну чего ты глупости спрашиваешь? По дереву спустилась.

– Ну да, ну да! – нервно закивали головой девочки.

– Чего это «нудануда»? – нехорошо прищурилась я.

– А того! – подвинула рукой Маньку Каринка. – Ты по водосточной трубе спустилась.

– По какой это водосточной трубе?

– По этой! – Сестра ткнула пальцем в хлипкую, насквозь ржавую водосточную трубу, кривой кишкой мотавшуюся на боку гаража.

– По этой? – опешила я.

– Ага.

Я глянула на свои руки. Они были вымазаны ржавчиной.

– Как же так? – не поверила я. – Как я могла по трубе спуститься?

– Да ты вообще себя как сумасшедшая повела. Зачем-то порушила крышу, выскочила из дыры, ринулась не в ту сторону, ссыпалась вниз по трубе и юркнула за подсобку. Мы даже слова вымолвить не успели. Ну ты ваще-е-е-е! – протянула уважительно Манька.

– Что я маме скажу? – взвыла я. – Это же техасы, они дорого стоят! Их за мной еще сестры должны были донашивать! Горевать было о чем. Брюки у меня были новые, из фальшивой джинсы, которую у нас называют «техас». Достались они мне по счастливому стечению обстоятельств – наша физичка привезла их из Ленинграда своей дочке, а они ей оказались малы. Вот мама и взяла брюки мне. Потому что качественные и почти джинсы. А тут такое горе – ржавчина! Ее ведь ничем не извести!

В общем, вернулась я понурая домой. Мама сначала наорала на меня, потом, оплакивая мои брюки, побежала в Речной квартал – советоваться со швеей тетей Арминэ, как можно их спасти. Тетя Арминэ посоветовала покрасить их в черный цвет и отправила маму к своей знакомой, которая промышляла окраской пряжи. Знакомая обещала за три рубля покрасить брюки в непробиваемый черный цвет. Слово свое она сдержала, цвет действительно получился непробиваемым и убедительно прокрасил ржавчину. Но от этих манипуляций техасы сели в длину, и теперь их носит Каринка. Каждый раз, когда она надевает брюки, у меня начинает дергаться глаз. От обиды. Я тоже хочу ходить в модных техасах! Но мне не дано. И всё почему? А потому, что надо с умом придумывать шифер. Был бы он не таким хрупким, фиг бы я порушила чужую крышу и съехала вниз по ржавой водосточной трубе!

В общем, хотела бы я прожечь выразительным взглядом того, кто придумал делать шифер из картона. Прямо насквозь хотела бы прожечь. Или даже покрутить ему пальцем у виска. Это надо было додуматься делать шифер из такого материала, что даже прыгать по нему без потерь для собственного гардероба нельзя!

Глава 15

Манюня едет в Кировабад

Солнечным ноябрьским днем мы возвращались домой. Мы – это я, Манька и Каринка. По вторникам занятия в музыкальной и художественной школах совпадали, поэтому возвращались мы домой всегда вместе. День выдался для поздней осени неприлично погожим: светило солнце, небо сгустилось в спелую синеву, и даже птицы пели по-весеннему весело. Идти по улице чинно-благородно в таких благоприятных природных условиях не представляется возможным. Поэтому мы, напевая «Пока-пока-покачивая перьями на шляпах» и резво игогокая, мчались по Маштоца, стараясь не задевать разомлевших от такой природной благодати неспешных прохожих. Слева от нас, между буйно разросшимися голубыми елями городского сквера мелькал гипсовый памятник Ленину, ласково называемый в народе «Широко шагает Азербайджан». Вождь революции замер на постаменте с далеко занесенной правой ногой, вытянув в направлении движения левую руку. Неподготовленный ценитель искусства вряд ли бы заподозрил в кургузом гипсовом дядечке Владимира Ильича Ленина. Скорее он мог решить, что это памятник скрывающемуся с места преступления мелкому воришке. В пользу этой версии говорили вытаращенные глаза, глубоко надвинутая на лоб кепка, конспиративная сутулость и резвый бег дядечки.

Дабы не вводить неискнутого созерцателя периферийного скульптурного искусства в ненужное заблуждение, на постаменте аршинными буквами выбили инициалы и фамилию вождя. На двух языках – русском и армянском.

Фраза «Широко шагает Азербайджан» принадлежала генсеку Леониду Ильичу Брежневу. После своего визита в солнечную закавказскую республику, умащенный теплым приемом и дорогими подарками, генсек изрек подлинно историческую фразу.

– Широко шагает Азрибажан, – одобрительно прошамкал он и расцеловал своим фирменным трехкратным поцелуем Гейдара Алиева.

– Широко шагает – штаны порвет, – мигом отозвалось армянское радио.

Фраза быстро прижилась в народе и часто употреблялась по поводу и без, с неизменной иронией и многозначительным кивком в сторону азербайджанской границы. Вот и скульптуру вождя революции она не обошла стороной – уж больно резво рвался Ленин в голубые дали, аж перепрыгивал с постамента в коммунистического светлое будущее, презрев сегодняшние будни. Под занесенной ногой памятника прошлой весной нас принимали в пионеры. Мы с Манькой стояли в разных концах бледных от торжественности момента шеренг школьников и периодически, когда от волнения аж совсем дыхание в зобу стопорило, кидали друг на друга осторожные, но многозначительные взгляды. Церемония прошла молниеносно, нам повязали галстуки, фальшиво протрубили в трубу, погремели в барабаны и велели на «будь готов» кричать «всегда готов». Мы с готовностью драли глотки, а потом, развеваясь во все стороны пахнущими раскаленным утюгом галстуками, разбежались по домам – хвастать перед нашими взрослыми тем, что уже выросли. Правда, взрослые отнеслись к этой новости достаточно равнодушно, даже немножко подтрунивали над нами, мол, вчера были без галстуков, зато дети, а сегодня с галстуками, но пионеры. В общем, как-то странно они себя повели. А Каринка традиционно не подкачала – тут же подралась с нами, чтобы не задавались, а то ишь, распустились, на целых два года раньше родились, и поэтому теперь мы пионеры, а она пока всего лишь октябренок!

Мы скакали по улице, драли глотки «перьями на шляпах», а застывший в нелепом прыжке гипсовый Ленин, стараясь не отставать, весело мелькал по ходу нашего движения в пушистых лапах голубых елей.

– Чего забыла вам рассказать! – неожиданно прервала пение Манька, резко притормозила и замерла с откляченной попой и широко расставленными локтями, балансируя на высоком бордюрном камне тротуара.

Я, тоже притормаживая, завертелась волчком, а мчавшаяся следом Каринка, не прерывая пения, пролетела мимо и на словах «мерси боку» красиво вписалась мольбертом в металлическое ограждение забора.

«Буммммм!» отозвался забор.

– Чего забыла? – перекричала грохот Каринка.

– В последнее время Ба себя очень странно ведет!

– То есть как это странно?

– Прямо не знаю, как объяснить. Вроде ведет себя как обычно, и завтрак приготовит, и обед сварит, и погладила вон вчера. И наорала на меня за то, что контрольную по математике на тройку написала!

– Чего это ты контрольную на тройку написала? Вроде математика всегда у тебя хорошо шла.

– В этот раз плохо пошла. Из пяти уравнений в трех допустила ошибки. Притом очень дурацкие ошибки, от невнимания. Эх!

Манька вздохнула, попинала коленом футляр скрипки. Мы с Каринкой с готовностью подхватили ее движение – я попинала папку с нотными тетрадами, а сестра – мольберт. Мольберт был небольшой, складной и непотопляемый. Раньше Каринка ходила в художку с планшетом. Но эти планшеты долго не жили – сестра очень любила ими драться. Когда она сломала очередной планшет о спину Рубика, мама прибежала со слезами на глазах к дяде Мише, упала ему в ноги и обещала полцарства за пуленепробиваемый мольберт.

Дядя Миша от полцарства великодушно отказался и обещал обязательно что-нибудь придумать. Несколько дней ломал голову, изобретая такую конструкцию, чтобы при желании можно было по ней катком проехать и даже защититься от ударной волны, случайно оказавшись в эпицентре атомного взрыва. Ставил не совместимые с мольбертовой жизнью эксперименты на заднем дворе релейного завода – швырялся им с крыши сборочного цеха и пытался погнуть, навалившись всем телом и надавливая коленом.

Каринка периодически бегала к нему – вносить рацпредложения.

– Дядя Миша, а чтобы можно было с горки съехать?

– И с горки съедешь, – пыхтел дядя Миша, напрыгивая с разбега на разложенный мольберт. Коллектив релейного завода почтительно наблюдал в окна битву главного инженера с очередным изобретением. Отправлял передачи с секретаршей Сюзанной Гамлетовной – дородной златозубой дамой с обширной грудью и высоким начесом пергидролевых волос. Сюзанна Гамлетовна, дабы не сбивать начальство с изобретательного прицела, лазутчиком просачивалась на испытательный полигон, оставляла поднос с кофе и бутербродами в непосредственной близости от Михаила Сергеевича и, сверкая каблуками и золотыми зубами, уползала прочь.

Дядя Миша так просто сдаваться не умел. Результатом многочисленных экспериментов и смелых конструкторских затей стал легкий, но суперпрочный настольный складной мольберт с изменяемым наклоном верхней рамы и специальными присосками, которыми он намертво фиксировался на любой поверхности. Заполучив такую красоту, Каринка тотчас пустила ее в дело. Как раз накануне по телевизору показывали передачу «В мире животных», и сестра была очень впечатлена тем, как тигр в полете ударом лапы перебивает хребет буйволу. «А я чем хуже», – решила Каринка и в красивом тигрином прыжке скопытила Рубика метким ударом в район межлопаты.

Рубик мигом прикинулся тяжелораненым, приполз, медленно перебирая лапками, домой и два дня демонстративно не ходил в школу, мотивируя это тем, что сидеть больно

и лежать больно, а уж ходить так больно, что вообще невыносимо! Наша мама передвигалась по двору пунктирными пробежками, чтобы не попадаться на глаза Рубиковой маме, и, кстати, очень зря, ведь тетя Лаура отлично знала своего сына и понимала, что все эти игры в парализованность не что иное, как желание пропустить школу, этот благословенный источник знаний. Рубик вообще в плане пропусков занятий настоящий профи. Однажды, например, он полдня смотрел на сварку, чтобы проснуться с воспаленными глазами и не идти в школу. Потому что два контрольных диктанта, по русскому и армянскому языкам, кого угодно до сварки доведут! Главное, рабочий постоянно отгонял его, но Рубик упрямо пролезал обратно на стройку и, не мигая, наблюдал за сваркой. Пришлось его назавтра в срочном порядке на прием к главному вести. Зато четвертные контрольные счастливо пропустил, паразит.

На самом деле такое поведение Рубика осуждать ни в коем разе нельзя. Четвертная контрольная – то еще испытание. Поэтому каждый выживает, как умеет. Кто парализованным прикидывается, а кто, как мой одноклассник Грант, наедается бакмаза – специального народного средства от кашля, которое готовится из жженого сахара и туты. Нормальный ребенок от бакмаза может только слипнуться, потому что сладости он чрезвычайной. Но Грант не нормальный ребенок, а аллергик, причем аллергия у него только на два продукта – на сахар и туту. От сахара и туты Гранта разносит так, что он начинает синеть и задыхаться. Так уж получилось, что оба эти продукта счастливо сошлись в бакмазе. Как только на горизонте маячит очередная контрольная, Грантик наедается тягучего черного сиропа и впадает в аллергическое неистовство. Приходится срочно доставлять его в больницу, где уколом снимают ему шок и оставляют в палате под наблюдением педиатра тети Светы. Выписывают Гранта только на следующий день, когда опасная контрольная уже позади.

Девочкам сложнее отлынивать от контрольных, девочки прилежные и лучше учатся. Опять же не решаются на всякие эксперименты со своим организмом. Хотя Манька с Каринкой не прочь были бы пропустить занятие-другое, но им банально не повезло со здоровьем. Если на меня, например, достаточно чихнуть, и я вся уже в бахроме из соплей, то с Манькой и Каринкой такой номер не проходит. Болеют они редко, ну, может, два-три раза в год, притом очень неудачно – всегда где-то в начале четверти, когда контрольные вообще не проводятся. Аллергией они тоже не страдают. Зубы у них хорошие, не болят. Уши тоже не болят. Можно, конечно, попытаться прикинуться больной, но маму с Ба не проведешь – это бесполезная затея. Вот и приходится исправно посещать школу и иногда, в особенно волнующие моменты, получать тройки по контрольной.

– Ну ничего, – погладила я Маньку по плечу, – все равно в четверти по математике у тебя получится пятерка, у тебя ведь одни пятерки в журнале!

– Это да, семь пятерок одна тройка не перебьет, – шмыгнула носом Манька. – Я особо и не расстраиваюсь, так просто, рассказала, что за тройку Ба отругала.

– Побила? – заволновалась Каринка.

– Неа, не побила. Пальцем потрясла, вот так. – Манька погрозила Каринке пальцем.

– Ну, это не больно! – махнула рукой Каринка.

– Ага. Но ведет-то она себя все равно странно!

– Как это странно?

– Ну вот так. Разговаривает сама с собой, что-то записывает в блокнот, а потом прячет его от меня в таких местах, что я найти не могу. В магазине вчера чуть не подралась, всем по триста грамм сыра продавали, а ей килограмм подавай, и чтобы с середочки, а не с краешка, где твердая корка! Хороший такой сыр, с дырочками.

– Купила?

– Купила, конечно. С вашей мамой вчера по телефону долго говорила. Главное, когда подойду, она начинает гундосить или вообще на французский переходит, чтобы я не понимала!

Мы с Каринкой переглянулись. Так вот с кем мама вчера целый час конспиративным шепотом общалась! Главное – ни разу по имени не назвала, обычно тетя Роза да тетя Роза, а тут одни труднопроизносимые французские или вообще азербайджанские слова говорила!

Нет, так дело не пойдет. Раз взрослые от нас что-то скрывают, то сами, как говорится, напросились. Теперь мы не отстанем, пока они не расскажут, что происходит.

– Пойдем спросим у нашей мамы, – предложили мы Маньке. – Если повезет – она нам честно все расскажет. А если нет – тогда что-нибудь придумаем.

– Побежали! – И Манька, размахивая скрипкой, пришпорила в сторону нашего дома. Следом, гремя мольбертом, рванула Каринка. Кросс традиционно замыкала я.

Мама открыла дверь за секунду до того, как мы стали в нее колотиться, – видимо, увидела нас в окно.

– Здравссьти, Тетьнадь. А чего это вы с Ба надумали? – сразу пошла в наступление Манька.

– Здравствуй, Манечка. А с чего это ты взяла, что мы с Ба что-то надумали? – вопросом на вопрос ответила мама.

– Вчера по телефону разговаривали на французском? Разговаривали, спрашиваю? – напирала Манька, скидывая ботинки.

– Было дело.

– Ба себя странно ведет? Ведет! Записи какие-то делает, вчера в магазине килограмм сыра взяла. С дырочками, швейцарский! И чего?

– И чего?

– А того! Нам с папой по кусочку отрезала, сама вообще есть не стала. Завернула в фольгу и убрала в холодильник. Словно и не нам вовсе она этот сыр брала! Сейчас руки помоем и вернемся, никуда не уходите.

И, подвинув маму, она ринулась в ванную. Мы потрусили следом, на маму старались не смотреть. Чтобы с боевитого настроения не сбиваться.

– Ну как? – шепнула Манька, яро смывая с рук мыльную пену.

– Нормально. Не сердитесь – уже хорошо, – шепнула я.

– Главное, не сильно на нее напирай, – инструктировала Каринка, – а то она этого не любит.

– А кто это любит? – заступилась за нашу маму Манька. – Я тоже этого не люблю.

– И мы не любим.

– Ладно, пошли.

В прихожей мамы не оказалось. Обнаружили мы ее в гостиной – она сидела в кресле, красиво положив ногу на ногу, – мама вообще умеет красиво сидеть, то ногу на ногу положит, то изящно облокотится – одно удовольствие за ней наблюдать. Мы, воинственно вытянув хребты, чеканным шагом прошли мимо и расположились напротив – уселись на диван. Заметив наши передвижения, Гаянэ с Сонечкой, шумно волоча за собой большой пластиковый мешок с игрушками, потопали из кабинета к нам в гостиную.

– Нет уж, – подскочила мама, – играть вы здесь не будете! Замучилась ваши игрушки по дому собирать.

– Нам скучно! – заныла Гаянэ.

– Сейчас девочки придут играть с вами, и скучно не будет.

– Точно придут?

– Точно. Не успеете до десяти досчитать.

– Один... – спешно начала загибать пальцы Гаянэ.

– Считать надо в кабинете. Вернитесь туда, закройте дверь и начинайте считать.

– Пойдем, – завернула Сонечку Гаянэ.

– Яцем?

– Считать пойдем!

– Дба-цитийе, – закричала Сонечка, разворачивая мешок с игрушками. Мешок грохотал так, словно был специально набит бубенцами и другими гремучими штуками. Манька проводила девочек долгим взглядом, потом уставилась на маму:

– Тетьнадь, вы нам быстро расскажите, чего с Ба задумали, пока они не вернулись.

– Один! – заорала Гаянэ из-за закрытой двери кабинета.

– В пятницу едем в Кировабад, – зачастила мама.

– Как это. А уроки? – подскочили мы.

– Два-а-а-а! – прогудела колоколом сестра.

– Отпросим вас с уроков. Поедем на два дня, вернемся в воскресенье.

– Ура! А в честь чего поедем?

– Три-и-и-и-и-и!!!

– Просто так. Впереди зима, до весны не выберемся...

– Четыре!!! – перешла на вой сирены Гаянэ.

– Шышнацать! – припечатала Сонечка.

– ... вот мы и решили съездить родственников проведать.

– Пя-а-а-а-а-ать! Уже пять! – взвыла Гаянэ.

– Только детям ничего не говорите!

– Не скажем...

– Ше-е-е-е-е-есть!

– Всё, идите, пока она своим криком дом на уши не подняла.

- Се-е-е-е-емь!
- Восемь! – ворвались мы в кабинет. – Чего орешь?
- Я не ору. Я считаю! – оскорбилась Гаянэ.
- А чего так громко считаешь? Мы ж не глухие!
- Откуда я знаю, мозет, и глухие!
- Ты еще скажи, что слепые!

Гаянэ хотела возразить нам, но махнула рукой. Спорить с нами невыгодно: во-первых, большие, поколотить можем, а во-вторых, еще играть откажемся!

- Пойдем лучше в рыцарей играть, – миролюбиво предложила она.
- Давай.
- Только чур копыеносцем в этот раз буду я!
- Так мама ведь забрала шапмур!
- А я его обратно взяла. И за креслом спрятала. Вот.

Совместная поездка в Кировабад планировалась родителями еще с лета. Но почему-то никак не складывалась – то не совпадала с дежурствами папы, то к дяде Мише на завод приезжала высокая комиссия, и ему приходилось гробить свои выходные на организацию досуга для непрошенных гостей, то еще какая-нибудь напасть случалась. Поэтому план по совмещению визита к родственникам удалось реализовать только ближе к концу ноября. Ба за две недели выслала Моте телеграмму, чтобы Зина успела смириться с мыслью о визите золовки. К поездке она готовилась тщательно – набросала список предполагаемых подарков, методично обошла все торговые точки нашего городка и путем мелкого шантажа и даже скандалов добыла Моте свитер с высоким воротом цвета топленого молока, а Зине – красивый набор мельхиоровых столовых приборов.

– Хоть и язва, но своя, – бухтела она маме, с гордостью демонстрируя большую темно-синюю коробку с золотистым тиснением на крышке. В коробке, на бархатном поддоне, зафиксированные держателями и крепко прижавшись друг к другу, лежали вилки, ножи и чайные ложки.

– Не слишком ли жирно для такой язвы? – всплеснула руками мама.

– Конечно, жирно. Но ты ж меня знаешь, Надя, я по-другому не могу.

– Может, лучше Мане оставить, на будущее? – не унималась мама. – Где вы еще такую красоту достанете?

– Достану, никуда не денусь. Эту ведь нашла? Вот и Мане найду. И потом, у нее добра и так навалом – четыре пуховых одеяла, два шерстяных, пять комплектов постельного белья – сатинового, с вышивкой, полотенец гора, хрустальные фужеры, обеденный и чайный сервиз, три ковра...

– Да практически хоть сегодня замуж выдавай, – рассмеялась мама.

– Не говори, Надя! Хоть и живем в двадцатом веке, а приданое все равно по старинке собираем.

– Да разве с таким дефицитом можно по-другому?

– Конечно, нельзя, не голышами же детей в чужую семью отдавать.

При слове «отдавать» Ба сделала такое свирепое лицо, что соответствующее учреждение, отвечающее за заключающиеся браки на небесах, мигом подобрало гузку. Еще бы, ведь если вдруг оно чего-то там напорочит в личном счастье Маньки, то ответ держать придется перед Ба. А ответ перед Ба даже небесным канцеляриям кишка тонка держать!

Слово свое мы с Каринкой сдержали и младшим сестрам проговориваться про поездку в Кировабад не стали. Зато Манька прибежала домой вся в претензиях, с какой это стати Ба так долго скрывала от нее планируемый визит к дяде Моте.

– А чтобы вопросами не выносила мне мозг, ясно? – встала руки в боки Ба.

– Ясно, – мигом согласилась Манька и оставшееся до поездки время активно выносила мозг бабушке разными предложениями, как можно правильно скрасить досуг в Кировабаде.

– Ба, а у них зоопарк есть? Можно в зоопарк сходить, а заодно на аттракционах покататься. Интересно, коктейль «глиасе» в ихнем универмаге продается?

– В ИХ универмаге!

– Чего в их? Продается, да?

– В их универмаге, а не в ихнем.

– Хорошо, в ихнем. То есть в их. Так продается или нет?

– Продается. Только я тебе его не возьму!

– Почему? – взывала Манька с воистину шекспировским трагизмом в голосе.

– Потому что ты мне мозг выносишь!

– Всё, больше не буду. Вот только разочек, один только вопрос задам. Ба, а трамваи у них есть?

– Конечно, есть!

– А если попросить у водителя, то он меня за руль пустит?

– У какого водителя?

– У трамвайводителя!

– Мария!

– Всё-всё, молчу. Вот только последний вопрос. Самый распоследний!

– Твой распоследний вопрос прозвучал три часа назад. Напомнить тебе его?

– Это про крутящиеся лифты?

– Ну!

– А что, спросить нельзя? Может, в Кировабаде есть крутящиеся лифты. Представляешь, сел на первом этаже, он заводится, крутится, словно карусель, и медленно доводит тебя до пятого. Скажи, красота? Я такой лифт во сне видела.

– О боже!

– А чего это «о боже»? Хочешь, что ли, «господибожеваемой» сказать? Всё, молчу, совсем молчу.

– ...

Прошло пять секунд.

– Ба! А вот еще чего я хотела у тебя спросить.

– Да что же это за наказание такое! Что за горе луковое, а?

Когда совсем прижимало, Ба отправляла внучку к нам.

– Вот пусть Надя и расплачивается за свою болтливость, – бухтела она, выпроваживая Маньку в дверь, а потом долго глядела в окно своей комнаты, как, весело подпрыгивая большим помпоном красной шапки, та мчится по улице – мимо деревянных заборов, мимо отсвечивающих в небеса солнечными бликами луж, мимо большой ржавой цистерны с надписью «Живая рыба», где перед буквой «Ж» кто-то заботливой рукой нацарапал НЕ.

Когда Манька скрывалась из виду, Ба садилась в кресло, вытаскивала из пакета завернутый в красивую хрусткую бумагу свитер, раскладывала его на коленях, любовно рассматривала и расплывалась в довольной улыбке. Моте он очень будет к лицу!

Глава 16

Прощай, Кировабад, прощай

Выезжать планировалось ранним пятничным утром, на двух машинах. На нашей Генриетте должны были ехать мама, Гаянэ, Сонечка и Ба. Ну и папа, конечно, куда же без папы. А на пилотируемом дядей Мишей Васе – мы с Каринкой и Манькой. И вещи. Вещей, кстати, набралось три большие сумки, две наши и одна – семейства Шац.

– Вроде все самое необходимое взяла, – вздохнула мама, – а скарба получилось как на большой переезд.

– Надя, не переживай. Вон в Васе сколько места. Доведем! – утешала маму Ба. – Главное, ничего не забудь. Соску взяла?

– Соску нужно отобрать, чтобы взять! Разве у этого ребенка можно что-либо отобрать?

«Этот ребенок» – Сонечка. Когда сестре исполнилось полтора года, мама собрала волю в кулак и сказала – всё, пора уже и честь знать, надо ее от соски отучать. К тому времени Сонечка обзавелась пятнадцатью крепкими зубами, умела шепеляво, но вполне себе внятно изъясняться короткими предложениями и вообще выросла в достаточно словоохотливое и упрямое существо. Так уж завелось исторически, что все наши дети очень рано научились говорить. Я, например, свое первое сложное слово – «разноцветный» – выговорила в восемь месяцев. Каринка заговорила чуть позже, месяцев в одиннадцать, но зато сразу простыми словосочетаниями. Если я была очень медленным ребенком и слова выдавала из себя со скоростью в час по чайной ложке, то Каринка строчила как пулемет, притом говорила исключительно тогда, когда перемещалась по квартире. А по квартире она перемещалась только на попе, садилась на пол, спиной к движению, и, резво перебирая ногами, развивала космическую скорость, сыпля по ходу искрометными наблюдениями степного акына.

– Мама пьисол! Тапоцку надель. Цихнуль. Исо йаз цихнуль. Будь здайов, шпашаба!

Гаянэ, в отличие от нас, молчала в тряпочку до года и трех месяцев.

– Ну хоть один нормальный ребенок! – радовалась мама, но не тут-то было. Однажды она оставила дочь спящей и ушла в магазин – за хлебом. Вернулась минут через двадцать. Открыла тихонько дверь, оцепенела – в спальне Гаянэ с претензией выговаривала кому-то, притом разговор периодически прерывался странным скрипом. Мама осторожно заглянула в комнату к дочке.

В кровати, всклокоченным от беспокойного сна затылком к двери, сидела Гаянэ и убаюкивала куклу.

– Спышь? – любопытствовала она. – Говойу, спышь?

Кукла лежала смирно, с закрытыми глазами, руки вдоль тела. Вроде спала. Гаянэ несколько секунд наблюдала за ней, потом сдергивала с подушки и со скрипом сажала. У куклы моментально открывались глаза.

– Яцем не спышь? – выпытывала Гаянэ. – Яцем? М? Хоцес спать?

Не дождавшись ответа, она укладывала куклу на спину. Та мигом закрывала глаза.

– Спышь? – заводила по новой Гаянэ. – Совьсем спышь?

Мама тихо вышла из комнаты. Постояла несколько секунд в задумчивости. Подошла к входной двери и громко хлопнула ею. В спальне моментально воцарилась гробовая тишина. Она зашла к Гаянэ, поцеловала ее в розовую щечку:

– Уже не спишь?

Гаянэ отрицательно замотала головой и потянулась к маме, показывая жестами, что хочет на руки.

– Скажи: «Не сплю».

Дочка сделала такие изумленные глаза, что мама на секунду даже засомневалась в том, что слышала, как она только что разговаривала с куклой.

Гаянэ еще полгода хранила молчание, а потом решила выгулять в свет свой словарный запас.

– Ампицийин, – звонко подняла она родителей в семь часов утра.

– Чего? – испугался папа.

– Ампицийин и пойосканыя. Содый!

– Чего-о-о-о-о?

– Чего-чего, – передразнила мужа мама, – помнишь, о чем вчера по телефону со своим пациентом говорил? Ты ведь ему советовал принимать ампициллин и делать полоскания содовым раствором! Так?

– Ну!

– Ну. Вот она и повторяет за тобой. Правильно я говорю, Гаечка?

– Дя!

Так что официально наша сестра начала говорить в год и три месяца. А сколько она до этого по большому секрету сама с собой разговаривала – никто не знает. Могла с рождения, с нее станется. Она у нас ребенок с такими удивительными способностями, что мама иногда пугается. Например, Гаечка умеет разговаривать с птицами. Если на крыше гаража напротив вздорно каркает ворона, сестра подходит к окну и начинает выговаривать ей:

– А чего это ты каркаешь? Холодно тебе?

– Кар! – жалуется ворона.

– А перья тебе зачем? Про перья совсем забыла?

– Кар-кар, – кручинится ворона.

– Ничего. Скоро весна придет, тепло будет.

– Кар?

– Точно говорю!

И ворона, щелкнув на прощание клювом, улетает прочь.

Этим летом Гаянэ красиво зацепила трубой пылесоса светильник в гостиной и разбила два плафона. Гонялась за мухой, пыталась засосать ее в трубу. На мамин вопль, зачем она это сделала, Гаянэ исчерпывающе объяснила, что в пылесборнике живет паук, и ему там голодно.

– Да где тут паук! – рассердилась мама и выдернула из пылесоса мешок. Тут же оттуда выпал большой паук с серым крестообразным рисунком на спине и, сердито волоча за собой паутину, потопал под шкаф. Чуть ли не пылесосной крышкой хлопнул, обиженный бесцеремонным обращением мамы.

– Я же говорила! – пожала плечом Гаянэ.

– Это ты его сюда засосала?

– Нет! Он там уже три дня зивет!

Кстати, Гаянэ очень даже четко умеет выговаривать «ж». Но почему-то постоянно съезжает на «з». И вообще под настроение может многие слова переиначивать. Котлету упорно называет «лекаткой», воскресенье – «выскрысеньем», а нашу машину Генриетту – Ригенеттой. Впрочем, учитывая, как ее укачивает в дороге, вполне возможно, что Ригенетта – это мелкая месть Генриетте за предоставленный при езде дискомфорт.

Что касаясь нашей любимой Манечки, то и тут без оригинальностей не обошлось. Ба рассказывала, что заговорила она поздно, почти в три года. А до этого, сосредоточенно сопя, ходила по дому, выколупывала со стен штукатурку и с удовольствием ее ела.

– Это почему я ела штукатурку? Вы что, не кормили меня? – надувалась от таких возмутительных речей Манька.

– Конечно, кормили! И кашами, и мясом, и рыбой, и разновсяким молочным, и протертыми овощами. Завтрак, обед, полдник, ужин – все как положено. И яичную скорлупу в порошок сотрем и в еду добавим, и отварные вкрутую яичные желтки! И солнечные ванны организуем! А толку?

– Чего это «а толку»?

– Того! Рахит мы тебе быстро вылечили. А вот от штукатурки отучить никак не получилось. Поэтому и говорю, что толку было ноль!

Толку действительно было ноль, ведь бросать есть штукатурку Манька не собиралась. Сначала она отколупала ее со стены рядом с манежем, где ее оставляли поиграть. Потом, когда взрослые догадались перетащить манеж в центр комнаты, чтобы ребенок не мог дотянуться до стены, Манька стала устраивать демарши из визга и ора – требовала незамедлительно предоставить ей новую порцию вкусно пахнущей сыростью и строительным материалом штукатурки. На попытки подsunуть творог или яичный желток отвечала горькими слезами. Маньку возили в Ереван – показывать педиатрическому светилу. Светило провело тщательный медосмотр, пошуршало бумажками с анализами. Развело руками.

– Может, у ребенка просто вкус такой? – неудачно пошутило светило, чем оскорбило Ба до глубины души.

– На себя посмотрите! – дыхла она огнем и, вырвав из рук опешившего профессора внучку, выскочила из кабинета, демонстративно громко хлопнув дверью.

Профессор снял очки, протер рукавом халата. Нацепил на нос, прищурился. На стене напротив зияла небольшая, аккуратно обглоданная проплешина – пока шел скрупулезный прием, Манька времени даром не теряла.

В какой-то момент сдались все – Ба, дядя Миша, тетя Галя, районный педиатр тетя Света. Отпустили Маньку на вольные хлеба, на все четыре стороны. Наконец-то добившаяся своего Манька топала по дому и спешно отколупывала штукатурку то с одной, то с другой стены. Надо всюду успеть, а то мало ли, может, эти бессердечные взрослые передумают и снова запрут ее в манеже! Проинспектировав дом, она осталась жутко довольна качеством штукатурки. Отколупывала лакомые кусочки и прибежала к родителям – угощать. Те штукатурку с благодарностью принимали, но есть не спешили. Манька какое-то время ревниво ходила кругами, потом залезла на колени, отбирала штукатурку и пихала им в рот – показывала, что с ней надо делать. Взрослые плотно сжимали губы и мотали головой – преступным образом отказывались есть такую вкуснятину. Бестолковые и ограниченные люди, горе горькое, а не родители!

Закусывать штукатуркой Манька бросила годам к трем. И сразу же заговорила. Сложноподчиненными предложениями в повелительном наклонении. Чтобы знали, кто в доме хозяин, а то, ишь, повадились от штукатурки нос воротить!

В общем, родителям с нами действительно приходилось нелегко. Не дети, а праздник, который неотступно преследует тебя по пятам. Поэтому ничего удивительного, что, когда пришло время отучать Сонечку от соски, наша мама впала в глубокое уныние. Ведь Сонечка – отдельная форма жизни на нашем генеалогическом древе. Мелкая и жутко упрямая форма жизни. Мама, конечно, представляла, что ей будет трудно. Но трудно – это просто цветочки по сравнению с тем, что предстояло пережить нашей семье и нашим соседям. Потому что Сонечка сдавать бастионы не собиралась и поэтому развязала настоящую войну. А так как химическим и каким другим бактериологическим оружием она не располагала, то пустила в ход биологическое. То бишь свой басовитый голос.

Это была настоящая битва – беспощадная и безапелляционная.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а, – надрывалась паровой сиреной Сонечка, – соску дай!

неблагодарное отношение, но аккуратно перед поездкой, в вечер четверга, на пути от релейного завода домой, Вася запнулся посреди дороги и встал как вкопанный. Прямо напротив автовокзала, у остановки, откуда отъезжают в села районные автобусы.

Тут же к раскорячившемуся посреди улицы «газику» высыпал весь автовокзал. Заглядывал под открытый капот, проверял уровень масла и горючего, нырял под машину – в надежде обнаружить какую-нибудь течь. На первый взгляд Вася был полностью здоров. На второй тоже. Багровый от злости дядя Миша ковырялся в проводах и периодически взывал к совести своего железного коня переливчатым от возмущения голосом:

– Ты машина или кто?

Судя по тому, как упорно Вася хранил молчание, машиной он себя не считал.

– Буквально недавно его починил, – гудел откуда-то снизу дядя Миша, – каждый шуруп вот этими руками протер!

«Очень надо!» как бы всем своим видом показывал «газик».

– Бессовестная твоя душонка! – отчаявшись завести машину, выдохнул дядя Миша и со злостью захлопнул капот. – Чтоб глаза мои тебя не видели!

Вася даже дворником не повел.

– Инженер-джан, давай хоть дотолкаем его до стоянки автовокзала. Не оставлять же его посреди дороги, – предложили люди.

Делать было нечего – пришлось вкатить Васю на территорию автовокзала.

– Ма, у нас два выхода: или мы не едем, или я беру билеты на рейсовый автобус, – отзвонился дядя Миша домой из кабинета директора.

– Тогда возьми на меня и на себя. Дети поедут в «жигулях», а мы с тобой – на автобусе.

– Не надо. У тебя давление. Ты поедешь на машине. Девочки большие, ничего с ними не станется.

– Миша, вам с пересадкой ехать! Семь часов!

– Ну и что?

– Они же всю дорогу поют!

– Ничего, автобус потерпит!

На следующее утро мы заехали за Ба, дядей Мишей и Маней. Папа отвез нас на автовокзал, а потом вернулся домой – забирать маму с Гаянэ и Сонечкой. Стартовали они раньше нас, да и скорость рейсового автобуса сильно уступает машине, поэтому мы ехали на два часа дольше.

Первый отрезок пути – из Берда в азербайджанский город Товуз – проделали в оранжевом «пазике». Дядя Миша предусмотрительно взял нам билеты на переднее сиденье, а сам сел на боковое, то, которое находится справа от водителя. Чтобы постоянно держать нас в поле зрения. Они с водителем завели долгий и обстоятельный разговор про недостатки и достоинства «ПАЗа-3201». Периодически, прерывая разговор на полуслове, дядя Миша кидал на нас профилактические испепеляющие взгляды – напускал страх. Чтобы вели себя по-человечески. Мы с Манькой, тщательно напричесанные и всяко наглаженные, сидели рядышком и, стараясь не сильно шевелить губами и ходить лицом, мычали репертуар нашего хора. Петь в полный голос было стыдно, а не петь мы просто не могли. Иначе пришлось бы через каждые триста метров останавливать автобус. Каринка какое-то время со скучающим видом сидела рядом, а потом пересела, благо в автобусе пассажиров было немного, и сиденье позади нас пустовало. За спиной у меня раздалось странное копошение.

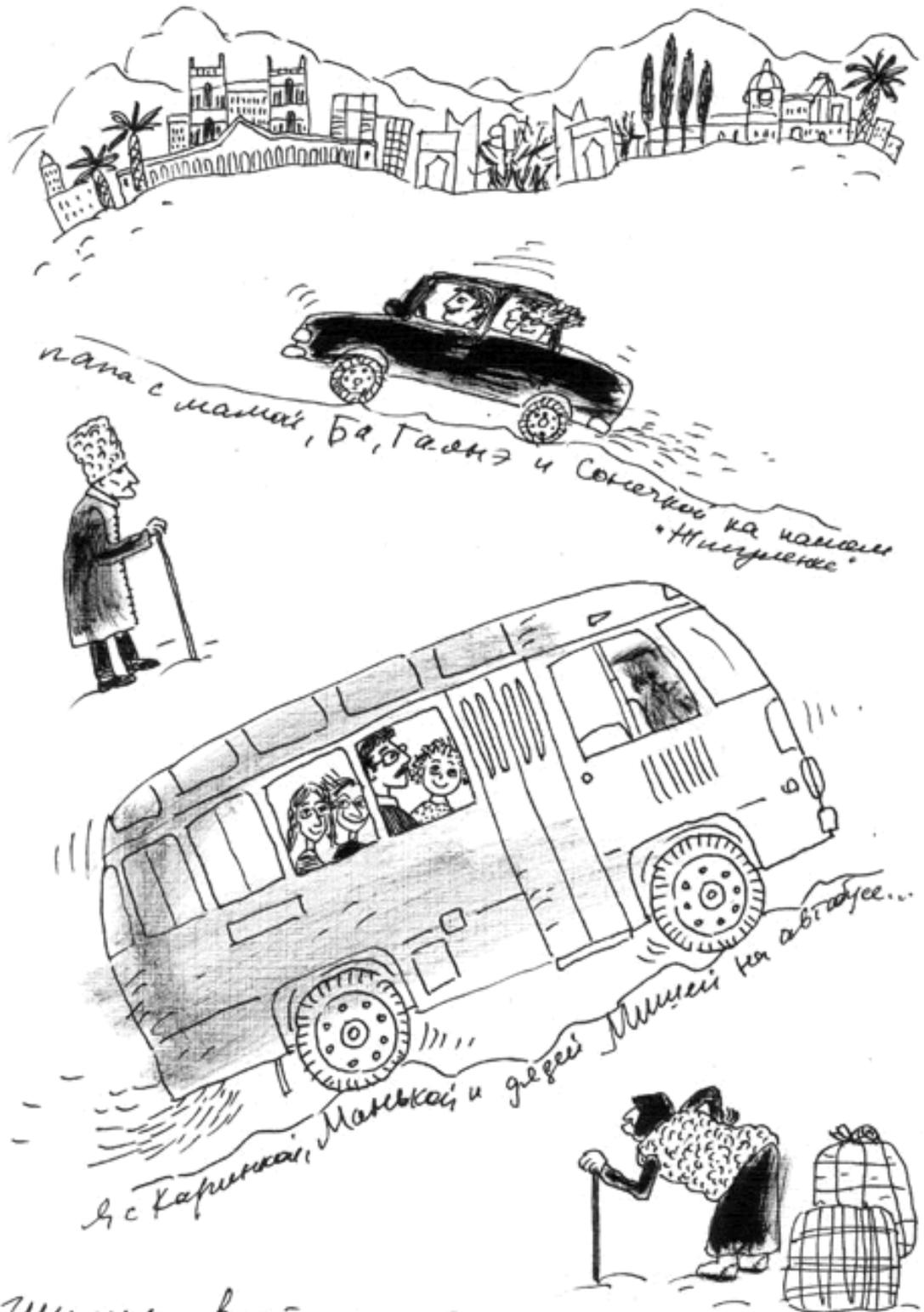
– Ты чего? – не оборачиваясь, промычала я сестре.

– Тут на спинке сиденья много шурупов, – пропыхтела она, – целых семь штук. Отвинчиваю.

– Зачем? – похолодели мы с Манькой.

– А чего там внутри, вы знаете? – огрызнулась Каринка.

- Неа.
- Вот и не мешайте. Только сядьте так, чтобы дядя Миша меня не видел.

Шумные воиточные базары, жемане музаные
трамваи, высокие обметевенне пиары,
широкая река, разделяющая город на
две части: армянскую и азербайджанскую...

Мы с Манькой переглянулись, но виду подавать не стали. Тесно прижались друг к другу и продолжили с прерванного места мычать литовскую народную песню «Пастушок».

– А чем ты гайки отвинчиваешь? – вдруг прервала пение Манька.

– Рукой, – пропыхла Каринка. – Еле отвинчиваются, заразы. Пальцы себе стерла.

– На. – Манька сдернула с волос заколку и, не оборачиваясь, протянула назад.

Каринка аж заскулила от счастья:

– Она с боков совсем плоская, как настоящая отвертка!

Дядя Миша уставился на нас испытующим взглядом.

– «Много песен слышал я в родной стороне...» – затянули мы «Дубинушку».

– А где Каринка? – не стал покупаться на наш невинный вид дядя Миша.

– Я тут, – вынырнула из-за моей спины сестра.

– Ты зачем пересела?

– У окна охота посидеть.

– Переедем границу, придется тебе пересаживаться на свое место, – глянул в зеркало заднего вида водитель.

– Это почему?

– В Азербайджане в автобус набьется много народу.

– Ла-а-адно, как только переедем границу – пересяду.

Дядя Миша привстал с места, чтобы лучше разглядеть Каринку.

– Ты чем там занята?

– Зато установили противотуманные фары, что при наших погодках – большое счастье, – продолжил разговор водитель, чем очень удачно отвлек Дядимишино внимание на себя.

Шебаршение на заднем сиденье усилилось – нужно было успеть разобрать сиденье до того, как мы переедем границу с соседней республикой. От волнения у нас пересохло в горле – мы с Манькой прекратили петь, только с замиранием сердца прислушивались к возне, которую затеяла за нашими спинами Каринка.

«Бю, бю», – скрипели шурупы.

К нашему счастью, дорога к границе была в страшных выбоинах – автобус немилосердно трясло, скрипели сиденья, каждый раз, весело подпрыгивая на ухабах, набирал голосовые обороты водитель – не иначе ему казалось, что, чем громче он орет, тем умнее его мысли. Дядя Миша явно скучал под его крики о карданных и коленчатых валах. Периодически он оборачивался к нам и глядел долгим испытующим взглядом через толстые стекла очков. Мы с Манькой елейно улыбались в ответ. Дядя Миша от наших елейных улыбок вытягивался лицом и покрывался испариной.

В районе села Айгепар шебаршение сзади достигло апогея – стало ясно, что Каринка приступила к спешному откручиванию последнего шурупа – ведь еще немного, буквально десять минут езды, и мы подъедем к первому азербайджанскому селению. И тут фортуна повернулась к нам спиной – автобус притормозил у остановки. С лязгом открылись двери, и в следующий миг в салон полетели два больших баула. Мы с Манькой еле успели увернуться от них.

– Сынок, – раздался скрипучий голос, – помоги бабушке подняться по ступенькам!

Дядя Миша вышел из «ПАЗа» и, почтительно поддерживая под локоть древнюю, согнутую под прямым углом пополам старушку, помог ей взобраться в автобус. Старушка проворно взобралась на сиденье дяди Миши, подцепила набалдашником клюки сумки и подтянула их к себе.

– Мать, ну чего ты сумками в салон кидаешься, чуть детей не зашибла. Мы бы сами их затащили, – пожурил старушку водитель.

– Зачем помогать? – оскорбилась старушка. – Руки у меня сильные, а вот ноги уже не несут. Так что сумки я сама куда угодно занесу.

– Пап, садись рядом с Наркой, а я к Каринке пересяду, – сделала попытку спасти положение Манька. Но тут раздался леденящий душу лязг – это Каринка, не дождавшись отъезда автобуса, потянула на себя отвинченную спинку нашего сиденья.

– Что там такое? – подскочил водитель.

– Все нормально, я сейчас разберусь, – кинулся коршуном к нам дядя Миша. Первым делом он скрутил Каринку и отобрал у нее импровизированную отвертку. Затем развил бурную деятельность – прижав коленом к сиденью спинку, стал прикручивать обратно гайки.

– Я не пойму, тебя что, вообще нельзя одну оставлять? – пыхтел он.

– Мне скучно ехать! Сидишь и сидишь. Ничего не происходит! – забухтела Каринка.

– Ну и хорошо, что не происходит. Тебе что, обязательно надо, чтобы что-то происходило? Где последняя гайка?

– Ага, обязательно надо, чтобы происходило.

– Где, я тебя спрашиваю, последняя гайка?

– В кармане. Я ее на память взяла!

– Дай сюда! На память она взяла! На долгую память, ага. Горе ты горькое, чудо ты в перьях!

По мере того как автобус приближался к городу Товузу, в салон набивалось все больше и больше народу. Старушка здоровалась с каждым вновь прибывшим, спрашивала имя-фамилию, уточняла родословную. Через какое-то время почти все сиденья были заняты. За Каринкой с дядей Мишей сидели две бойко переругивающиеся на азербайджанском тетечки. Мы с Манькой, шепотом подпевая друг другу, внимательно прислушивались к их разговору, пытаюсь понять, чего это они не поделили. Но даже некоторые русские слова, которыми они сыпали по ходу своего жаркого диспута, не прояснили ситуации. В конец автобуса забились большая и шумная семья – мама, папа, и много детишек, штук восемь наверное. Дети расселись по сиденьям и тут же начали стенать. То одного мутит, то второго. Сначала автобус останавливался по каждому требованию, потом водитель рассердился, вытащил из-под сиденья большой пакет и предал его расстроенной мамочке семейства.

– Я же не могу через каждые триста метров останавливаться! Так мы до Товуза три дня ехать будем!

– Спасибо, – растрогалась мамочка и стала бегать с пакетом от одного сиденья к другому.

Потом в автобус заполз древний старик в большой папахе из овчины – такие головные уборы большая редкость в наших краях, поэтому мы с Манькой постоянно озирались на старика, чтобы удостовериться, что нам не померещилось, и на голове у него действительно папаха. Дед глядел сквозь нас большими водянистыми глазами, беззвучно шевелил губами и периодически гладил себя руками по лицу.

– Молится, – шепнул нам дядя Миша.

– А чего это он так молится? – удивились мы.

– У него религия другая, он мусульманин, вот и молится, как положено мусульманам. Вообще молятся они на коленях, но раз уж он совсем древний и слепой, то ему можно молиться сидя.

– А откуда ты понял, что он слепой? – прошипела уголком рта Манька.

Дядя Миша тихонечко рассмеялся.

– Ну, это сразу понятно. Человек ходит на ощупь, смотрит сквозь тебя. Наверное, еще и глухой как пень.

– Вот ведь молодежь пошла. Наглая и бессовестная, – прервав молитву, подал голос старик.

– А чего это? – встрепелась старушка.

– То слепым обзовут, то вообще глухим.

У дяди Миши запотели стекла очков.

– Простите, пожалуйста... – принялся неловко извиняться он, но его прервала старушка.

– Это кто такой наглый? – подалась вперед она.

– Да вот, – ткнул длинным узловатым пальцем в сторону дядя Миши рассерженный дед.

– Извините, я не хотел, – еще раз попытался встрять дядя Миша. Но куда там! Старик со старушкой словно того и ждали – всю оставшуюся дорогу до города Товуза они, перекрывая недовольным дребезжанием шум в автобусе, жаловались на молодое поколение, молде, сами ничего не умеют, войну не выиграли, родину не отстояли, только и горазды, что неуважительным отношением взрослых обижать. Дядя Миша сначала расстраивался, потом махнул рукой, отвернулся да сидел, весь из себя красный, и с утроенным любопытством разглядывал в окно каждый мимо проплывающий кустик или дерево.

– Это гранат, а это королек, видите? Листья сошли, а плоды дозревают на дереве. Красота!

Мы делали вид, что нам жутко интересно слушать ботанические разъяснения, а Каринка, движимая состраданием, задавала разные наводящие вопросы, на которые дядя Миша с большой охотой, долго и обстоятельно отвечал. Старик со старухой всю дорогу не унимались, поэтому в Товуз мы въехали здорово обогащенные разными новыми знаниями о климатических условиях и прочих аграрных достижениях соседней республики.

В Товузе мы первым делом купили билеты на автобус в Кировабад. До отъезда оставалось полтора часа. Дядя Миша заглянул в столовую автовокзала, ознакомился с меню и повел нас на рынок, чтобы закупить еды, – кормить автовокзальными харчами не решился. У входа на рынок продавали большие лепешки какого-то подгоревшего на вид хлеба.

– О, – обрадовался дядя Миша, – жингялов хац! Вот этим мы и перекусим.

– А что это такое? – наморщили носы мы.

– Настоящая карабахская еда. Хлебные лепешки с разными сортами зелени.

– Очень вкусная еда, – зачастила торговавшая лепешками женщина, заговорщицки подмигнула нам и перешла на армянский: – Я сама армянка, родом из Карабаха, так что мой жингялов хац – самый правильный! Вот, попробуйте. – И протянула нам лепешку.

– О-о-о-о, – восхищенно зацокал дядя Миша, жуя хлеб, – давно не ел такого вкусного жингялов хаца! Давайте возьмем каждому по две лепешки и еще мацуна – запивать.

– Этот жингялов хац, который на пробу, я вам за так отдаю, – обрадовалась торговка и принялась складывать в стопку лепешки. – А хороший мацун я сейчас вам подскажу, у кого брать. Вон, видите ту женщину в синей куртке с капюшоном? Она торгует мацуном из буйволова молока. Марина, – крикнула она, перекрывая гомон толпы.

– Да! – откликнулась женщина в синей куртке.

– Продай этому мужчине мацун со скидкой. Он мой постоянный покупатель!

– На моем глазу, – шуточно козырнула женщина.

Через пятнадцать минут мы сидели в сквере возле автовокзала и, запивая вкуснющие лепешки освежающим мацуном из двухлитровой банки, вели разные разговоры, стараясь тактично не упоминать досадное недоразумение, случившееся с дядей Мишей в автобусе. Правда, как бы ни старались, все равно съезжали на эту тему.

– Пап, – трещала Манька, – а ехать сколько до Кировабада?

– Четыре часа.

– А представь, если эти старик со старухой тоже поедут в Кировабад? А если они снова начнут тебя ругать? Все четыре часа!

– Хм.

– Можно вытворить что-нибудь такое, чтобы они про твоего папу забыли, – отхлебнула из банки Каринка.

– Уймись, Чапаев. – Дядя Миша вытащил из кармана платок и протер длинные мацунные усы Каринки. – Ничего творить не надо, уж как-нибудь сам разберусь.

К счастью, старик со старухой остались в Товузе. Зато в салоне оказалось большое количество голодных пассажиров, которые, как только тронулся автобус, развернули свои припасы и начали увлеченно есть. Дух отварных яиц, колбасы, зеленого лука, пирожков с картошкой и солений витал над нами все четыре часа дороги. Мы с Манькой пели с удвоенным старанием – от запаха отварных яиц нас мутило так, как никогда прежде. Каринка всю дорогу счастливо проспала, благодаря чему мы вовремя прибыли на автовокзал города Кировабада. А то через час-другой вынужденного бездействия она выкинула бы очередной душегубский фортель, и нас бы высадили где-нибудь на полпути, посреди пустынных степей обдуваемого со всех сторон немилосердными осенними ветрами Азербайджана.

Время, которое мы провели в Кировабаде, к нашему огромному сожалению, промелькнуло одним мгновением. Не успел оглянуться – как уже наступило воскресенье – день отъезда. Но кое-что мы все-таки успели. Ба наконец-то после долгого перерыва побывала в гостях у Моти и вдоволь пообщалась с его женой тетей Зиной. Тетя Зина кормила гостей обильными, но бестолковыми блюдами, а на прощание вручила им ярко-малиновое, в оранжевый и голубой узор, покрывало. Ба развернула подарок и поцокала языком для проформы, но потом долго недоумевала, откуда берутся люди с такой страстью господней вместо нормального человеческого вкуса.

Мы заехали в гости к нашему дяде Мише – маминому старшему брату. У дяди Миши две дочери – Ирина и Алена, и замечательная жена тетя Света. Они сначала накормили нас сытным обедом, а потом повели гулять по городу. Первым делом мы заехали на кладбище к деду, потом зашли в большую армянскую церковь – поставили свечи за упокой душ наших ушедших родственников. В церкви было темно и нарядно, пахло сладким и дымным, мы зажмуривались и ловили отблеск желтых свечных огоньков уголками глаз. Эти отблески переливались на кончиках ресниц разноцветными гирляндами, от этого на душе становилось легко и радостно, как в новогодний вечер. Но у взрослых были печальные и сосредоточенные лица, каким-то другим чутьем мы понимали, что мешать им ни в коем разе нельзя, и поэтому, взявшись за руки, ходили по церкви, изучая иконы.

Потом мы долго бродили по городу. Катались на желтом пузатом трамвае, он лязгал и пронзительно гудел, подъезжая к очередной остановке. К нам подошла полная тетечка в темном платке, проверила талоны, называла маму «ай хала», а Сонечку – «гёзал гыз». Мы смотрели на нее во все глаза – на левой руке у тетечки была настоящая татуировка – голова кобры со вздутым капюшоном.

– Вырасту – сделаю себе такую же, – решила Каринка.

– Только через мой труп! – отрезала мама.

– Она раньше была пиратом. Когда их корабль утонул, ее спасли и доставили на берег моряки датского королевского флота. Вот она и пошла в благодарность работать кондуктором, – с серьезным лицом рассказывал нам дядя Миша.

Мы слушали, затаив дыхание, а взрослые прятали улыбки и перемигивались друг с другом.

Потом мы гуляли по центру города, ели сахарную вату, с испугом озирались на уродливых нищих, которые просили милостыню на тротуарах улиц.

– Вы, главное, не смотрите на них долго, – учила нас Аленка, – а то они очень злые. Могут камнем кинуть или палкой запулить.

Не глядеть на этих нищих во все глаза не представлялось возможным. Это были страшные калеки – с деформированными конечностями, ужасными горбами, в жутких отрешках.

Некоторые из них не только просили милостыню, но и торговали импортными товарами – сигаретами «Мальборо», жвачками и красивыми конфетами в золотистой упаковке.

– До чего же они страшные! – вздохнули мы.

– Это они днем страшные. Вечером вернутся домой, отцепят горбы, распрямят ноги и превратятся в обычных людей, – махнул рукой дядя Миша.

– А чего они себя днем уродуют? – не вытерпела я.

– Работа у них такая. Им медаль за уродство дают. Чем уродливее человек, тем больше медалей.

– Миша! – сделала бровки домиком мама. – Ну чего ты детям головы всякой ерундой забиваешь?

– А чего они мне безоговорочно верят? – встал руки в боки дядя Миша.

– Дядя Миша, ты что, врешь нам? – расстроилась Гаянэ.

– Не вру, а придумываю. Это разные вещи, понятно?

– Ага, – неуверенно кивнули мы.

– Понятно или еще раз объяснить?

– Если можно, объясни еще раз, дядя Миша.

– Например, я говорю, что небо зеленое. Как вы думаете, я вру или придумываю?

– Врешь, – тренькнули мы с Аленкой.

– Придумываешь, – отозвались остальные девочки.

– А вот и не угадали! Фантазирую я, ясно?

– Я-а-а-а-асно!

– А если я говорю, что небо красное, что это означает?

– Что ты врешь?

– Здрассьти! Это означает, что мы живем на Марсе. Марсиане мы, понятно? Инопланетяне. Глаза врасстыр, тело пупырчатое, на каждой руке по три пальца и еще восемь под мышками торчат!

– Чего восемь торчат?

– Пальцев торчат! Из-под каждой подмышки. А всё почему?

– Почему? – проблеяли мы.

– Потому что небо красное!

– Света, как ты с этим балаболом живешь? – периодически восклицала мама.

– Весело живу, – смеялась тетя Света.

А вечером мы чаевничали у бабули. Бабуля угощала нас творожной запеканкой и ореховым рулетом – рассыпчатым, коричневым, тающим во рту. Папа съел по три куска рулета и запеканки, лег на диван и начал жаловаться на тяжесть в желудке.

– Вот, отравила родного зятя выпечкой, – подтрунивал над бабулей ее сын.

– Ну что ты такое говоришь, Миша, – ахала бабуля. – Мой зять – золото, разве можно его отравить?

– Чайная ложка крысиного яда – и «легким движением руки» золото превращается в чугуны!

– Миша, – держался за бок папа, – не смей меня, Миша!

– А чего Миша? Я уже сорок лет как Миша! Хоть бы кто мне за это медаль вручил!

Или хотя бы грамоту!

– Ой-ай, – хватались за животики мама с тетей Светой.

Оба дня мы засыпали очень поздно – в три часа ночи. Никак наговориться не могли. В субботу нас выпустили во двор – поиграть. Азербайджанского мы совсем не понимали, поэтому Иринка с Аленкой работали переводчицами. Играли мы недолго, до того момента, как Каринка подралась с мальчиком Сеидом. Мальчик Сеид полез к ней с рукопашной, за что и поплатился – убежал домой весь в слезах, с большой шишкой на голове, жаловаться роди-

телям. А мы благоразумно поднялись в квартиру бабули. Пусть взрослые сами между собой разбираются, мы свое дело уже сделали. Правда, родители Сеида приходят разбираться с нами не стали. Видимо, Сеид каждый день прибежал домой с новой шишкой, вот они и не придали значения еще одной ландшафтной неровности на голове сына.

А в воскресенье, попрощавшись с родственниками, тем же макарон мы вернулись домой – я с Каринкой, Манькой и дядей Мишей на автобусе, а папа с мамой, Ба, Гаянэ и Сонечкой – на нашем «жигуленке». Пока автобус не тронулся с места, Манька спешно рассказывала последние новости:

– К дяде Моте в гости пришла одна тетечка, такая, знаете, старая уже, вся в морщинах. Звали ее Фатима. Она знаете чего нагадала Ба на кофейной гуще?

– Чего нагадала?

– Что скоро она получит весточку откуда-то издалека. Которую долго ждет. И что эта весточка перевернет нашу жизнь.

– А Ба чего?

– А Ба посмеялась. Она же не верит во все эти гадания.

Потом автобус тронулся с места, и мы какое-то время наблюдали в окно уплывающий город. Было такое впечатление, словно это не мы едем, а дома и улицы уходят куда-то в даль, растворяясь в туманной дымке. Шумные восточные базары, желтые пузатые трамваи, высокие, облетевшие чинары, широкая река, разделяющая город на две части – армянскую и азербайджанскую.

Манька какое-то время наблюдала за уплывающим городом, а потом тихим голосом завела:

– Прощай, Кировабад, прощай.

– Прощай, Кировабад, прощай, – подхватила я.

– Почему прощай? – удивился дядя Миша. – Нужно петь «до свидания, Кировабад», а не «прощай». Чтобы вернуться сюда еще раз.

Я замолчала, принаравливаясь к «до свиданью», а Манька даже ухом не повела. Она глядела в окно, на скрывающийся из виду большой город, и тихо пела:

– Прощай, Кировабад. Прощай.

Глава 17

Манюня празднует Новый год, или Счастье Человечка Домового

Зима в том году выдалась удивительной. За окном весь декабрь кружил крупными хлопьями снег, стелился пушистой пеленой на балконные перила, ерошился огромными ватными ворохами на макушках густых голубых елей. По вечерам искрился золотом в световом обрамлении тонконогих и пучеглазых уличных фонарей; поддетый порывом ветра, срывался с крыш и падал рыхлыми комьями на протопанные в высоком снегу узкие пешеходные дорожки, по-старчески недовольно кряхтя: «Пхххх, пхххх!»

Стороннему наблюдателю могло почудиться, что Берд впал в спячку – нескончаемо падающий снег заглушил голоса и размыл очертания домов в непроницаемую молочную стену. Казалось, кто-то укутал городок пуховым одеялом и убрал на верхнюю полку бельевого шкафа – подальше от шума и суеты.

На самом деле Берд жил своей обычной жизнью, по крайней мере, очень старался не выбиваться из привычной колеи. Удавалось это с большим трудом – сообщение с внешним миром было прервано, спал аэропорт, и даже автовокзал не работал – через заваленный снегом горный серпантин не мог пробиться ни один автобус. Пустовал колхозный рынок – перевал к Красносельску был засыпан по макушку сошедшими лавинами, а дорога в Азербайджан утопала в снежных заносах.

Но городок не унывал – он готовился к очередным новогодним праздникам. Новый год нужно встречать в кристальной чистоте, поэтому в домах проводилась генеральная уборка – перестирывались шторы, перемывались окна, выметалась из дальних углов паутина, а ковры обязательным образом выбивались на снегу. Счастью детворы не было предела – можно на санках с горок кататься, можно до одури в снежки играть, а можно, обманув внимание взрослых, воровато есть снег, зачерпывая его вдушенной и сосульчатой варежкой. Каждый раз почему-то надеешься, что он обернется сахарной ватой или ванильным мороженым, а снег на вкус остается неизменно холодным, немного колючим и пахнет горным ручьем. Если очень повезет с занятостью взрослых, можно построить невысокую, но вполне вместительную снежную хижину – налепил комьев, сложил в три стены, накрыл стыренным со стройки куском брезента, еще один кусок брезента приспособил под дверь... Жаль, в нашем городе живут исключительно зловредные мальчишки, при виде очередной снежной постройки они превращаются в настоящих варваров и разваливают ее в считанные секунды.

Зима – счастливое время года. Счастливое и беззаботное. Мы не очень понимаем, почему взрослые не очень ее жалуют. Кивают на холод, на количество одежды, в которую непременно приходится кутаться, на короткие дни и длинные ночи. Ну и что? Можно подумать! Зато зимой встречаешь Новый год, наряжаешь елку, накрываешь праздничный стол! Дома пахнет хвоей и мандаринами, в гостиной переливаются огоньки гирлянд, по телевизору показывают разные мультики и сказки. На столах стоит угощение – орехи, изюм, сухофрукты, конфеты, свежие фрукты. А на кухне хлопочут мама с Ба – готовят обязательное для новогоднего стола блюдо – толму в виноградных и капустных листьях, притом в толму из капустных листьев добавляют дольки айвы и чернослива – они удачно оттеняют вкус мяса и придают ему изысканный аромат. Запекается большой, фаршированный дольками чеснока, натертый крупной солью, специями и сепарированной сметаной окорок. Готовятся салаты на грецких орехах, обильно украшенные веточками свежей зелени и посыпанные зернышками граната – баклажанный, из красной фасоли, свекольный. Загодя закупается традиционная для наших столов обильная мясная закуска – домашняя ветчина и колбаса, бастурма, суджух.

Обязательный сыр – грузинский сулугуни, армянский чанах, настоящая пахучая брынза, ехегнадзорский хорац панир. Пекутся ореховые рулеты и печенья, слоеный торт «Наполеон», эклеры с заварным кремом... Вкуснота!!!

Мы с Манькой рисуем новогодние открытки – папам, Ба, маме, сестрам. Каринка строчит стихи, которые потом вкладывает в открытки. Взрослые невероятно довольны нашими поделками – восхищенно цокают языком и цитируют неожиданные Каринкины рифмы.

«Новаго щастья, Новаго года, жылаем, чтобы всигда вас радовала пагода!» – строчит Каринка дяде Мише.

«Дважды два четыре, пятью семь – трицать пять. Если ты не вериш мне, можеш пощитать апять!» – внушает она Гаянэ.

«Старшая сестра, высокая и худая. Играиш на фортепьяно. Стакато играиш и форте, но чаще всево – пиано!»

«Манька, ты нам верный друк. И мировая девчѣнка. Как хорошо, что ты девчѣнка, а не какая-нибудь мальчѣнка!»

«Мама, ты наша мама. Красивая и илигантная. Любишь папу и нас, а еще любишь кантрабас!»

«Наш папа – настоящи врач и золотые руки. Любит лазить по диревьям и вырывать зубы».

«Ба, тибя зовут Розой низря. Ты пахожа на ароматную розу – большая и кучирявая!»

Каринкины стихи пользуются оглушительным успехом. Весь год взрослые цитируют их и склоняют на разные лады. Особенно усердствует Ба.

– Мойше, ты чего сегодня такой хмурый? Не радуется погода? – допытывается она у сына.

– Юрик, успел полазить по деревьям или несолоно хлебавши вернулся домой?

– Красивая и илигантная ты наша, как там твой кантрабас? – вещает она в трубку маме.

Слова свои Ба сопровождает приступами гомерического хохота. Слушать с постной миной, как она цитирует Каринку, категорически невозможно. Поэтому все следом за Ба срываются в истерический смех. В общем, сестра задает своими новогодними виршами настроение на целый год вперед.

Недавно в нашей семье случилось «прибавление». С очередных курсов повышения квалификации папа вернулся с большим подарком – раздобыл в ГУМе огромного, ростом с Сонечку, Деда Мороза. Шуба Деда Мороза отливает серебром, борода длинная, белая, пушистая и мягкая. В правой руке он держит ледяной посох, а в левой – мешок с подарками. Конечно, мы уже большие и понимаем, что мешок с подарками бутафорский, но отказать себе в удовольствии поковыряться в нем не смогли. В мешке оказалась банальная вата. Мы вытащили ее и затолкали туда орешков – теперь мешок рельефный, словно доверху набит взаправдашними подарками. Снегурочка у нас не новая, со времен маминого студенчества, но очень красивая – в высоком блестящем кокошнике и голубой накидке с настоящей меховой оторочкой на груди. На руках у нее крохотные варежки, вышитые снежинками.

Елку мы стараемся наряжать, когда Сонечка спит. Иначе она растаскивает по дому игрушки и, как заправская сорока, прячет в укромных уголках. А вот к нарядно переливающейся елке сестра относится с большим пиететом – ничего не выдирает, только, задержав дыхание, ходит кругами, на выдохе надувает щеки и восхищенно приседает:

– Ух ти-и-и, ух ти-и-и-и-и!

Когда Сонечка застала под елкой нового Деда Мороза, она сначала не поверила глазам своим. Заспанная и розовощекая, вся в бежевой пижаме с мишками, она замерла на секунду, потом, мелко приседая и чуть ли не бия челобитные, поползла к елке.

– Вот кто к нам пьисёл! – приговаривала она подобострастно. – Вот кто пьисёл. Пьивет!

– А кто пришел? – любопытствовали мы.

– Не видишь, што ли? – обернулась к нам Сонечка. – Пысёл целовецек домовой! С мышком!

Человечек Домовой не подозревал, что его ждет. Когда в московском ГУМе его вручили высокому мужчине с характерным блеском победителя в глазах (еще бы, отстоять километровую очередь и уйти с покупкой – не это ли есть победа?), он сразу признал в нем хозяина. Представил тихую патриархальную семью, куда его приведут. В этой семье дети ходят по стеночке, жена хозяина, обмотав лицо от робости и прочей стеснительности платком, с утра до вечера готовит на кухне и выглядывает оттуда только с высочайшего позволения супруга.

«Еду в рай», – решил Человечек Домовой.

Семья на первый взгляд оказалась странной. По дому бегали склонные к разрушительной в особо крупных размерах деятельности девочки, жена хозяина щеголяла в коротком платье, выставив на всеобщее обозрение пусть и прекрасные, но голые колени, не говоря уже о прочих женских уловках в виде накрашенных километровых ресниц и пышных, обвязанных голубой шелковой лентой волос! Девочки первым делом распотрошили мешок с подарками, затолкали туда какой-то тяжеленной чепухи. Тут прискакала еще одна девочка, круглоглазая, с развевающейся надо лбом прядью непослушных волос, притащила ножницы и предложила подровнять ему бороду, а то тут она клокастая, а там вообще кучерявая! И если бы не хозяйка дома, которая налетела в последний миг, выдрала его их цепких рук девочек и убрала на антресоли – до лучших времен, то не факт, что он бы вообще дожил до новогодних праздников!

Потом его выставили под наряженной елкой, рядом стояла красавица Снегурочка, которую он сразу же полюбил всеми фибрами своей дедовской души, вроде жизнь засияла новыми манящими красками, и тут на тебе, в комнату вбегает пухлое розовощекое создание, лучится васильковыми глазами, падает ниц и называет его Человек Домовой!

Человечек Домовой даже не подозревал, какие тяжелые для него наступили времена. Сонечка влюбилась в него раз и навсегда и отказывалась расставаться хоть на секунду – волокла за собой по квартире, драла бороду игрушечной расческой, пыталась накормить кашей и ежеминутно сажала на горшок. Человечек Домовой садиться на горшок отказывался, отплевывался кашей и крепко подозревал, что попал не в рай, а в какое-то другое, очень даже возможно, что противоположное от рая место.

Запретить Сонечке терзать Человечка Домового мы не могли – она тут же срывалась в свой фирменный плач.

– Ладно, играй с ним, только не ломай, хорошо? – увещевала мама.

– Хайясо! – мигом унимала рев Сончека и принималась терзать своего нового любимца с удвоенной силой.

Вечером она улеглась спать с Человечком Домовым. Всех выгнала из спальни, крепко закрыла дверь, пела ему нежным басом про сёренькаго войцка. Когда мама через полчаса заглянула в спальню, Сонечка спала, обняв за шею Человечка Домового. Мама тихо перенесла дочку в ее кроватку, водрузила Деда Мороза под елку и пошла звонить Ба:

– Тетя Роза, она сегодня без соски уснула! Даже не вспомнила о ней!

– Видимо, ребенку для полного счастья домового под боком не хватало, – заухала довольная Ба.

Новогодний стол мы накрывали всей семьей. Пока папа с дядей Мишей бились со столешницей, чтобы разложить праздничный стол, мы с Каринкой и Манькой тащили стулья. Взяли в комод большую белую скатерть, мама ее сама вышила – шелковые белые гроздья винограда на белом сатиновом полотне. Казалось бы, белое на белом не разглядишь, ан нет! Увитые тонкой лозой гроздья выделяются белыми облачками, такое впечатление, словно они немножко, на миллиметр, поднялись над скатертью и парят в воздухе. Мама сейчас тайком вышивает еще одну такую скатерть, для Ба, – готовит подарок к ее дню рождения. Вышивает она под большим секретом, знаю об этом только я и ценой невероятных усилий не проговариваюсь Каринке с Манькой. Потому что, если проговорюсь – секрет перестанет быть секретом, и мы быстренько проболтаемся Ба. Вот и приходится мне изо всех сил молчать.

Разложив стол, папа с дядей Мишей усаживаются за шахматы. Дальше балом правят Ба и мама, а мы выступаем в роли подмастерьев – красиво раскладываем тарелки и салфетки, протираем льняным полотенцем до блеска вилки с ножами и фужеры, вилки раскладываем справа от приборов, ножи слева.

– Поменяйте вилки и ножи местами, – подсказывают нам наши папы. Они, хоть и увлечены шахматами, но краем глаза следят за нами. Тем временем над Бердом витает большое, вкусно пахнущее облако толмы – в каждой семье сегодня варят это сытное и обязательное для новогоднего стола блюдо. Мама тоненькими лепестками нарезает мясную закуску, Ба заправляет «Столичный» салат сепарированной сметаной, выкладывает в вазочку, украшает дольками крутосваренных яиц и зернышками граната. Она твердо уверена, что зернышки граната – неперемнное условие для того, чтобы любой салат имел изысканный вид. Мама с ней полностью согласна.

За окном ветер играет большими хлопьями снега, по телевизору показывают «Иронию судьбы, или С легким паром», фильм, который мы очень любим. Стол полностью сервирован, мы, празднично одетые и тщательно напричесанные, сидим на диване – ждем, когда всех пригласят к столу. Сегодня свершилось чудо – с большим боем, но Каринка надела платье. Платье красивое, с юбкой в шотландскую клетку и темным верхом с высоким воротом. Если глядеть на сестру немного прищурившись, можно решить, что в этом платье ходит настоящая принцесса – высокая и изящная. Но если фокус зрения вернуть на место, то сразу понимаешь, что на самом деле в этом платье страдает наша Каринка, сильно страдает, но

виду не подает – обещала маме с папой хотя бы в новогоднюю ночь вести себя как Мальвина. Вот и ходит со скучающим лицом и поминутно одергивает подол платья.

Ба накрутила волосы в высокую прическу, надела свое парадное синее платье в мелкий горох, напудрилась, надушилась капелькой духов и превратилась в настоящую королеву. Мама сделала модную прическу под Мирей Матье, подвела глаза, открыла плечи. Какая она все-таки у нас красавица!

Сонечка давно уже спит в своей кровати. Мы аккуратно извлекли из ее объятий Деда Мороза и поставили под елку.

– Одиннадцать тридцать! – возвещает Ба. – Пора за стол!

Человечку Домовому плохо видно, что творится за столом, – мешает большой золотистый шар, низко свисающий с еловой ветки. Он опирается на ледяной посох, вытягивает шею...

За большим праздничным столом сидит большая семья. Мужчина в очках воюет с пробкой, женщина в красивом белом жакете перегнулась через стол и вцепилась в бутылку обеими руками.

– Чтобы не опрокинул на скатерть, – пыхтит она.

– Мамеле, может, ты сама откроешь?

– Нет уж, бутылки открывать – мужское дело. Наше дело – подстраховать!

Высокая светленькая девочка, смешно жестикулируя, шепчет что-то пухленькой кареглазой девочке. Другая девочка, с шепотным выражением лица, перегнувшись через колени кареглазой девочки, слушает внимательно и поддакивает.

– Ой, про блинчики с мясом забыли, – вскакивает из-за стола жена хозяина. Она сегодня чудо как хороша – узкое платье, красивая укладка, туфли на каблуках.

– Надя, я тебе помогу, – кидается следом взрослая женщина в белом жакете, – пожарить-то успеем? А то времени осталось всего ничего, двадцать минут!

– Успеем!

– Давай я, – тянется к бутылке с вином хозяин.

– Да я уже всю пробку искрошил, – жалуется мужчина в очках.

– Сцедим, – смеется хозяин.

Воспользовавшись занятостью взрослых, пятилетняя девочка, тихо сидящая рядом с девочкой в клетчатом платье, тянется к тарелке, вылавливает несколько оливок и прячет себе в карман. Интересно зачем?

Под бой курантов врываются в гостиную женщины, неся перед собой две большие тарелки с румяными блинчиками. Мужчины освобождают на столе место под новую закуску, наполняют фужеры вином, дети поднимают стаканы с шипучим лимонадом.

– С Новым годом, ура! – перебивая друг друга, радуются все.

«Ура! – повторяет про себя Человечек Домовой. – Ура!»

Ему хорошо и светло. Ему нравятся все эти люди, и даже спящая в кровати маленькая девочка, которая сегодня пыталась крепко запеленать его в банное полотенце и утопить в унитаза, тоже нравится. Спасибо жене хозяина, спасла в последний момент.

Человечек Домовой наблюдает за праздником и греет ладони о радость окружающих. Наверное, это и есть счастье, когда рядом люди, которых ты любишь всей душой. Которые с тобой – навсегда, невзирая на время и расстояния.

Несомненно, это и есть счастье.

Послесловие от автора

Меня часто спрашивают о героях повествования – что с ними стало, в кого они выросли.

Выросли все девочки, как ни странно, во вполне адекватных людей. Согласитесь, очень трудно представить такое по следам нашего ядерного детства.

Мы с Манькой выучились на филологов. Маня потом переучилась еще и в компьютерного программиста и уехала далеко за границу. Там ей живется очень даже счастливо и радостно. Я в долгу не осталась и переучилась в бухгалтера, трудилась на этой ниве несчастным и не вполне удачливым специалистом, пока с горя не начала писать. Вот так иногда из филологов-бухгалтеров вырастают литераторы. Тернистыми неисповедимыми путями сами знаете кого.

Каринка получила два высших образования, проработала какое-то время в важном военном министерстве, а потом ушла в батик с головой. Они с Гаянэ расписывают удивительной красоты шелковые платки – их очень любят туристы, приезжающие в Армению. Приглядитесь к платочку, купленному в Ереване. Вполне возможно, что в его уголке вы обнаружите фамилию Абгарян.

Сонечка выросла в художника-нонконформиста. Это художники, которых хлебом не корми, дай только повыступить против обычного порядка вещей. Очень подходящая ее характеру профессия.

Один мой замечательный друг как-то сказал: «Детство заканчивается в тот миг, когда жизнь перестает казаться бесконечной».

Давайте считать жизнь бесконечной. Тогда наше детство – беззаботное, радостное, прекрасное – будет с нами всегда.

И спасибо нашим родным и близким за то, что оно у нас, такое счастливое, было. Спасибо.